

Афанасий Афанасьевич Фет Вечерние огни

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

* * *

Окна в решетках, и сумрачны лица,
Злоба глядит ненавистно на брата,
Я признаю твои стены, темница,
4 Юности пир ликовал здесь когда-то.

Что ж там мелькнуло красою нетленной?
Ах! то цветок мой весенний, любимый.
Как уцелел ты, засохший, смиренный,
8 Тут, под ногами толпы нелюдимой?

Радость сияла, чиста безупречно,
В час, как тебя обронила невеста.
Нет; не покину тебя бессердечно,
12 Здесь, у меня на груди тебе место.

1

ЭЛЕГИИ И ДУМЫ

* * *

Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю
И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
5 Все тот же золоченый крест.

Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты —
И мне, — мне кажется понятно,
10 Что шепчут куполу листья.

Еще колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,
Стремлюсь, куда-то вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
15 Смиренно празднует душа.

2

* * *

Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел.
Немой восторг будил он самовластно,
4 Но сумрака кругом не одолел.

Пускай клянут, волнуясь и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
8 Отважною, нетонущей ногой.

Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой, — и с ним двойное бытие
Вручила ты, и я, я торжествую
12 Хотя на миг бессмертие твое.

3

* * *

Ты отстрадала, я еще страдаю.
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу и сердцем избегаю
4 Искать того, чего нельзя понять.

А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей. —
Как не цвести всевидящему маю
8 При отблеске родном таких очей!

Очей тех нет, — и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И не судя ни тупости, ни злобы,
12 Скорей, скорей в твое небытие.

4

Alter ego

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья,
4 У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?..

Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,

И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
8 Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
12 Что взирали на них мы как боги с тобой.

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет вас сразу в толпе различить,
16 И мы вместе придем, нас нельзя разлучить.

5

Смерть

"Я жить хочу! — кричит он, дерзновенный, —
Пушай обман! О, дайте мне обман!"
И в мыслях нет, что это лед мгновенный,
4 А там под ним, бездонный океан.

Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?
Что ни расцвет живой, что ни улыбка,
8 Уже под ними торжествует смерть.

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводьям,
Но если жизнь базар крикливый бога,
12 То только смерть его бессмертный храм.

6

Среди звезд

Пусть мчитесь вы, как я покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
4 Не численный я в ней читаю смысл.

В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
8 Вы говорите: "Вечность мы, ты миг.

Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный

12 К тебе просился беззакатный день.

Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где все темно и скудно,
16 К нам, в нашу глубь, где пышно и светло".

7

* * *

*Die Gleichmabigkeit des Laufes der Zeit in allen Kopfen beweist
mehr, als irgend etwas, dab wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja
dab es Ein Wesen ist, welches ihn traumt.*

Schopenhauer

I

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
4 И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевной,
8 Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность,
12 И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
16 Вся сила дрожит и вся вечность снится.

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный,
Твой только отблеск, о солнце мира!
20 И только сон, только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновенье,
Как дым, несусь я и таю невольно;
И в этом прозренье, и в этом забвенье
24 Легко мне жить и дышать мне не больно.

8
II

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милой,
И в звездном хоре знакомые очи
4 Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
8 Сверкают звезд золотые ресницы.

И снится мне, что ты встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела.
И снится, снится, мы молоды оба,
12 И ты взглянула, как прежде глядела.

9

26 мая 1880 года
К памятнику Пушкина

Исполнилось твое пророческое слово;
Наш старый стыд взглянул на бронзовый твой лик,
И легче дышится, и мы дерзаем снова
4 Всемирно возгласить: ты гений, ты велик!

Но, зритель ангелов, глас чистого, святого,
Свободы и любви живительный родник,
Заслыша нашу речь, наш вавилонский крик,
8 Что в них нашел бы ты заветного, родного?

На этом торжище, где гам и теснота,
Где здравый русский смысл примолк как сирота,
Всех громогласней тать, убийца и безбожник,
Кому печной горшок всех помыслов предел,
Кто плюет на алтарь, где твой огонь горел,
14 Толкать дерзая твой незыблемый треножник.

10

1 марта 1881 года

День искупительного чуда,
Час освящения креста:
Голгофе передал Иуда
4 Окровавленного Христа.

Но сердцеведец безмятежный
Давно, смиряясь, постиг,

Что не простит любви безбрежной
8 Ему коварный ученик.

Перед безмолвной жертвой злобы,
Завидя праведную кровь,
Померкло солнце, вскрылись гробы,
12 Но разгорелась любовь.

Она сияет правдой новой.
Благословив ее зарю,
Он крест и свой венец терновый
16 Земному передал царю.

Бессильны козни фарисейства:
Что было кровь, то стало храм,
И место страшного злодейства
20 Святыней вековечной нам.

11

* * *

Когда Божественный бежал людских речей
И празднословной их гордыни,
И голод забывал и жажду многих дней,
4 Внимая голосу пустыни,

Его, взалкавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавой,
"Вот здесь, у ног твоих все царства, — он сказал,
8 С их обаянием и славой.

Признай лишь явное. Пади к моим ногам,
Сдержи на миг порыв духовный;
И эту всю красу, всю власть тебе отдам
12 И покорюсь в борьбе неровной".

Но Он отвечивал: "Писанию внемли:
Пред богом господом лишь преклоняй колени".
И сатана исчез, — и ангелы пришли
16 В пустыне ждать Его велений.

12

Ничтожество

Тебя не знаю я. Болезненные крики
На рубеже твоём рождала грудь моя,
И были для меня мучительны и дики

4 Условия первые земного бытия.

Сквозь слез младенческих обманчивой улыбкой
Надежда озарить сумела мне чело,
И вот всю жизнь с тех пор ошибка за ошибкой,
8 Я все ищу добра и нахожу лишь зло.

И дни сменяются утратой и заботой,
(Не все ль равно: один иль много этих дней!),
Хочу тебя забыть над тяжкою работой,
12 Но миг, — и ты в глазах с бездонностью своей.

Что ж ты? Зачем? Молчат и чувства и познание.
Чей глаз хоть заглянул на роковое дно?
Ты, — это ведь я сам. Ты только отрицание
16 Всего, что чувствовать, что мне узнать дано.

Что ж я узнал? Пора узнать, что в мирозданье
Куда ни обратиться, — вопрос, а не ответ,
А я дышу, живу и понял, что в незнание
20 Одно прискорбное, но страшного в нем нет.

А между тем, когда б в смятении великом
Срываясь, силой я хоть детской обладал,
Я встретил бы твой край тем самым резким криком,
24 С каким я некогда твой берег покидал.

13

* * *

Не тем, господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день твой светлый серафим
4 Громадный шар зажег над мирозданием.

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти твои законы:
Все пробуждать живительным лучом,
8 Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
12 Огонь сильнее и ярче всей вселенной.

Меж тем как я, добыча суеты,
Игралище ея непостоянства, —
Во мне он вечен, вездесущ, как ты,
16 Ни времени не знает, ни пространства.

Никогда

Проснулся я. Да, крыша гроба, — руки
С усилием простираю и зову
На помощь. Да, я помню эти муки
Предсмертные. — Да, это наяву; —
И без усилий, словно паутину,
6 Сотлевшую раздвинул домовину,

И встал. Как яростный этот зимний свет
Во входе склепа. Можно ль сомневаться,
Я вижу снег. На склепе двери нет.
Пора домой. Вот дома изумятся.
Мне парк знаком. Нельзя с дороги сбиться,
12 А как он весь успел перемениться!

Бегу. Сугробы. Мертвый лес торчит
Недвижными ветвями в глубь эфира,
Но ни следов, ни звуков. Все молчит,
Как в царстве смерти сказочного мира;
А вот и дом. — В каком он разрушение!
18 И руки опустились в изумление.

Селенье спит под снежной пеленой,
Тропинки нет по всей степи раздольной.
Да, так и есть: над дальнею горой
Узнал я церковь с ветхой колокольней.
Как мерзлый путник в снеговой пыли,
24 Она торчит в безоблачной дали.

Ни зимних птиц, ни мошек на снегу.
Все понял я. Земля давно остыла
И вымерла. Кому же берегу
В груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И мое сознание
30 С чем связано? И в чем его призвание?

Куда идти, где некого обнять, —
Там, где в пространстве затерялось время?
Вернись же, смерть, поторопись принять
Последней жизни роковое бремя.
А ты, застывший труп земли, лети,
36 Неся мой труп по вечному пути.

Жизнь пронеслась без явного следа.
Душа рвалась. Кто скажет мне, куда?
С какой заране избранною целью?
Но все мечты, все буйство первых дней
С их радостью — все тише, все ясней
6 К последнему подходят новоселью.

Так, заверши беспутный свой побег,
С нагих полей летит колючий снег,
Гонимый ранней, буйною метелью,
И, на лесной остановясь глуши,
Сбирается в серебряной тиши
12 Глубокой и холодной постелью.

16

МОРЕ

Буря

Свежеет ветер. Меркнет ночь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит,
4 То прянет, то отхлынет прочь.

Все раздражительней бурун,
Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
6 Как будто в берег бьет чугун.

Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
12 Готов воскликнуть: "Вот я вас!"

17

После бури

Пронеслась гроза седая,
Разлетевшись по лазури,
Только дышит зыбь морская,
4 Не опомнится от бури.

Спит, кидаясь, челн убогой,
Как больной от страшной мысли,
Лишь забытые тревогой
8 Складки паруса обвисли.

Освеженный лес прибрежный
Весь в росе, не шелохнется, —
Час спасенья, яркий, нежный,
12 Словно плачет и смеется.

18

* * *

Вчера расстались мы с тобой;
Я был растерзан; подо мной
Морская бездна бушевала:
Волна кипела за волной
И, с грохотом о берег мой
6 Разбившись в брызги, убегала; —

И новые росли во мгле,
Росли и небу и земле,
Каким-то бешеным упреком,
Размыть уступы острых плит
И вечный раздробить гранит
12 Казалось вечным их уроком.

А нынче, как моя душа,
Волна светла, — и, чуть дыша,
Легла у ног скалы отвесной;
И в лунный свет погружена
В ней и земля отражена
18 И задрожал весь хор небесный.

19

Море и звезды

На море ночное мы оба глядели.
Под нами скала обрывалась бездной;
Вдали затихавшие волны белели,
А с неба отсталые тучки летели,
5 И ночь красотой одевалась звездной.

Любуясь раздольем движенья двойного,
Мечта позабыла мертвящую сушу,
И с моря ночного и с неба ночного,
Как будто из дальнего края родного,
10 Целебною силою веяло в душу.

Всю злобу земную, гнетущую, вскоре,
По-своему каждый, мы оба забыли,

Как будто меня убаюкало море,
Как будто твое утолилось горе,
15 Как будто бы звезды тебя победили.

20

СНЕГА

* * *

Еще вчера, на солнце млея,
Последним лес дрожал листом,
И озимь, пышно зеленея,
4 Лежала бархатным ковром.

Глядя надменно, как бывало,
На жертвы холода и сна,
Себе ни в чем не изменяла
8 Непобедимая сосна.

Сегодня вдруг исчезло лето;
Бело, безжизненно кругом,
Земля и небо — все одето
12 Каким-то тусклым серебром.

Поля без стад, леса унылы,
Ни скудных листьев, ни травы.
Не узнаю растущей силы
16 В алмазных призраках листвы.

Как будто в сизом клубе дыма
Из царства злаков, волей фей,
Перенеслись непостижимо
20 Мы в царство горных хрусталей.

21

* * *

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
4 Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи все гладко, все бело,
Один лишь ворон против бури
8 Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
12 Над умирающим трудом.

А все надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
16 Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста —
И посвященным только зримо
20 Цветет весна и красота.

22

У окна

К окну прикинув головой,
Я поджидал с тоскою нежной,
Чтоб ты явилась — и с тобой
4 Помчаться по равнине снежной.

Но в блеск сокрылась ты лесов,
Под листья яркие банана,
За серебро пустынных мхов
8 И пыль жемчужную фонтана.

Я видел горный поворот,
Где снег стопой твоей встревожен,
И рассмотрел хрустальный грот,
12 Куда мне доступ невозможен.

Вдруг ты вошла, — я все узнал,
Смех на устах, в глазах угроза.
О, как все верно подсказал
16 Мне на стекле узор мороза.

23

ВЕСНА

* * *

Глубь небес опять ясна,
Пахнет в воздухе весна.
Каждый час и каждый миг
4 Приближается жених.

Спит во гробе ледяном
Очарованная сном, —
Спит, нема и холодна,
8 Вся во власти чар она.

Но крылами вешних птиц
Он свежает снег с ресниц,
И из стужи мертвых грез
12 Проступают капли слез.

24

* * *

Еще, еще! Ах, сердце слышит
Давно призыв ее родной,
И все, что движется и дышит,
4 Задышит новою весной.

Уж травка светит с кочек талых,
Плаксивый чибис прокричал,
Цепь снеговую туч отсталых
8 Сегодня первый гром порвал.

25

* * *

Когда вослед весенних бурь
Над зацветающей землей
Нежней небесная лазурь
4 И облаков воздушен рой,

Как той порой отрадно мне
Свергать земли томящий прах,
Тонуть в небесной глубине
8 И погасать в ее огнях.

О! как мне весело следить
За пышным дымом туч сквозных;
И рад я, что не может быть
12 Ничто вольней и легче их.

26

* * *

Всю ночь гремел овраг соседний.
Ручей, бурля, бежал к ручью,
Воскресших вод напор последний
4 Победу разглашал свою.

Ты спал. Окно я растворила,
В степи кричали журавли,
И сила думы уносила
8 За рубежи родной земли,

Лететь к безбрежью, бездорожью,
Через леса, через поля,
А подо мной весенней дрожью
12 Ходила гулкая земля.

Как верить перелетной тени!
К чему мгновенный сей недуг?
Когда ты здесь, мой добрый гений,
16 Бедами искушенный друг.

27

* * *

Пришла, — и тает все вокруг,
Все жаждет жизни отдаваться,
И сердце, пленник зимних вьюг,
4 Вдруг разучилося сжиматься.

Заговорило, зацвело
Все, что вчера томилось немо,
И вздохи неба принесло
8 Из растворенных врат эдема.

Как весел мелких туч поход!
И в торжестве неизъяснимом
Сквозной деревьев хоровод
12 Зеленоватым пышет дымом.

Поет сверкающий ручей,
И с неба песня, как бывало;
Как будто говорится в ней:
16 Все, что ковало, миновало.

Нельзя заботы мелочной
Хотя на миг не устыдиться,
Нельзя пред вечной красотой
20 Не петь, не славить, не молиться.

28

* * *

Я рад, когда с земного лона,
Весенней жажде соприсущ,
К ограде каменной балкона
4 С утра кудрявый лезет плющ.

И рядом, куст родной смущая,
И силясь и боясь летать,
Семья пичужек молодая
8 Зовет заботливую мать.

Не шевелюсь, не беспокою.
Уж не завидую ль тебе?
Вот, вот она здесь под рукою,
12 Пищит на каменном столбе.

Я рад: она не отличает
Меня от камня на свету,
Трепещет крыльями, порхает
18 И ловит мошек на лету.

29

Майская ночь

Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа;
Прозрачный их отрезок мягко тает
4 У лунного серпа.

Царит весны таинственная сила
С звездами на челе. —
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
8 На суетной земле.

А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно, как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой...
12 И в вечность улетим!

30

* * *

Я ждал. Невостою-царицей
Опять на землю ты сошла.

И утро блещет багрянцей,
И все ты воздаешь сторицей,
5 Что осень скудная взяла.

Ты пронеслась, ты победила,
О тайнах шепчет божество,
Цветет недавняя могила,
И бессознательная сила
10 Свое ликует торжество.

31

МЕЛОДИИ

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад; лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
4 Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
8 Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
12 Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
16 Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

32

* * *

"Что ты, голубчик, задумчив сидишь,
Слышишь — не слышишь, глядишь — не глядишь?
Утро давно, а в глазах у тебя,
4 Я посмотрю, и не день и не ночь".

Точно случилось жемчужную нить
Подле меня тебе врозь уронить.
Чуждую песню я слышал во сне,
8 Несколько слов до яву мне прожгло.

Эти слова-то ищу я опять
Все, как звучали они, подобрать.
Верно, ах! верно, сказала б ты мне,
12 В чем этот голос меня укорял.

33

* * *

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
8 И тебе не томно?

Истерзался песней
Соловей без розы;
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно.
И тебе не томно?
16 И тебе не больно?

34

* * *

Одна звезда меж всеми дышит
И так дрожит,
Она лучом алмазным пышет
4 И говорит:

Не суждено с тобой нам дружно
Носить оков,
Не ищем мы и нам не нужно
8 Ни клятв, ни слов.

Не нам восторги и печали,
Любовь моя!
Но мы во взорах разгадали,
12 Кто ты, кто я.

Чем мы горим, светить готово
Во тьме ночей.

И счастья ищем мы земного.
16 Не у людей.

35

* * *

Истрепались сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами;
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
4 Все сорвать хочет ветер, все смыть хочет ливень ручьями.

Никого! ничего! Даже сна нет в постели холодной,
Только маятник грубо-насмешливо меряет время.
Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!
8 Или тянет к земле роковое, тяжелое бремя?

О, войди ж в этот мрак, улыбнись, благосклонная фея,
И всю жизнь в этот миг я солью, этим мигом измерю,
И, речей благовонных созвучием слух возлелея,
12 Не признаю часов и рыданиям ночным не поверю.

36

* * *

Солнце ниже лучами в отвес,
И дрожат испарений струи
У окраины ярких небес;
Распахни мне объятия твои,
5 Густолистый, развесистый лес,

Чтоб в лицо и в горячую грудь
Хлынул вздох твой студеной волной,
Чтоб и мне было сладко вздохнуть;
Дай устами и взором прильнуть
10 У корней мне к воде ключевой.

Чтоб и я в этом море исчез,
Потонул в той душистой тени,
Что раскинул твой пышный навес,
Распахни мне объятия твои,
15 Густолистый, развесистый лес.

37

* * *

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистой, сердце опять суеверней.
4 Длинные тени вдали потонули в ложбине.

В этой ночи, как в желаниях, все беспредельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы также бесцельно,
8 Свет унося, покидая неверные тени.

Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Травы степные сверкают росой вечерней,
12 Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.

38

* * *

Забудь меня, безумец исступленный,
Покоя не губи:
Я создана душой твоей влюбленной,
4 Ты призрак не люби.

О, верь и знай, мечтатель малодушный,
Что, мучась и стенья,
Чем ближе ты к мечте своей воздушной,
8 Тем дальше от меня.

Так над водой младенец, восхищенный
Луной, подымлет крик...
Он бросился — и с влаги возмущенной
12 Исчез сребристый лик.

Дитя, отри заплаканное око,
Не доверяй мечтам,
Луна плывет и светится высоко.
16 Она не здесь, а там.

39

* * *

Прежние звуки, с былым обаяньем
Счастья и юной любви!
Все, что сказалося в жизни страданьем,
4 Пламенем жгучим пахнуло в крови.

Старые песни, знакомые звуки,

Сон безотвязно больной!
Точно из сумрака бледные руки
8 Призраков нежных манят за собой.

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой. —
Доброю няней прильнув к изголовью,
12 Старая песня, звучи надо мной.

Пой! Не смущайся! Пусть время бывшее
Яркой зарей расцветет,
Может быть сердце утихнет больное,
16 И, как дитя в колыбели, уснет.

40

* * *

Как ясность безоблачной ночи,
Как юно-нетленные звезды,
Твои загораются очи
4 Всесильным, таинственным счастьем.

И все, что лучом их случайным
Далеко иль близко объято,
Блаженством овеяно тайным,
8 И люди, и звери, и скалы.

Лишь мне, молодая царица!
Ни счастья нет, ни покоя,
И в сердце, как пленная птица,
12 Томится бескрылая песня.

41

Romanzero

I

Знаю, зачем ты, ребенок больной,
Так неотступно все смотришь за мной;
Знаю, с чего на большие глаза
4 Из-под ресниц наплывает слеза.

Там у вас душно, там жаркая грудь
Разу не может прохладой дохнуть;
Да, нагоняя на слабого страх,
8 Плавает коршун на темных кругах.

Только вот здесь, средь заветных цветов,

Тень распростерла таинственный кров,
Только в сердечке поникнувших роз
12 Капли застыли младенческих слез.

42

II

Встречу ль яркую в небе зарю,
Ей про тайну свою говорю,
Подойду ли к лесному ключу
4 И ему я про тайну шепчу.

А как звезды в ночи задрожат,
Я всю ночь им рассказывать рад;
Лишь когда на тебя я гляжу,
8 Ни за что ничего не скажу.

43

III

В страданье блаженства стою пред тобою,
И смотрит мне в очи душа молодая,
Стою я, овеянный жизнью иною,
4 Я с речью нездешней, я с вестью из рая.

Слетел этот миг не земной, не случайной,
Над ним так бессильны житейские грозы,
Но вечной уснет он сердечною тайной,
8 Как вижу тебя я сквозь яркие слезы.

И в трепете сердце, и трепетны руки,
В восторге склоняюсь пред чуждою властью,
И мукой блаженства исполнены звуки,
12 В которых сказаться так хочется счастьем.

44

IV

Вчерашний вечер помню живо,
Синели глубио небеса,
Лист трепетал, красноречиво
4 Глядели звезды нам в глаза.

Светились зори издадека,
Фонтан сверкал так горячо,
И Млечный путь бежал широко
8 И звал: смотри! еще! еще!

Сегодня все вокруг заснуло.
Как дымкой твердь заволокло,

И в полумраке затонуло
12 Воды игривое стекло.

Но не томлюсь среди тумана,
Меня не давит мрак лесной,
Я слышу плеск живой фонтана
16 И чую звезды над собой.

45

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Горячий ключ

Помнишь тот горячий ключ,
Как он чист был и бегуч,
Как дрожал в нем солнца луч
4 И качался;
Как пестрел соседний бор,
Как белели выси гор,
Как тепло в нем звездный хор
8 Повторялся.

Обмелел он и остыл,
Словно в землю уходил,
Оставляя следом ил
12 Бледно-красный.
Долго-долго я алкал,
Жилу жаркую меж скал
С тайной ревностью искал,
16 Но напрасно.

Вдруг в горах промчался гром,
Потряслась земля кругом,
Я бежал, покинув дом,
20 Мне грозящий; —
Оглянулся, — чудный вид:
Старый ключ прошиб гранит
И над бездною висит,
24 Весь кипящий.

46

* * *

Отчего со всеми я любезна,
Только с ним нас разделяет бездна?
Отчего с ним, хоть его бегу я,
Не встречаться всюду не могу я?

5 Отчего, когда его увижу,
Словно весь я свет возненавижу?
Отчего, как с ним должна остаться,
Так и рвусь над ним же издеваться?
Отчего, кто разрешит задачу?
10 До зари потом всю ночь проплачу.

47

Осенью

Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней,
И под окном у селянина
4 Далекий благовест слышней,

Мы не грустим, пугаясь снова
Дыханья близкого зимы,
А голос лета прожитого
8 Яснее понимаем мы.

48

* * *

В душе, измученной годами,
Есть неприступный чистый храм,
Где все нетленно, что судьбами
4 В отраду посылалось нам.

Для мира путь к нему заглохнет;
Но в этот девственный тайник,
Хотя б и мог, скорей иссохнет,
8 Чем путь укажет мой язык.

Скажи же! как, при первой встрече,
Успокоительно светла,
Вчера, о, как оно далече!
12 Живая ты в него вошла?

И вот отныне поневоле
В блаженной памяти моей
Одной улыбкой нежной боле,
18 Одной звездой любви светлей.

49

Нежданный дождь

Все тучки, тучки, а кругом
Все сожжено, все умирает;
Какой архангел их крылом
4 Ко мне на нивы навевает!

Повиснул дождь, как легкий дым,
Напрасно степь кругом алкала,
И надо мною лишь одним
8 Зарею радуга стояла.

Смирись, мятущийся поэт!
С небес нисходит жизни влага. —
Чего ты ждешь, того и нет,
12 Лишь незаслуженное — благо.

Я, ничего я не могу,
Один лишь может, кто, могучий,
Воздвиг прозрачную дугу,
16 И живоносные шлет тучи.

50

Ключ

Меж селеньем и рощей нагорной
Вьется светлою лентой река,
А на храме над озимью черной
4 Яркий крест поднялся в облака.

И толпой голосистой и жадной
Все к заре набежит со степей,
Точно весть над волною прохладной
8 Пронеслась; освежись и испей!

Но в шумящей толпе ни единый
Не присмотрится к кущам дерев.
И не слышен им зов соловьиный
12 В реве стад и плесканье вальков.

Лишь один в час вечерний, заветной,
Я к журчащему сладко ключу
По тропинке лесной, незаметной,
16 Путь обычный во мраке сыщу.

Дорожа соловьиным покоем,
Я ночного певца не спугну
И устами, спаленными зноем,
20 К освежительной влаге прильну.

* * *

Чем безнадежнее и строже
Года разъединяют нас,
Тем сердцу моему дороже,
4 Дитя! с тобой крылатый час.

Я лет не чувствую суровых,
Когда в глаза ко мне порой
Из-под ресниц твоих шелковых
8 Заглянет ангел голубой.

Не в силах ревности мятежность
Я победить и скрыть печаль, —
Мне эту девственную нежность
12 В глазах толпы оставить жаль.

Я знаю, жизнь не даст ответа
Твоим несбыточным мечтам,
И лишь одна душа поэта
16 Их вечно празднующий храм.

Сонет

Когда от хмелю преступлений
Толпа развратная буйна,
И рад влачить в грязи злой гений
4 Мужей великих имена,

Мои сгибаются колени
И голова преклонена,
Зову властительные тени
8 И их читаю письма.

В тени таинственного храма
Учусь сквозь волны фимиама
11 Словам наставников внимать;

И, забывая гул народный,
Вверяясь думе благородной,
14 Могучим вздохом их дышать.

* * *

Толпа теснилася. Рука твоя дрожала,
Сдвигая складками бегущий с плеч атлас.
Я знаю: "завтра" ты невнятно прошептала;
4 Потом ты вспыхнула и скрылася из глаз.

А он? С усилием сложил он накрест руки,
Стараясь подавить восторг в груди своей,
И часа позднего пророческие звуки
8 Сметались с топотом помчавшихся коней.

Казались без конца тебе часы ночные;
Ты не смежила вежд горячих на покой,
И сильфы резвые и феи молодые
12 Все "завтра" до зари шептали над тобой.

54

* * *

Встает мой день, как труженик убогой
И светит мне без силы и огня,
3 И я бреду с заботой и тревогой.

Мы думой врозь, — тебе не до меня.
Но вот луна прокралася из саду,
6 И гасит ночь в руке дрожащей дня

Своим дыханьем яркую лампаду.
Таинственным окружена огнем,
9 Сама идешь ты мне принесть отраду.

Забыто все, что угнетало днем;
И, полные слезами умиления,
12 Мы об руку, блаженные, идем,

И тени нет тяжелого сомненья.

55

* * *

Как нежишь ты, серебряная ночь,
В душе расцвет немой и тайной силы!
О! окрыли и дай мне превозмочь
4 Весь этот тлен, бездушный и унылый.

Какая ночь! алмазная роса

Живым огнем с огнями неба в споре.
Как океан, разверзлись небеса,
8 И спит земля и теплится, как море.

Мой дух, о ночь! как падший серафим,
Признал родство с нетленной жизнью звездной,
И, окрылен дыханием твоим,
12 Готов лететь над этой тайной бездной.

56

* * *

Блеском вечерним овеяны горы.
Сырость и мгла набегают в долину,
С тайной мольбою подьемлю я взоры,
4 Скоро ли холод и сумрак покину?

Вижу на том я уступе румянном
Сдвинуты кровель уютные гнезды;
Вон засветились под старым каштаном
8 Милые окна, как верные звезды.

Кто ж меня втайне пугает обманом:
Сердцем, как прежде, ты чист ли и молод,
Что, если там, в этом мире румянном,
12 Снова охватит и сумрак и холод?

57

* * *

Кому венец: богине ль красоты
Иль в зеркале ее изображенью?
Поэт смущен, когда дивишься ты
4 Богатому его воображенью.

Не я, мой друг, а божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит,
И что один твой выражает взгляд,
8 Того поэт пересказать не может.

58

* * *

Напрасно,
Куда ни взгляну я, встречаю везде неудачу,

И тягостно сердцу, что лгать я обязан всечасно;
Тебе улыбаюсь, а внутренне горько я плачу,
5 Напрасно.

Разлука!
Душа человека какие выносит мученья!
А часто на них намекнуть лишь достаточно звука.
Стою как безумный, еще не постиг выраженья:
10 Разлука.

Свиданье!
Разбей этот кубок: в нем капля надежды таится.
Она то продлит и она то усилит страданье,
И в жизни туманной все будет обманчиво сниться
15 Свиданье.

Не нами
Бессилье изведано слов к выраженью желаний.
Безмолвные муки сказались людям веками,
Но очередь наша, и кончится ряд испытаний
20 Не нами.

Но больно,
Что жребии жизни святым побужденьям враждебны;
В груди человека до них бы добраться довольно,
Нет! Вырвать и бросить; те язвы, быть может,
целебны,
25 Но больно.

59

Купальщица

Игривый плеск в реке меня остановил.
Сквозь ветви темные узнал я над водою
Ее веселый лик — он двигался, он плыл, —
4 Я голову признал с тяжелою косою.

Узнал я и наряд, взглянув на белый хрящ,
И превратился весь в смущенье и тревогу,
Когда красавица, прорвав кристальный плащ,
8 Вдавила в гладь песка младенческую ногу.

Она предстала мне на миг во всей красе,
Вся дрожью легкою объята и пугливой,
Так пышут холодом на утренней росе
12 Упругие листы у лилии стыдливой.

60

Напрасно ты восходишь надо мной
Посланницей волшебных сновидений
И, юностью сияя заревой,
4 Ждешь от меня похвал и песнопений.

Как ярко ты и нежно ни гори
Над каменным угаснувшим Мемноном,
На яркие приветствия зари
8 Он отвечать способен только стоном.

61

Роза

У пурпурной колыбели
Трели мая прозвенели,
Что весна опять пришла.
Гнется в зелени береза,
И тебе, царица роза,
6 Брачный гимн поет пчела.

Вижу, вижу! счастья сила
Яркий свиток твой раскрыла
И увлажила росой.
Необъятный, непонятный,
Благовонный, благодатный
12 Мир любви передо мной.

Если б движущий громами
Повелел между цветами
Цвесь нежнейшей из богинь,
Чтоб безмолвною красою
Звать к любви, — когда весною
18 Темен лес и воздух синь.

Ни Киприда и ни Геба,
Спрятав в сердце тайны неба
И с безмолвьем на челе,
В час блаженный расцветанья,
Больше страстного признанья
24 Не поведали б земле.

62

Тополь

Сады молчат. Унылыми глазами
С унынием в душе гляжу вокруг;
Последний лист разметан под ногами,
4 Последний лучезарный день потух.

Лишь ты один над мертвыми степями
Таишь, мой тополь, смертный свой недуг
И, трепеща по-прежнему листьями,
8 О вешних днях лепечешь мне как друг.

Пускай мрачней, мрачнее дни за днями,
И осени тлетворный веет дух;
С поднятыми ты к небесам ветвями
12 Стоишь один и помнишь теплый юг.

63

* * *

Только встречу улыбку твою,
Или взгляд уловлю твой отрадной,
Не тебе песнь любви я пою,
4 А твоей красоте ненаглядной.

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленную трелью
Восхвалять неумолчно он рад,
8 Над душистой ее колыбелью.

Но безмолвствует, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
12 Красоте же и песен не надо.

64

* * *

Ты видишь, за спиной косцов
Сверкнули косы блеском чистым,
И поздний пар от их котлов
4 Упитан ужином душистым.

Лиловым дымом даль поя,
В сиянье тонет дня светило,
И набежавших туч края
8 Стеклом горячим окаймило.

Уже подрезан, каждый ряд

Цветов лежит пахучей цепью,
Какая тень и аромат
12 Плывут над меркнувшею степью!

В душе смиренной уясни
Дыханье ночи непорочной,
И до огней зари восточной
18 Под звездным пологом усни.

65

Псевдопоэту

Молчи, поникни головою,
Как бы представ на страшный суд,
Когда случайно пред тобою
4 Любимца муз упомянут.

На рынок! Там кричит желудок,
Там для стоокого слепца
Ценней грошовый твой рассудок
8 Безумной прихоти певца.

Там сбыт малеванному хламу,
На этой затхлой площади,
Но к музам, к чистому их храму,
12 Продажный раб, не подходи.

Влача по прихоти народа
В грязи низкопоклонный стих,
Ты слова гордого: *свобода*
16 Ни разу сердцем не постиг;

Не возносился богомольно
Ты в ту свежующую мглу,
Где беззаветно лишь привольно
20 Свободной песне да орлу.

66

* * *

С какой я негою желанья
Одной звезды искал в ночи,
Как я любил ее мерцанье,
4 Ее алмазные лучи.

Хоть на заре, хотя мгновенно,
Средь набежавших туч видна,

Она так ясно, так нетленно
8 На небе теплилась одна.

Любовь, участие, забота
Моим очам дрожали в ней,
В степи, с речного поворота,
12 С ночного зеркала морей.

Но столько думы молчаливой,
Не шлет мне луч ее нигде,
Как у корней плакучей ивы,
16 В твоём саду, в твоём пруде.

67

* * *

Я уезжаю. Замирает
В устах обычное: прости.
Куда судьба меня кидает?
4 Куда мне грусть мою нести?

Молчу. Ко мне всегда жестокой
Была ты много, много лет;
Но, может быть, в стране далекой
8 Я вдруг услышу твой привет.

В долине, иногда прощаясь,
Крутой минувши поворот,
Напрасно странник, озираясь,
12 Другого голосом зовет.

Но смерклось. Над стеною черной
Горят извивы облаков,
И там, внизу, с тропы нагорной
16 Ему прощальный слышен зов.

68

* * *

Не избегай; я не молю
Ни слез, ни сердца тайной боли,
Своей тоске хочу я воли; —
4 И повторять тебе: люблю.

Хочу нестись к тебе, лететь,
Как волны по равнине водной,
Поцеловать гранит холодной,

8 Поцеловать и умереть.

69

* * *

В благословенный день, когда стремлюсь душою
В блаженный мир любви, добра и красоты,
Воспоминание выносит предо мною
4 Нерукотворные черты.

Пред тенью милою коленопреклоненный,
В слезах молитвенных я сердцем оживу;
И вновь затрепещу, тобою просветленный,
8 Но все тебя не назову.

И тайной сладостной душа моя мятется;
Когда ж окончится земное бытие,
Мне ангел кротости и грусти отзовется
12 На имя нежное твое.

70

ПОСЛАНИЯ

А. Ф. Бржескому

Из смертных, жизнью пресыщенных,
Кто без отравы чашу пил?
От всех подонков возмущенных
4 Язык мой горечь сохранил.

И та, чей нежный зов участья
С земли мечты мои вознес,
Мне подавая кубок счастья,
8 В него роняла капли слез.

К чему по прихоти мгновенной
Тревожить мертвых сон святой!
До дна тот кубок вдохновенный
12 Скупой отравлен был судьбой.

Лишь ты один, ты не скупился,
По сердцу брат мой, Алексей,
Коль чашей счастья ты делился,
16 Делился чистой, полной, всей.

Вот почему, за юность нашу
Хваля харит, я не грешу,

И дружбы общую нам чашу
20 К устам с восторгом подношу.

71

А. Л. Б-ой

Далекий друг, пойми мои рыдания,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья,
4 И дорожить тобой я не отвык.

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
8 И красоте не жертвовали мы?

Где ж это все? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир объять.
Напрасный жар. Никто не отвечает;
12 Воскреснут звуки и замрут опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издаেকে мне голос твой принес.
В ланитах кровь, и в сердце вдохновенье. —
16 Прочь этот сон, — в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
20 И в ночь идет, и плачет уходя.

72

Ей же

Опять весна! Опять дрожат листы
С концов берез и на макушке ивы.
Опять весна! Опять твои черты,
4 Опять мои воспоминанья живы.

Весна! весна! о как она крепит,
Как жизненной нас учит верить силе.
Пусть наш добрый, лучший друг наш спит
8 В своей цветах убранный могиле.

Он говорит: "Приободришься и ты:
Нельзя больной лелеять два недуга".
Когда к нему ты понесешь цветы,

12 Снеси ему сочувствие от друга.

Минувшего нельзя нам воротить,
Грядущему нельзя не доверяться,
Хоть смерть в виду, а все же нужно жить;
16 А слово жить — ведь значит покоряться.

73

Гр. Л. Н. Т-у

Как ястребу, который просидел
На жердочке суконной зиму в клетке,
Питаясь настреленною птицей,
Весной охотник голубя несет
5 С надломленным крылом; и, оглядев
Живую пищу, старый ловчий щурит
Зрачок прилежный, поджимает перья,
И вдруг нежданно, быстро, как стрела,
Вонзается в трепещущую жертву,
10 Кривым и острым клювом ей взрезает
Мгновенно грудь и, весело раскинув
На воздух перья, с алчностью забытой
Рвет и глотает трепетное мясо, —
Так бросил мне кавказские ты песни,
15 В которых бьется и кипит та кровь,
Что мы зовем поэзией. — Спасибо,
Полакомил ты старого ловца.

74

Гр. А. К. Т-у

В деревне Пустыньке

В твоей Пустыньке подгородной,
У хлебосольства за столом,
Поклонник музыки благородный,
4 Камен мы русских помянем.

Почтим святое их наследство
И не забудем до конца,
Как на призыв их с малолетства
8 Дрожали счастьем в нас сердца.

Пускай пришла пора иная,
Пора печальная, когда
Гетера гонит площадная
12 Царицу мысли и труда;

Да не смутит души поэта
Гоненье на стыдливых муз,
И пусть в тени, вдали от света,
16 Свободней зреет их союз.

75

Федору Ивановичу Тютчеву

Мой обожаемый поэт,
К тебе я с просьбой и с поклоном,
Пришли в письме мне твой портрет,
4 Что нарисован Аполлоном.

Давно мечты твоей полет
Меня увлек волшебной силой,
Давно в груди моей живет
8 Твое чело, твой облик милой.

Твоей камене — повторять,
Прося стихи — я докучаю,
А все заветную тетрадь
12 Из жадных рук не выпускаю.

Поклонник вечной красоты,
Давно смиренный пред судьбою,
Я одного прошу, чтоб ты
16 Во всех был видах предо мною. —

Вот почему спешу, — поэт!
К тебе я с просьбой и поклоном,
Пришли в письме мне твой портрет,
20 Что нарисован Аполлоном.

76

Ему же

Прошла весна, — темнеет лес,
Скудней ручьи, грустнее ивы,
И солнце с высоты небес
4 Томит безветренные нивы.

На плуг знакомый налегли
Все, кем владеет труд упорный,
Опять сухую грудь земли
8 Врезает конь и вол покорный;

Но в свежем тайнике куста
Один певец проснулся вешний,
И так же песнь его чиста
12 И дышит полночью нездешней.

Как сладко труженик смущен,
Весны заслыша зов единый,
Как улыбнулся он сквозь сон
16 Под яркий посвист соловьиный.

77

С.П. Х-о

Я опоздал — и как жалею,
Уж солнце скрылось в ночи.
Я не видал, когда в аллею
4 Оно кидало нам лучи.

Но силу летнего сиянья
Не всю умчал минувший день,
Его отрадного прощанья
8 Не погасила ночи тень.

Еще пред дымкою туманной
Как очарованный стою,
Еще в заре благоуханной
12 Дыханье неба узнаю.

78

Гр. С.А. Т-ой

Когда так нежно расточала
Кругом приветы взоров ты,
Ты мимолетно разгоняла
4 Мои печальные мечты.

И вот, исполнен обаянья,
Перед тобою, здесь, в глуши,
Я понял, светлое созданье,
8 Всю чистоту твоей души.

Пуškai терниста жизни проза,
Я просветлеть готов опять
И за тебя, звезда и роза,
12 Закат любви благословлять.

Хоть меркнет жизнь моя бесследно,

Но образ твой со мной везде,
Так светят звезды всепобедно
16 На темном небе и в воде.

79

В альбом К-у

Тому, что было, не бывать,
Иные сны, иное племя;
Зачем же рифмы призывать?
4 Как будто прежнее то время.

Волшебных грез рассеян рой,
А в грусти стыдно признаваться,
Ужель остывшею слезой,
8 Еще последней, расписаться?

80

ПЕРЕВОДЫ

Из Гете Прекрасная ночь

Вот с избушкой я прощаюсь,
Где любовь моя живет,
И бесшумно пробираюсь
4 Под лесной, полночный свод.

Лунный луч, дробясь, мерцает
Меж дубами, по кустам,
И береза воссылает
8 К небу сладкий фимиам.

Как живительна прохлада
Этой ночи здесь в тиши,
Как целебна тут отрада
12 Человеческой души.

Эта ночь томит, врачуя,
Но и тысяч равных ей
Не сменяю на одну я
16 Милой девушки моей.

81

Из Гете

Ночная песня путника

Ты, что с неба, и вполне
Все страданья укрощаешь,
И несчастного вдвойне
4 Вдвое счастьем наполняешь!

Ах, к чему вся скорбь и радость, —
Истомил меня мой путь;
Мира сладость,
8 Низойди в больную грудь.

82

Из Гете

Границы человечества

Когда стародавний
Святой отец,
Рукой спокойной,
Из туч гремящих,
5 Молнии сеет
В алчную землю, —
Край его ризы
Нижний целую,
С трепетом детским
10 В верной груди.

Ибо с богами
Меряться смертный
Да не дерзнет.
Если подымется он и коснется
15 Теменем звезд,
Негде тогда опереться
Шатким подошвам,
И им играют
Тучи и ветры;

20 Если же стоит он
Костью дебелой
На крепкозданной
Прочной земле,
То не сравняться
25 Даже и с дубом
Или с лозою
Ростом ему.

Чем отличаются
Боги от смертных?
30 Тем, что от первых
Волны исходят,
Вечный поток:
Волна нас подъемлет,
Волна поглощает,
35 И тонем мы.

Жизнь нашу объемлет
Кольцо небольшое,
И ряд поколений
Связует надежно
40 Их собственной жизни
Цепь без конца.

83

Из Уланда Бертран де Борн

На утесе там дымится
Аутафорт, сложен во прах,
И пред ставкой королевской
Властелин его в цепях.
Ты ли, что мечом и песней
Поднял бунт на всех концах?
Что к отцу непослушанье
8 У детей вселил в сердцах?

Тот ли здесь, что выхвалялся,
Не стыдяся никого,
Что ему и половины
Хватит духа своего?
Если мало половины,
Призови его всего,
Замок твой отстроить снова,
16 Снять оковы с самого.

— "Мой король и повелитель,
Пред тобой Бертран де Борн,
Что возжег единой песнью
Перигорд и Вертадорн.
Что у мощного владыки
Был в глазу колючий терн,
Тот, из-за кого гнев отчий
24 Короля пылал, как горн,

Дочь твоя сидела в зале,
С ней был герцог обручен,

И гонец мой спел ей песню,
Мною песне обучен;
Спел, как сердце в ней гордилось,
Что певец в нее влюблен,
И убор невесты пышный
32 Весь слезами стал смочен.

В бой твой лучший сын воспрянул,
Кинув долю без забот,
Как моих воинских песен
Гром донес к нему народ.
На коня он сел поспешно,
Сам я знамя нес вперед:
Тут, стрелою он пронзенный,
40 У Монфортских пал ворот!

На руках моих он бедный,
Окровавленный лежал,
Не от боли, — от проклятья
Он отцовского дрожал.
Вдаль к тебе он тщетно руку
На прощанье простирал,
Но твоей не повстречавши,
48 Он мою еще пожал.

Тут, как Аутафорт мой, горе
Надломило силача:
Ни вполне, ни вполовину
Ни струны, и ни меча:
Лишь расслабленного духом
Ты сразил меня сплеча.
Для одной лишь песни скорби
56 Он поднялся сгоряча". —

И король челом поникнул:
"Сына мне ты возмутил,
Сердце дочери пленил ты —
И мое ты победил.
Дай же руку, друг сыновний,
За него тебя простил,
Прочь оковы! — Твоего же
64 Духа вздох я ощутил".

Из Гейне

Ты вся в жемчугах и в алмазах,
Вся жизнь для тебя — благодать,
И очи твои так прелестны.

4 Чего ж тебе, друг мой, желать?

К твоим очам прелестным
Я создал целую рать
Бессмертием дышащих песен,
8 Чего ж тебе, друг мой, желать?

Очам твоим прелестным
Дано меня было терзать;
И ты меня ими сгубила,
12 Чего ж тебе, друг мой, желать?

85

Из Гейне

Дитя, мы детьми еще были,
Веселою парой детей;
Мы лазили вместе в курятник,
4 К соломе, и прятались в ней.

Поем петухами, бывало,
И только что люди идут —
"Кукуреку!" — им сдается,
8 Что то петухи так поют.

На нашем дворе ухитрились
Мы ящики пышно убрать.
В них жили мы вместе, стараясь
12 Достойно гостей принимать.

Соседская старая кошка
Нередко бывала у нас,
Мы кланялись ей, приседая,
16 Твердя комплименты подчас.

Спешили ее о здоровье
С любезным участием спросить,
С тех пор приходилось все то же
20 Не раз старой кошке твердить.

Мы чинно сидели, толкуя
Как старые люди тогда,
И так сожалели, что лучше
24 Все в наши бывало года,

Что веры с любовью и дружбой
Не знает теперешний свет,
Что кофе так дорог ужасно,
28 А денег почти что и нет.

Промчались детские игры,
И все пронеслось им вослед,
И вера с любовью и дружбой,
32 И деньги, и время, и свет.

86

Из Шиллера

Боги Греции

Как еще вы правили вселенной
И забав на легких помочах
Свой народ водили вождественной,
Чада сказок в творческих ночах.
Ах! пока служили вам открыто,
Был и смысл иной у бытия,
Как венчали храм твой, Афродита,
8 Лик твой, Амагузия!

Как еще покров свой вдохновенье
Налагало правде на чело,
Жизнь полней текла чрез все творенье;
Что и жить не может, все жило.
Целый мир возвышен был убором,
Чтоб прилгать к груди любой предмет,
Открывало посвященным взорам
16 Все богов заветный след.

Где теперь, как нам твердят старицей,
Пышет шар, вращаясь без души,
Правил там златою колесницей
Гелиос в торжественной тиши.
Здесь на высях жили ореады.
Без дриад ни рощи, ни лесов,
И из урны радостной наяды
24 Пена прядала ручьев.

Этот лавр стыдливость девы прячет,
Дочь Тантала в камне там молчит,
В тростнике вот здесь Сиринкса плачет,
Филомела в роще той грустит.
В тот поток как много слез, Церера,
Ты о Персефоне пролила,
А с того холма вотще Цитера
32 Друга нежного звала.

К порожденным от Девкалиона
Нисходил весь сонм небесный сам:

Посох взяв, пришел твой сын, Латона,
К Пирриным прекрасным дочерям.
Между смертным, богом и героем
Сам Эрот союзы закреплял,
Смертный рядом с богом и героем
40 В Аматунте умолял.

Строгий чин с печальным воздержаньем
Были чужды жертвенному дню,
Счастье было общим достояньем,
И счастливец к вам вступал в родню.
Было лишь прекрасное священо,
Наслажденья не стыдился бог,
Коль улыбку скромную камены
48 Иль хариты вызвать мог.

Светлый храм не ведал стен несносных,
В славу вам герой искал меты
На Истмийских играх венценосных,
И гремели колесниц четы.
Хороводы в пляске безупречной
Вкруг вились уборных алтарей,
На висках у вас венок цветочный,
56 Под венцами шелк кудрей.

Тирсоносцев радостных "эвое"
Там, где тигров пышно запрягли,
Возвещало о младом герое,
И сатир, и фавн, шатаясь, шли.
Пред царем неистово менады
Прославлять летят его вино,
И зовут его живые взгляды,
64 Осушать у кружки дно.

Не костяк ужасный, в час томлений
Подступал к одру, а уносил
Поцелуй, последний вздох, и гений,
Наклоня, факел свой гасил.
Даже в Орке судией правдивым
Восседал с весами смертной внук;
Внес Фракиец песнью сиротливой
72 До Иринний грустный звук.

В Елисей, к ликующему кругу
Тень слетала землю помянуть,
Обретала верность вновь подругу,
И возница находил свой путь.
Для Линоса лира вновь отрада,
Пред Алцестой дорогой Адмет,
Узнает Орест опять Пилада,
80 Стрелы друга Филоктет.

Ждал борец высокого удела
На тяжелом доблестном пути;
Совершитель дел великих смело
До богов высоких мог дойти.
Сами боги, преклонясь, смолкают
Пред зовущим к жизни мертвецов,
И над кормчим светочи мерцают
88 Олимпийских близнецов.

Светлый мир, о где ты? Как чудесен
Был природы радостный расцвет.
Ах, в стране одной волшебных песен
Не утрачен сказочный твой след.
Загрустя, повымерли долины,
Взор нигде не встретит божества.
Ах! от той живительной картины
96 Только тень видна едва.

Всех цветов душистых строй великой
Злым дыханьем севера снесен;
Чтоб один возвысился владыкой,
Мир богов на гибель осужден.
Я ищу по небу, грусти полный,
Но тебя, Селена, нет как нет.
Оглашаю рощи, кличу в волны,
104 Безответен мой привет.

Без сознанья радость расточая,
Не провидя блеска своего,
Над собой вождя не создавая,
Не деля восторга моего,
Без любви к виновнику творенья,
Как часы, не оживлен и сир,
Рабски лишь закону тяготенья
112 Обезбожен — служит мир.

Чтоб плодом назавтра разрешиться,
Рыть могилу нынче суждено,
Сам собой в ущерб и в ширь крутится
Месяц все на то ж веретено.
Праздно в мир искусства скрылись боги,
Бесполезны для вселенной той,
Что, у них не требуя подмоги,
120 Связь нашла в себе самой.

Да, они укрылись в область сказки,
Унося, туда же за собой,
Все величье, всю красу, все краски,
А у нас остался звук пустой.
И взамен веков и поколений

Им вершины Пинда лишь на часть;
Чтоб бессмертным жить средь песнопений,
128 Надо в жизни этой пасть.

87

Из Саади
Подражание восточным стихотворцам

Вселенной целой потеряв владенье,
Ты не крушись о том, оно ничто.
Стяжав вселенной целой поклоненье,
Не радуйся ему — оно ничто.
Минутно наслаждение и мученье,
6 Пройди ты мимо мира — он ничто.

88

Из Рюккерта

I

Если ты меня разлюбишь,
Не могу я разлюбить;
Хоть другого ты полюбишь,
Буду все тебя любить;
5 Не в моей лишь будет власти,
За взаимность вашей страсти,
И его мне полюбить.

89

II

Пусть бы люди про меня забыли,
Как про них забыл я совершенно,
Чтоб с тобой мы так же мирно жили,
4 Как желаю им я жить блаженно.

Пусть бы им мы так же были нужны,
Как нам ими нужно заниматься,
Хоть, как мы, они бы жили дружно
8 Иль дрались, коль есть охота драться.

90

III

Как мне решить, о друг прелестный,
Кто властью больше: я иль ты?

Свободных песен круг небесный
4 Не больше царства красоты.

Два рая: ты — в моем царица,
А мне — в твоём царить дано.
Один другому лишь граница,
8 И оба вместе лишь одно.

Там, где любовь твоя не властна,
Восходит песни блеск моей,
Куда душа ни взглянет страстно,
12 Разверзсто небо перед ней.

91

IV

У моей возлюбленной есть украшенье,
В нем она блаженна в каждое мгновенье,
3 Всем другим на зависть, мне на загляденье.

У моей возлюбленной есть украшенье,
В нем связали страсть моя и вдохновенье
6 С золотом и самоцветные каменья.

У моей возлюбленной есть украшенье,
В нем она должна, ее такое мненье,
9 И восторг встречать и даже огорченье.

У моей возлюбленной есть украшенье,
В нем она предстать желает в погребенье,
12 Так же, как была она в нем в обрученье.

92

V

И улыбки и угрозы
Мне твои — все образ розы;
Улыбнешься ли сквозь слезы,
Ранний цвет я вижу розы,
А пойдут твои угрозы,
Вспомню розы я занозы;
И улыбки и угрозы
8 Мне твои — все образ розы.

93

VI

Не хочу морозной я

Вечности,
А хочу бесслезной я
Младости;
5 С огненным желанием,
Полной упованием,
Радости.

Не лавровой веткою
Я пленен,
10 Миртовой беседкою
Окружен,
Пусть бы ненавистную
Ветку кипарисную
Ждал мой сон.

94

Песни кавказских горцев

I

Станет насыпь могилы моей просыхать,
И забудешь меня ты, родимая мать!
Как заглушит трава все кладбище вконец,
То заглушит и скорбь твою, старый отец;
5 А обсохнут глаза у сестры у моей,
Так и вылетит горе из сердца у ней.

95

II

Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой;
Но не ты ли была моей верной рабой?
Земля черная, ты ли покроешь меня?
Не тебя ли топтал я ногами коня?
5 Холодна ты, о смерть! даже смерть храбреца,
Но я был властелином твоим до конца;
Свое тело в добычу земле отдаю,
Но за то небеса примут душу мою.

96

III

Выйди, мать, наружу, посмотри на диво:
Из-под снега травка проросла красиво.
Взлезь-ко, мать, на крышу, глянь-ко на восток.
Из-под льда ущелья вешний вон цветок.
5 "Не пробиться травке из-под груды снежной,
Изо льда ущелья цвет не виден нежный;

Никакого дива, влюблена-то ты,
Так тебе на снеге чудятся цветы".

97

Дюпон и Дюран

Диалог

(Из Альфреда Мюссе)

Дюран

О тени праотцев, как я тоской томим!
К богам воззвал бы я, когда бы знал к каким.
Вот скоро тридцать лет, как я на свете маюсь
И уж издателя лет десять добиваюсь.
5 Никто живой моих тетрадей не читал,
И в мире только я, что я пишу, узнал.

Дюпон

О, Брут! Ты ведаешь, как мне приходит жутко!
С картофелем лишь сидр не ободрят желудка.
И чтоб не задремать в тоскливом забытьи,
10 Не встречу ль, с кем бы речь затеять о Фурье?
Какие времена! Какой обед ужасный!

Дюран

Кого я вижу там вдали? Кто тот несчастный,
Что дует в кулаки, в которых чувства нет,
А сам бредет дрожа, по-летнему одет?
15 У Фликото, кажись, встречал я горемыку.

Дюпон

Не ошибаюсь я. По горестному лику,
По взору томному в задумчивых глазах,
Но шляпе вытертой на сальных волосах
Дюрана узнаю, старинного собрата.

Дюран

20 Ты ль это, друг Дюпон? Рад, встретил я Пилада
И однокашника. Друг друга обойдем.
Так не попал еще ты в сумасшедший дом?
Я думал, что в Бисетр сдала тебя роденька.

Дюпон

Молчи. В окно сейчас я выпрыгнул умненько
25 И вот бегу тайком состряпать фельетон.
А ты, ужели твой ночлег не Шарантон?
Ведь говорили мне, что твой высокий гений...

Дюран

Увы! Дюпон, наш свет исполнен злых суждений!
Что за животное наш глупый род людской,
30 И сколько трудностей на путь пробиться свой!

Дюпон

Брат, мне ли говоришь? Успел я в нашем веке
Извериться вполне во всяком человеке.
Наш мир становится упрямей с каждым днем,
И в тупоумие все глубже мы идем.

Дюран

35 Ты помнишь ли, Дюпон, когда еще ребята,
Познаьем бедняки, а гордостью богаты,
Мы, хоть учитель нас, ленивцев, драл порой, —
В забвенье низменном вкушали сон с тобой?
В душе моей те дни блаженства сохранились!

Дюпон

40 Ленивцев, ты сказал. Мы с гордостью ленились;
Невежд, бог видит! Все, что сделал я с тех пор,
Решает о моем былом ученье спор.
Но запах сладостный, какой бывал в столовой!
Бывало, ешь и пей — обед всегда готовый!
45 Согнувшись над столом, бывало, припадешь
К книжонке мерзостной, сторгованной за грош.
Варнава, Демулен мне горько доставались,
А милые статьи Сен-Жюста укрывались
На сердце у меня. — Я руку подавал,
50 Как римский бы ее сенатор простирали.
Ты жребий мой делил, не кончил ты ученья.

Дюран

Ты прав, у гения повсюду треволненья.
Мой череп, созданный для лавров на заказ,
Ослиной шапкою увенчан был не раз.
55 Мое призвание, однако ж, видно было,
Во мне писательство всемошно говорило;
Презрен у сверстников, взрачен на кулаке,
Я рифмовал в тиши, согнувшись в уголке.

В пятнадцать лет моя зарокотала лира,
60 Я Шиллера глотал, и Гете, и Шекспира,
И лоб чесался мой при чтенье их стихов,
А что касается прославленных шутов,
Как Тацит, Цицерон, Гомер или Вергилий,
Мы, слава богу, их как должно оценили.
65 Постигнув таинство, легко о всем писать,
Заике-музе я дал волю воровать,
По очереди драл я англичан, испанцев,
Сынов Италии и выпранных германцев.
Терзался я, что тем наречьем не владел,
70 Которым некогда башмачник Сакс гремел.
Я б, верно, произвел великое творенье;
Но, связан пошлостью природного реченья.
Себе я клятву дал по крайней мере в том,
Что книги не издам с хорошим языком.
75 Сдержал ли слово я — не будешь сомневаться.

Дюпон

Когда придет зима — и ласточки умчатся,
Куда умчался хор счастливых тех годов,
Когда желудок в нас зависел от зубов?
Какие ключница ломти нам отрезала!

Дюран

80 Не вспоминай уже; на свете счастья мало.
Скажи, прошу тебя, ты что же предпринял,
Когда покинул ты Латинский свой квартал?

Дюпон

Когда?

Дюран

В осьмнадцать лет, когда оставил школу.

Дюпон

85 Что делал я?

Дюран

Скажи.

Дюпон

Да так, по произволу —
Что птица делает, свалившись с гнезда,

Что бог благословит и что велит нужда.

Дюран

90 Однако ж?

Дюпон

Ничего. По улицам таскался,
Куда глаза глядят. По воле озираясь,
Раздетый, впроголодь, я спал по чердакам,
Откуда в срок найма я убирался сам;
95 Влачаюсь по прихоти судьбы своей коварной,
Скитался я с мечтой Фурье гуманитарной,
Насколько я лишь мог, повсюду занимал,
А заведется грош, сейчас его спускал.
Скрывая пошлость фраз за пышных слов туманом
100 И сидя без белья с таким пустым карманом,
Что в мире лишь мой ум с ним равен пустотой,
Я жил оборванный, завистливый и злой.

Дюран

Я знаю, чтоб тебя совсем не затомило,
Когда желудок твой кричал: "Уж шесть пробило",
105 Тебе пять франков я из жалости втирал,
А ты у Беназе их тотчас же спускал.
Но что же далее ты делал? Не могу я
Представить, чтоб досель влачил ты жизнь такую.

Дюпон

Всегда! Спиноза мне и Брут порукой в том,
110 Что в платье, что на мне, я проходил в одном.
И как его сменить? Кто судит справедливо?
Везде царит расчет и скупость да нажива.
Затеял я проект... Скажу тебе тайком...
Проект! Но я прошу, ты помолчи о нем...
115 Куда тебе Ликург, — на свете не видали
Чудесней ничего, коль поместят в журнале.
Вселенную, мой друг, переверну вверх дном,
И с прошлым сходства с ней не будет уж ни в чем,
Богатый станет нищ, а сильный будет слабый,
120 Зло будет над добром, мужчина станет бабой.
А женщины тогда, — ну, станут чем хотят,
Стариннейших врагов дни счастья примирят —
Россию с Турцией, Французов с Альбионом,
Безверие души с божественным законом,
125 А драму с здравостью рассудка. — Да чего?
Царей, правителей, судей — ни одного,
Начальства — не моги; законов — не желаю.

Семейство я гоню и браки расторгаю:
Кому охота есть и добывать детей,
130 Кто хочет разыскать отца — ищи смелей.
Затем уже, мой друг, ты не увидишь боле
Долин иль гор, лесов иль колоколен в поле.
Все это пустяки! Мы все их подберем,
Мы раскидаем их, завалим и сожжем,
135 И всюду копи лишь раскинутся с рудами,
Тропинки, хижины, поля под овощами,
Морковь, горох, бобы, — кто хочет, тот говей.
Зато обедать всласть никто уже не смей.
Из Пекина в Париж железный путь блестящий
140 Мою республику связует дружбой вящей;
Народы разные, в огромный сев вагон,
Смешавши языки, представят Вавилон.
А пышущий огнем колосс гуманитарный
Все косточки найдет планеты благодарной,
145 И изумится всяк с такого корабля,
Что под капустой вся да репою земля.
Земля получит вид подчищенный и низкий,
Гуманитарности мир сделается миской,
И шар наш без волос, без бороды — обрит,
150 Как тыква гладкая, по небу полетит,
Какой проект, мой друг! Нельзя не восхищаться,
Что может с планами подобными сравняться?
В свободные часы я их в статье провел.
Но веришь ли, Дюран, никто их не прочел!
155 Чего ж хотеть? Наш свет и глух и слеп ужасно,
Ты клад ему даешь иль чудо, — все напрасно:
Спеша на биржу, он к тебе уж стал спиной,
Один нашел закон, канал ведет другой;
Им денег хочется; пожить, поесть послаже,
160 А есть бездельники, что землю пахут даже.
Да, в наши дни людей так трудно просветить,
И я отчаялся их даже возродить.
А твой каков удел? Я, чай, ты мне не пара.

Дюран

Сперва учеником я стал ветеринара.
165 Пожалуй, получал я франка по два в день,
Да не понравилось мне не вставать с колень,
Чтоб лошади больной втирать в копыто сало.
За что она не раз брыканьем отвечала.
Как надоело мне, я вздумал улизнуть
170 И с божьей помощью побрел куда-нибудь.
Пошел я к продавцу эстампов. Мастер рьяный,
Он иллюстрировал известные романы.
Два года прожил я. В листки негодных книг
Совал я очерки еще негодней их.
170 Я пользу отыскал в труде от всех сокрытом,

Я приучил свой ум быть ловким паразитом,
Хватаясь за других, у них же воровать.
Но труд ученика стал мне надоедать.
Однажды за столом у старика Тюиля
180 Я встретил Дюбуа, опору водевиля.
Он выпить не дурак, задорно спеть куплет,
И в подлинных ему весельем равных нет.
С правописанием он дал мне чувство стиля.
Состряпали вдвоем мы четверть водевиля,
185 По ярмаркам его давали иногда,
Хотя гоненья он претерпевал всегда.
Вскипела желчь во мне от этой неудачи;
Решил бесплодный мозг я повернуть иначе.
Придя домой, я сел, сказавши: "Погоди ж,
190 Моим писанием я изумлю Париж".
Задавшись рифмами, мозги мои смелее
Впервые будто бы приблизились к идее.
Я заперся на ключ писателей читать,
Которыми себя задумал вдохновлять.
195 Под полусотней книг трещал мой стол несчастный,
Я долго мучился поэмою ужасной.
Луна и солнце в ней ступили во вражду,
Венера с папою плясали в ней в аду,
Сознай, насколько мысль моя философична,
200 Все, что являлось нам в твореньях единично, —
Как Брама, например, Юпитер, Магомет,
Платон и Мармонтель, Нерон и Боссюэт, —
Я это все собрал в сознании всецелом.
Но главный капитал в творенье этом смелом —
205 Так это ящериц над речкой дружный хор.
Расин в сравнении с подобным гимном вздор...
Меня не поняли. И книжке символичной
Моей пришлось лежать в пыли, гробам приличной.
Печальный результат и девственность плохая!
210 Но скоро в путь меня умчала цель иная.
Сошелся старичок со мною журналист;
Он промотавшийся былой семинарист,
Раз десять по цене распроданный дешевой
И на честных людей за франк плевать готовый.
215 С ливрею старичка оделся я сейчас;
Желчь у меня с пера просилась в этот раз,
Я возродился сам и въелся в это дело.
Дюпон! Как сладостно над всем ругаться смело.
Мертворожденный ум так любит подходить
220 К своей же глупости и всем за это мстить.
Когда чужой успех предстанет настоящий,
И ты придешь домой, что может быть тут слаще,
Как личность растерзать и честь испачкать всю
И вылить на нее чернильницу свою,
225 Имея где-нибудь такой журнал несчастный,
Где можно отрицать, что сам увидел ясно!

Ложь анонимная отраднее всего.
На авторов, царей, на бога самого,
На всех я клеветал, стараясь всех позорить,
230 И горе, кто меня хотел бы переспорить!
Когда Париж таил какой-либо секрет!
Я к вечеру тащил его в столбцы газет.
Пронюхивал я все. И с улиц на паркет
Тащил на каблуках я грязные предметы,
235 В скандальный этот век я каждый знал скандал
И оглашал его. — Тут я не признавал
Ни жалоб, ни угроз, — меня ты слишком знаешь.
Но ты молчишь, Дюпон, о чем ты размышляешь?

Дюпон

Увы! Дюран, когда б найти я только мог
240 Хоть сердце женщины — принять мой страстный вздох!
Так нет. Напрасно я ищу пленять в Париже!
Плох курс твоих статей, меня же ценят ниже.
Себя я предлагал всем встречным — не берут.
На ложе холодное бреду я в свой приют —
245 И жду — никто нейдет. — Ведь можно утопиться!

Дюран

Ужель ты не искал под вечер веселиться?

Дюпон

К Прокопу в домино хожу играть подчас.

Дюран

Прекрасная игра — и развивает нас;
Тот человек уже не сделает промашки,
250 Что мастер в домино подладить деревяшки.
Войдем в кофейную. Сам лепту я внесу.

Дюпон

Коль без реванша дашь ты мне пятнадцать су, —
Согласен.

Дюран

Погоди! Сыграем-ко мы прежде
255 На угощение, чтоб ввериться надежде.
Наверно рюмочку на счет твой пропущу.

Дюпон

Боюсь ликеров я. Уж пивом угощу.
Что в кошельке твоём?

Дюран

Три су.

Дюпон

260 В харчевню ближе.

Дюран

Ступай вперед.

Дюпон

Нет ты.

Дюран

Нет ты, прошу — иди же.

98

Из Мерики

Будь Феокрит, о прелестнейший, мной упомянут с хвалою.
Нежен ты прежде всего, но и торжествен вполне.
Ежели граций ты шлешь в золотые чертоги богатых,
Босы они, без даров, снова приходят к тебе,
5 Праздны сидят они снова в убогом доме поэта,
Грустно склоняя чело к сгибу остывших колен.
Или мне деву яви, когда в исступлении страсти,
Юноши видя обман, ищет Гекату она.
Или воспой молодого Геракла, которому служит
10 Люлькою кованный щит, где он и змей задушил.
Звучен триумф твой! Сама тебя Каллиопа венчает;
Пастырь же скромный, затем снова берешь ты свирель.

99

Из Катулла

XLX (LI)

Тот богоравный был избран судьбою,
Тот и блаженством божественным дышит,
Кто зачастую сидит пред тобою.

4 Смотрит и слышит

Сладостный смех твой; а я-то несчастный
Смысл весь теряю, а взор повстречаю,
Лезбия, твой, так безумный и страстный
8 (Слов уж не знаю).

Молкнет язык мой, и тонкое пламя
Льется по членам моим, начинается
Звон раздаваться в ушах, пред глазами
12 Ночь наступает.

Праздность, Катулл, насылает мытарства,
Праздность и блажь на тебя напустила;
Праздность царей и блаженные царства
16 Части губила.

100

I. КНИГА ЛЮБВИ ОВИДИЯ

1. Элегия

Славить доспехи и войны собирался я строгим размером,
Чтоб содержанью вполне был соответствен и строй.
Все были равны стихи. Но вдруг Купидон рассмеялся,
Он из второго стиха ловко похитил стопу.
5 "Кто, злой мальчик, тебе такую дал власть над стихами?
Вещий певец Пиерид, не челядинец я твой.
Кстати ль Венере хватать доспех белокурой Минервы,
Ей, белокурой, к лицу ль факела жар раздувать?
Кто похвалил бы, когда б Церера владела лесами?
10 А властелинкой полей дева с колчаном была б?
Нет у меня и предмета приличного легким размерам:
Отрока иль дорогой девушки в длинных кудрях".
Так роптал я. Но он, колчан растворяя немедля,
Выбрал, на горе мое, мне роковую стрелу.
15 Сильным коленом согнув полумесяцем лук искривленный,
Вот же, — сказал он, — воспеть можешь ты это, певец!"
Горе несчастному мне! как метки у мальчика стрелы:
Вольное сердце горит, в нем воцарилась любовь;
Шестистопным стихом начну, пятистопным окончу.
20 Битвам железным и их песням скажу я: прости!
Миртом прибрежным теперь укрась золотистые кудри,
Муза, и в песню вводи только одиннадцать стоп.

101

II. Элегия

Чтоб это значило? Все как будто жестка мне постеля,
И одеялу нигде места сыскать не могу,
Целую долгую ночь провел я в бессоннице томной,
Как ни ворочался я, больно усталым костям!
5 Я бы почувствовал, кажется, если б томился любовью;
Иль незаметно она в сердце вливает свой яд?
Подлинно так! Вонзились мне в сердце колючие стрелы,
И побежденную грудь злобный смущает Амур.
Что ж, уступить? Иль раздуть борьбою мгновенное пламя?
10 Да, уступлю. Покорясь, ношу удобней нести.
Видывал я, как вдруг от качания вспыхивал факел,
Видывал, как потухал он, не тревожим никем.
Терпят ударов воли, еще непривычные к плугу,
Больше гораздо, чем те, что покорились ярму;
15 Рот у строптивых коней колючими рвут удилами,
Чувствуют меньше узду те, что покорны браздам,
Злее гораздо ранит Амур душой непокорных,
Чем таких, что терпеть рабство ему поклялись.
Видишь, — себя я признал, Купидон! твоею добычей.
20 Руки покорные сам я воздеваю к тебе,
Нечего мне воевать, прошу пощады и мира,
Я безоружен, меня что за хвала покорить.
Волосы миртом венчай, у матери взявши голубок,
А колесницу для них вотчим тебе подарит.
25 В ней ты будешь стоять; под крик триумфальный народа,
Править запряжкой птиц ловкой ты будешь рукой.
Юношей пленных вослед и дев поведут за тобою;
Шествие их для тебя будет славнейший триумф,
Сам я, пленник недавний, пойду со свежеею раной,
30 Новые цепи твои чувствуя пленной душой.
Здравый Смысл поведут, связав ему за спину руки,
Стыд, туда же и всех, кто на Амура восстал.
Все да бояться тебя. И, руки к тебе воздевая,
Голосом громким народ пусть восклицает: Триумф!
35 Спутники лести пойдут при тебе: заблужденье и дерзость,
(Эта толпа за тебя вечно готова стоять).
Этим-то войском своим ты людей и богов побеждаешь;
Стоит отнять у тебя только их помощь — ты наг.
Рада триумфу сыновнему, мать на высоком Олимпе
40 Зарукоплещет и роз станет кидать на тебя.
Ты же алмазами крылья, алмазами кудри убравши,
На золотых колесах будешь стоять золотой.
Тут, я знаю тебя, зажжешь сердец ты немало,
И мимоходом людей многих поранишь тогда.
45 Если бы даже хотел, унять своих стрел ты не в силах;
Жаркое пламя своей близостью жгучей палит.
Так же шествовал Вакх, покоривши пределы Гангеса,
Тиграми он управлял, правишь голубками ты.
Если часть твоего могу я составить триумфа,
50 Так пощади! На меня сил, победитель, не трать!
Цезарь, родственник твой, тебе да послужит примером:

Дланью победной своей он побежденных хранит.

102

V. Элегия

Солнце палило, и только полуденный час миновало,
Членам давая покой, я на постелю прилег.
Часть приоткрыта была, и часть закрыта у ставней,
В комнате был полусвет, тот что бывает в лесах.
5 Сумерки так-то сквозят вослед уходящему Фебу,
Или когда перейдет ночь, а заря не взошла.
Должно такой полусвет для застенчивой девы готовить,
В нем-то укрыться скорей робкий надеется стыд.
Вижу, Коринна идет и пояса нет на тунике,
10 Плечи белеют у ней под распушенной косой.
Семирамида роскошная в брачный чертог так вступала.
Или Лаиса, красой милая многим сердцам.
Я тунику сорвал, прозрачная мало мешала.
А между тем за нее дева вступила в борьбу;
15 Но как боролась она, как бы не желая победы,
Было легко победить ту, что себя предала.
Тут появилась она очам без всякой одежды,
Безукоризненно все тело предстало ей.
Что за плечи и что за руки тогда увидал я!
20 Так и хотелось пожать формы упругих грудей.
Как под умеренной грудью округло весь стан развивался!
Юность какая видна в этом роскошном бедре!
Что ж я хвалю по частям? Что видел я, было прекрасно.
Тело нагое к себе много я раз прижимал.
25 Кто не знает конца? Усталые, мы отдыхали,
Если бы мне довелось чаще так полдень встречать.

103

Филемон и Бавкида

Смолкнул на этом поток. Всех бывших тронуло чудо.
На смех поднял доверчивых только богов поноситель
615 И необузданный в сердце своем, Иксионом рожденный:
— "Сказки плетешь и чрезмерно богов, Ахелой, ты считаешь
Мощными, рек он, коль формы и дать и отнять они могут". —
Все изумились; никто подобных речей не одобрил:
Но Лелекс из всех, созревший умом и годами,
620 Так сказал: "Безмерна власть неба и нет ей предела,
И чего пожелают небесные, то свершится.
Чтоб ты не был в сомненье, так есть, недалеко от липы,
Дуб на Фригийских холмах, обнесен небольшою стеною...
Видел то место я сам, потому что был послан Питтеем
625 В Пелопса землю, которой отец его правил когда-то.

Есть там болото вблизи, что некогда было селеньем,
Ныне те воды ныркам, да болотным курочкам любы.
В образе смертном явился туда Юпитер и также,
Вместе с отцом, Атлантид жезлоносец, покинувши крылья;
630 В тысяче целой домов они добивались ночлега:
Тысячи были домов на замке. В один их впустили.
Маленький, крытый одним камышом из болот да соломой.
Но старушка Бавкида, и ей летами под пару,
Филемон, сочетавшись в нем в дни юности, в той же
635 Хате состарились. Бедность они сознали, им легкой
Стала она, и ее они добродушно сносили.
Что ни делай, господ или слуг ты здесь не отыщешь:
Дом-то весь только двое, служить и приказывать те же.
Вот когда небожители бедного крова достигли,
640 И, головами нагнувшись, вошли через низкие двери.
Членам дать отдых старик пригласил их, придвинувши кресла,
А суровую тканью его покрыла Бавкида.
Теплую тотчас золу разгребла и разрыла вчерашний
Жар, подложила листвы с сухою корою и пламя
645 Старческим дуновеньем своим заставила вспыхнуть.
Мелкой лучины снесла с чердака да высохших сучьев,
И, нарубивши, придвинула их к котелку небольшому.
Листья срубила с кочна, принесенного мужем из сада,
Орошенного. Он же двурогою вилой снимает
650 С черной жерди затылок свиной, висящий, копченый.
От хранимой давно ветчины отрезает он малость
И отрезок спешит размягчить в клокочущей влаге.
Между тем сокращают часы разговором, мешая
Замедление чувствовать. Буковый тут же и чан был
655 На костыле деревянном за прочное ухо привешен.
Теплой наполнен водой, он принял члены их, грея.
Посредине была постель из мягких растений
Положена на кровать; из ивы бока в ней и ножки.
Эту покрыли ковром, которым по праздникам только
660 Покрывали ее, но и тем, — дешевый и старый
Был он ковер, — на кровати из ивы не след было брезгать.
Боги на ней возлегли. Подсучась, дрожащая, ставит
Старица стол; но третья в столе неравна была ножка.
Ножку сравнял черепок. Когда же приподняло крышку,
665 То зеленою мятой она его тотчас протерла.
Тут поставили свежих, пестрых ягод Минервы,
Также вишен осенних, в соку приготовленных жидком,
Редьки, индивия, к ним молока, сгущенного в творог,
Да яиц, что слегка лишь ворочаны в пепле не пылком.
670 Все в посуде из глины. Затем расписной был поставлен
Кубок того ж серебра и стакан, сработан из бука,
Внутренность в нем была желтоватым промазана воском.
Долго ли ждать; с очага появились горячие яства.
Вот убрали вино незначительной старости, чтобы
675 Место очистить на время вторичной чреде угощенья.
Тут орех, в перемешку тут финик морщинистый с фигой,

Сливы в корзинах и с ними душистые яблоки рядом.
Так же и гроздья, что с лоз, разукрашенных пурпуром, сняты.
Сот посреди золотой. Ко всему ж добродушные лица,
680 И при этом хлопот и вместе радушья немало.
Видят они между тем, что, сколько ни черпают, чаша
Все наполняется, — тотчас вино прибывает.
Чудо приводит их в страх; и, руки воздевши, вызывают
И Бавкида с мольбой и сам Филемон уstraшенный.
685 Просят прощенья за стол и скудное все угощенье.
Был единственный гусь, двора их убогого сторож,
В жертву гостящим богам заклать его старцы решили.
Он, проворен крылом, изморил удрученных годами,
Долго шнырял он от них и словно ушел под защиту
670 К самым богам. Его убивать запретили владыки.
— "Боги мы, сказали они, оплатят соседи
Карой заслуженной грех, но дасться вам быть непричастным
Этому злу, только вы свой кров немедля покиньте,
Да ступайте за нами и следом в гору идите
695 Вместе". — Послушались оба и стали, опершись на
палки,
Долгий подъем проходить по дороге, взбирался кверху.
Не дошли до вершины настолько, насколько до разу
Может стрела прилететь. Оглянулись, и все увидали
Погруженным в болото, а их только кровля осталась.
700 Вот, покуда дивились они, о соседях жалея,
Хижина старая их, в которой двоим было тесно,
Превратилась в храм; колоннами стали подпорки,
Зажелтела солома, и крыша стоит золотая.
Двери стали резные, и мрамором землю покрыло.
705 Тут Сатурний сказал, обращая к ним лик благосклонный:
"Праведный старец и ты, жена достойная, ваши
Изреките желанья". С Бавкидой сказавши два слова,
Передал сам Филемон их общие мысли бессмертным:
"Быть жрецами и стражами вашего храма желаем
710 Мы, а так как в согласье мы прожили годы, то пусть нас
Час все тот же уносит, пускай не увижу могилы
Жениной я. И она пускай меня не хоронит".
Как просили, сбылось; покуда жизнь длилась, были
Стражами храма они. Когда ж, ослабевши от века,
715 Раз у священных ступеней стояли они, повествуя,
Что тут на месте сбылось, увидал Филемон, что Бавкида,
А Бавкида, что стал Филемон покрываться листвою.
Вот уж под парюю лиц поднялись макушки, тут оба
Как могли, так друг другу вместе сказали: "Прощай же,
720 О супруг, о супруга", — и ветви закрыли им лица.
Кажет прохожим поныне еще Тиании житель
Два соседних ствола, исходящих от корня двойного.
Мне старики достоверные, не было лгать им причины,
Так рассказали. При том и сам я видел, висели
725 На ветвях тех венки; и, свежих повесив, сказал я:
"Кроткие милы богам, кто чтит их, сам будет в почете".

К. ГОРАЦИЯ ФЛАККА о поэтическом искусстве

К Пизонам Предисловие

Хотя заглавие "Поэтическое искусство" (Ars poetica), или, вернее, "О поэтическом искусстве" (De arte poetica), по всей вероятности, не принадлежит самому Горацию, но оно тем не менее весьма древнее и находится уже у Квинтилиана. Соответствие такого заглавия с содержанием самого письма заставило удерживать его и поныне, но это соответствие только внешнее. Гораций был настолько мыслитель, что, решившись раз представить теорию поэзии, не допустил бы такого беспорядка в изложении, какой представляет "Письмо к Пизонам". С другой стороны, он был весьма опытный и даровитый художник-поэт и не мог, конечно, предпринять в стихотворной форме такой чисто дидактический труд. Фантазия его буйствует. Он как бы не в силах совладеть с налетающими на него образами (без этого всякий лиризм мертвечина; не Горацию было не знать этого); и если он в этом Письме, как и везде, является назидательным и полезным, то это одно из его достоинств, но никак не *цель*. Гораций вращался в самом образованном и изящном кругу своего времени. Фамилия Пизонов, к которым относится это письмо, принадлежала к самым древнейшим. Отец упоминаемых в нем Пизонов-сыновей (Люций, Калпурний, Пизон) вел свой род от сына царя Нумы по имени Кальпа (Calpus) (ст. 292). В 739 году от О. Р. он был консулом и, по свидетельству Тацита, умер в 785 году восьмидесяти лет от роду. Так как Гораций умер в 746 году, а старшему из детей Пизона, к которому относится поэт как к начинающему стихотворцу, могло в это время быть от 15 до 20 лет, то комментаторы и относят эту оду к 745 году, то есть за год до смерти поэта. К такому заключению приводит и то обстоятельство, что Гораций уже однажды затрагивал (в письме к Юлию Флору) тот же предмет, которым в настоящем письме увлекся окончательно. Нельзя же предположить обратного хода дела. Некоторые критики предполагают даже, что Гораций не успел докончить этого послания, но весь строй и цельность стихотворения и чисто горациевский конец явно уличают в противном. В последние годы жизни Гораций оставил лиру и предан философии. Только желание высказаться молодому начинающему другу подало ему повод написать стихотворное письмо, которое для нас тем драгоценнее, что оно блистает всеми достоинствами музыки поэта в лучшую эпоху его деятельности.

Вот последовательность, чтобы не сказать порядок мыслей, в нашем письме:

Стихотворение должно быть цельно (1-23), но не односторонне (24-37). Если выбор содержания соответствует индивидуальной силе автора (48-41), то соответственный предмету порядок установится сам собою (42-45). О выборе слов и выражений (46-72), стихотворных размерах (73-85). Каждый размер имеет свой особенный характер, с которым и должно в данном случае сообразоваться (86-98). Должно обращать внимание на положение лица (99-113) и на самое лицо и его характер (114-118). Относительно содержания должно или держаться преданий (119-124) или, решаясь на самобытное творчество, оставаться последовательным и верным однажды задуманному образу (125-127). Но первый путь более благонадежен (128-130). При этом должно избегать рабского подражания и разных гибельных неловкостей (131-152). Специальные указания драматургам: должно соображаться с возрастом действующего лица (153-178); отношение элемента повествовательного к действующему (179-188); число актов, правила касательно *deus ex machine*, число действующих лиц, положение хора (189-201); музыкальный аккомпанемент (202-219); драма с сатирами (220-250). Размеры драматические: ямб и его исполнение строго

по греческим образцам (251-274). Два главные вида драмы: трагедия и комедия, сперва греческие (275-284), потом римские (285-288). Последние страдают большею частью недостатком отделки (289-294), что авторы выдают за гениальность (295-308). Творчество должно опираться на основательное образование, каково изучение практической философии (309-316) и в то же время жизни (317-322). Преуспейанию поэзии у римлян противодействует материализм их воспитания (323-332). Из трех родов поэзии чисто поучительного (335-337), чисто занимательного (338-340) и сочетания того и другого элемента — последний более всех увлекает общее сочувствие (341-346). Из таких идеальных требований можно кое-чем поступиться в пользу человеческих несовершенств, лишь бы добро превышало (347-353); но снисхождение должно иметь границы (354-360). Стихотворения так же разнообразны по производимым впечатлениям, как и картины (361-365), но посредственность не может быть терпима (366-378). И стихотворству надо обучаться (379-385), а потому при обнародовании сочинений должно быть крайне осмотрительным (386-390). Но не следует стыдиться почтеннейшего и древнейшего искусства поэзии (391-407). Для преуспейания в нем необходимо соединение таланта с изучением (408-415), чего нередко не признают современники (410-418). Прихлебатели и корыстные хвалители только увеличивают легкомысленное самолюбие богатых писателей (419-433), так что по отношению к стихам поэта легко распознать истинного друга от ложного (434-452). Только истинный неумолимый критик может спасти от несчастий сделаться, в качестве плохого стихотворца, мучителем встречного и поперечного.

К Пизонам

Если бы вдруг живописец связал с головой человеческой
Конский затылок и в пестрые вырядил перья отвсяду
Сборные члены; не то заключил бы уродливо-черной
Рыбой сверху прекрасное женское тело, — при этом
5 Виде могли ли бы вы, друзья! удержаться от смеху?
Верьте, Пизоны, такой картине очень подобна
Книга, в которой нескладны грезы, как сны у больного,
Смешаны так, что нога с головой сочетаться не может
В произведение одном. Живописцам равно и поэтам
10 Все дерзать искони давалось полное право.
Знаем! и эту свободу просить и давать мы согласны,
Но не с тем, чтобы дикое с кротким вязалось, не с тем, чтоб
Сочетались со птицами змеи, с тиграми — агнцы.
Вслед за важным и много сулящим началом нередко
15 Тот пурпурный лоскут, другой ли для большего блеска
Приставляется, рощу ли то, алтарь ли Дианы
И по красивым полям протекающей речки извивы,
Или Рейн, или радугу нам описывать станут.
Но не у места здесь это. Да ты кипарисы, быть может,
20 Мастер писать? Но к чему, коль тут потерпевший
крушенье
Выплыл бедняк, по заказу написанный? Делать амфору
Стал — и пустил колесо, — зачем же вышел горшочек?
Словом, что делать замыслил, да будет едино и цельно.
Большую часть певцов — (отец и достойные дети!)
25 Губит призрак нас совершенства: стараюсь быть кратким.
Делаюсь темным; иной, желая быть легким, теряет

Силу и душу; а этот, быть важным пытаясь, напыщен;
В прахе ползет, — вполне безопасен, — боящийся бури.
Кто не сложную вещь разукрасить желает чудесным,
30 Тот напишет дельфина в лесу, кабана среди моря.
Страх ошибок ведет к недостаткам, коль нету искусства.
Около школы Эмилия жалкий литейщик сумеет
Выделывать ногти и мягкие волосы вылить из меди,
В главной задаче труда несчастный, затем что не сладит
35 С целым. Явиться таким же, задумав любое творенье,
Я не больше хотел бы, как нос иметь покривленный,
Черным цветом глаз и волос вызывая внимание.
Пишущие! Выбирайте предмет, соответственный вашим
Силам, и тщательно взвесьте, чего не подымут, что смогут
40 Плечи поднять. У того, кто выбрал посильное дело,
Хватит всегда выражений и будет порядок и ясность.
Сила порядка в том и краса (или ошибаюсь),
Чтобы вот здесь и сказать, что здесь сказать было нужно.
Многое, разобрав, в настоящее время отложит,
45 Там предпочтет, здесь отвергнет творец обещанной песни.
Тонко и точно связуя слова, ты понравиться можешь,
Если сумеешь придать новизну известному слову
Ловким сопоставлением. Но если для новых понятий
Необходимость укажет найти небывалое слово:
50 Да позволено будет и то, что не слыхано было
У Цетег препоясанных, скромно ввести в обращение.
К новым, недавно введенным словам, окажут доверье,
Если в них греческий строй слегка изменен. Почему же
Римлянин Плавту с Цецилием то позволял, в чем откажет
55 Варию или Вергилию? Чем заслужу я немилость
Вмале трудясь, коль язык Катона и Энния многим
Обогащал отцовскую речь, находя для предметов
Новые имена? Дозволено было и будет
Слово вводить, зачеканив его современной печатью.
60 Как меняются листья в лесу с отживающим годом,
Старые падают: так и слова отжившие гибнут,
А порожденные вновь зацветают, как юноши силой.
Смерти подвластны и мы, и все наше: Нептун ли проникнул
В землю, чтобы укрыть корабли от крыл Аквилона, —
65 Царственный труд; пришлось ли болоту, доступному

веслам

И бесплодному, — вдруг питать города и пахаться;
Или река с вредоносным для нив направленьем сыскала
Лучший прежнего путь, — создания смертных погибнут.
Где же тут в вечной чести одним речам красоваться?
70 Много отживших слов возрождаются снова, а те, что
Ныне в почете, погибнут, если захочет обычай,
Этот полнейший судья законов и правил речений.
Тот размер, которым описывать мрачные войны
Или деянья царей и героев, — указан Гомером.
75 Жалоба прежде всего выражалась неравным двустийшем.
Вверилась после ему и молитвы услышанной радость.

Кто же был первым создателем первых элегий, об этом
Между собою грамматики спорят — и спор не окончен.
Яростный гнев снабдил Архилоха оружием ямба,
80 Те же стопы годились для сокков и важных котурнов,
Нить вести разговоров удобны — и в шуме народном
Слышными быть, сродны вполне для сценических действий.
Муза судила струнам воспевать богов и героев,
И кулачных бойцов, к ней на ристалище первых,
85 Да зазнобу влюбленных, и откровенные вина.
Если ни правил я, ни оттенков в известном творенье
Не удержу и не знаю, за что же и слыть мне поэтом?
Должен ли ложный мой стыд предпочесть незнание —
ученью?

Стих трагедий нейдет к изложению комической вещи,
90 Оскорбительно так же, коль станут будничным строем,
Только сокков достойным, вещать про трапезу Тиеста;
Все должно сохранять урочное место пристойно.
Но иногда и комедия голос свой возвышает,
И прогневанный Хрем бранится напыщенным слогом,
95 Да и в трагедии часто будничной сетуют речью.
Телеф или Пелей, являясь изгнанником бедным,
Не допускает слов двухаршинных пышного строю,
Если желает сердца у зрителей жалобой тронуть.
Мало стихам быть красивыми, быть им сладкими должно
100 И у слушателей по прихоти править сердцами.
Как отвечают улыбкой на смех, так с плачущим плачут
Лица людей: если хочешь, чтоб я заплакал, то прежде
Сам загорюй; тогда и я разделю твое горе,
Телеф или Пелей! а дурно роль ты исполнишь,
105 Или засну или буду смеяться! Речи печали
С грустным совместны лицом, с раздраженным речи угрозы
Шутки приличны веселому, строгому — важное слово.
Ибо природа сперва готовит нас внутренне к каждой
Перемене судеб: веселит иль на гнев вызывает
110 Или великою скорбью томит, к земле преклоняя;
Вслед за тем состоянье души языком выражает.
Если в разрез с положеньем речь поведет говорящий.
Римские всадники и пехотинцы хохот подымут.
Разница выйдет большая, бог говорит ли, герой ли,
115 Старец преклонный, иль юноша, полный цветущего
пылу,
Гордая в доме матрона, иль скромно прилежная няня,
Всюду бывалый купец, земледел зеленеющей нивы,
Ассириец или колхиец, сын Фив иль Аргоса.
Или следуй преданью иль выдумай сам, только складно.
120 Если желаешь, писатель! ты славного вызвать Ахилла, —
Безусталый и пылкий, неумолимый и резкий,
Пусть отвергая законы, он все присвоит оружию.
Пусть Медея жестока, строптива, Ино печальна,
Ио беспомощна, грустен Орест, Иксион вероломен.
125 Ежели ты небывалое ставишь на сцену, решаясь

Новое вывести лицо, пускай до конца оно будет
Тем, чем явилось сначала, и верным себе остается.
Трудно по-своему выразить общее, с большим успехом
Можешь ты песнь "Илиады" разбить на акты, чем вывести
130 То впервые, о чем никто не слыхал и не знает.
Общеизвестный предмет твоим достоянием станет,
Если в пошлом и низком кругу не будешь вращаться;
Ежели, как переводчик, не станешь ты слово за словом
Передавать и не влезешь в такую трущобу, откуда
135 Вытащить ног или стыд не позволит, иль смысл
сочиненья.

Не начинай ты так, как поэт циклический начал:
"Участь Приама пою и жребий войны благородной".
Чем хвастун оправдает такой притязательный возглас?
Горы томятся родами, и мышь смешная родится.
140 Сколь безупречнее тот, что без всякой неловкости начал:
"Мужа мне, Муза, воспой, который, по взятии Трои
Многих народов видал города и нравы изведаль".
Не из пламени дым, а из дыма свет он замыслил
Вызвать, чтобы затем выводить знаменитые дива:
145 Антифата и Сциллу и рядом с Циклопом Харибду.
Не начинает он петь возврат Диомеда со смерти
Мелеагра, иль с пары яиц — троянские битвы.
Вечно к развязке спеша, он слушателя увлекает
В середину событий, как бы уже знакомого с делом.
150 То же, в чем не надеется блеску добиться, обходит;
И сочиняет так, мешая с правдой неправду,
Чтоб середина с началом, конец с серединой вязались.
Слушай теперь, чего я и народ со мною желаем:
Если ты хочешь, чтоб зрители ждали спуска завесы.
155 И сидели, пока им певец: "Похлопайте" — скажет,
То ты каждого возраста нравы должен отметить
И подвижных и зрелых лет сохранять выраженья.
Мальчик, который уж может слова повторять и надежно
На ноги стал, — рад играть со сверстниками и мгновение
160 То вспылить, то смириться готов, меняясь всечасно.
Безбородый юноша, вырвавшись из-под надзора,
Любит коней и собак и яркое Марсово поле;
Мягко, как воск, на худое, строптив ко всем увещаньям,
Поздно полезное он предвидит; деньги бросает, —
165 Рьян и заносчив, легко покидает он то, что полюбит.
Совершенно напротив и дух и возраст мужчины
Заставляет искать богатства, связей и почета,
Избегая всего, что трудно менять будет после.
Много вкруг старца забот собирается иль потому что
170 Он все ищет богатств, а найдя, боится их трогать,
Иль потому, что всем боязливо и холодно правит,
Все отлагает, надеется, век припасая в грядущем.
Строгий, строптивый, он хвалит минувшие годы, когда он
Мальчиком был, — и затем молодежь, разбирает и судит.
175 Много с собою удобств лета, прибывая, приносят,

Много уносят, начав убывать. Чтоб юноше роли
Старца порою не дать иль мальчику роли мужчины,
Будем держаться всегда сообразного с возрастом каждым.
Сцена выводит события или о них повествует.
180 Трогает душу слабее, что приемлется слухом,
Чем все то, что, видя глазами верными, зритель
Сам себе сообщает. Но что прекрасно за сценой,
Там и оставь; скрыть должен от глаз ты много такого,
Что очевидец событий расскажет с полною силой.
185 Пусть Медея не губит детей пред глазами народа
И преступный Атрей не варит человеческих членов.
Не превращается Прокна в птицу и Кадм в дракона.
Хоть покажи ты мне все, — отвернусь — и тебе не поверю.
Пусть сочиненье не меньше нити и не больше содержит
190 Действий, ежели хочешь, чтоб вновь его видеть желали,
Пусть не является бог, коль к тому не приводит развязка,
И лицо четвертое пусть в разговор не встречается;
В действии место актера с достоинством пусть заступает
Хор, — и чего-либо отнюдь не поет среди акта,
195 Что не ведет к предназначенной цели и чуждо по смыслу
Пусть благосклонно и дружески добрым даст он советы;
Гневных склоняет на мир и любит от злого бегущих.
Пусть восхваляет умеренный стол, правосудье благое,
Святость законов и общий покой при открытых воротах,
200 Пусть он тайну хранит и пусть богов умоляет,
Чтобы счастье пришло к беднякам, отвернувшись от гордых.

Флейта еще не была изукрашена бронзой и звуком
Сходна с трубой, на маленькой было и скважин немного,
Как назначались она помогать и подыгрывать хорам,
205 Звуки свои разнося до не слишком просторных скамеек,
Где собирался народ, числом пока не великий,
Благочестивый народ, умеренный в пище и скромный.
После, когда раздвинул поля победитель, — а город
Охватили просторной стеной и Гению в праздник
210 Стали целый день вином угощать невозбранно, —
То и для строя стихов настала большая вольность;
Что же иначе и понял бы пахарь-невежда и праздным,
Тут сливаясь в одно с гражданином, — низкий с достойным?
Так-то искусству старинному придал движенье и роскошь
215 Флейтщик, влача за собою по сцене длинное платье.
Так, наконец, и суровые струны возвысили голос,
И вдохновенный полет прибегнул к речам небывалым, —
Полным сочувствием к делу добра и силой прозренья
В будущем — почти подходя к изречениям дельфийским,
220 Кто за дрянного козла состязался в писанье трагедий,
Стал выводить обнаженных сельских сатиров на сцену
И, сохраняя возвышенный строй, тяжелые шутки
Отпускать, чтоб такою приятной завлечь новизною
Зрителя, от возлияний пришедшего пьяным и буйным.
225 Но болтливым сатирам с их насмешками должно

Так держаться и так примешивать к важному шутки,
Чтоб какой-либо бог иль герой, что недавно на сцену
В дарственно-золотой и пурпурной являлся одежде,
Низкою речью вдруг не спустился до темных подвалов,
230 Иль, возносясь над землей, не ловил облаков попустому.
Легких стихов болтовня трагедии мало прилична.
Как в хоровод, по приказу, гражданке, на праздник идущей,
Должно застенчиво ей выступать меж задорных сатиров.
Будь писателем я сатиров, Пизоны! не стал бы
235 Я держаться одних только будничных слов и названий.
И не настолько б старался трагический сбросить оттенок,
Чтоб различия не было — Дав говорит ли и пройда
Пифия, что на целый талант надула Симона,
Или Силен — прислужник и страж, взлелеявший бога.
240 Общий предмет бы воспел я, чтоб каждый считал себя в

силах

То же исполнить, но долго потел бы, трудясь понапрасну,
То ж предприняв. Таково то значение порядка и строя,
Вот до какого почета доходит предмет ежедневный!
Фавнам, пришедшим из лесу, по-моему, должно страшиться
245 Сходства с чернью, живущей на перекрестках и рынках:
Не болтать, молодясь, стихов слишком приторнонежных,
Также не раздражаться словами грязных ругательств;
Этим тот, у кого состоянье, и предки, и конь есть,
Оскорбится, и он за то, чем любитель гороху
250 Да каленых орехов пленен, — не венчает поэта.
За коротким слогом долгий ямбом зовется, —
Быстрые стопы: поэтому был даже назван триметром
Тот ямбический стих, в котором шесть слышно ударов.
Прежде равен везде он шел до конца, но недавно,
255 Чтобы медлительней с большим достоинством слуха

касаться,

Дал снисходительно он и любезно стойким спондеям
Отчий приют у себя; но был не настолько любезен,
Чтоб поступиться вторым иль четвертым местом. И тут он
В благородных триметрах у Акция слышен, и Энний
260 В тяжеловесных стихах, на сцену к нам брошенных, тем

же

Недостатком успел заслужить обвиненье в беспечной
Быстрой работе иль даже в незнании правил искусства.
Неблагозвучность стихов разобрать в состоянье не всякий,
И снисхождение дается излишнее римским поэтам.
265 Стану ль по этой причине писать я неряшливо? или
Буду, спокоен вполне, ожидать снисхождения, хотя бы
Все увидали ошибки мои? Избежав осужденья
Я не стяжал бы похвал. Старайтесь денно и ночью,
Не выпуская из рук, изучать создания греков.
270 Прадеды наши однако ж в стихах у Плавта хвалили
Соль и певучесть: действительно, то и другое хвалили
По снисхождению, чтобы не сказать по глупости, если
Я, как и вы, различаем забавную шутку от грубой;

Также правильный стих и по пальцам сочтешь и услышишь.
275 Изобретателем песен безвестной, трагической музыки
Был, говорят, Феспис, возивший театр на телегах,
На котором играли, раскрасив лица дрожжами.
После него Эсхил епанчу и приличные маски
Выдумал, — и сцену устроив на средственных брусках,
280 Первый ввел и речей возвышенный строй и котурны.
Вслед за тем комедия древняя с громким успехом
Вышла на свет; но свободу свою довела до зазорной
Крайности, вызвавшей строгость закона. Закон состоялся,
И, утратя возможность вредить, хор смолкнул постыдно.
285 В каждом из этих родов пытались и наши поэты
И немало явили заслуг, осмелясь с тропинки
Греков сойти и воспеть домашние наши явления
Кто под важной претекстой, а кто под гражданскою тогой.
Верно Лациум был бы не более доблестью славен
290 И оружием мощен, чем словом, если б поэтов
Наших так не пугал долговременный труд и подпилоч.
Вы же, потомки Помпилия! песнь отвергайте, которой
Не подвергали помаркам, усидчиво, долгое время
И с прилежаньем раз десять под ноготок не дошили.
295 Ради того, что искусство считал Демокрит беспомощным
Пред вдохновеньем и гнал с Геликона трезвых поэтов,
Много явилось таких, что ногтей не стригут и не бреют
Бороды, в пустыню стремятся и в баню не ходят.
Он уверен добиться славы и званья поэта,
300 Если своей головы, которой и три Антикиры
Не исцелят, не вверял брадобрею Лицину. О горе
Мне! что я ежегодно весной очищаюсь от желчи.
Лучше меня никто бы стихов не писал. — Да не стоит
Думать об этом. И так уподоблюсь бруску, что пригоден
305 Только железо точить, а сам ничего не разрежет.
Всякому, сам ничего не писавши, указывать стану
Где содержанья искать, в чем пища и сила поэта,
Что прилично, что нет; где доблесть и где заблужденье.
Правильно хочешь писать, — старайся правильно мыслить;
310 Это дело тебе уяснит Сократова школа,
А за предметом обдуманной речи последуют сами.
Кто познал, чем отечеству он обязан, чем другу,
Как подобает любить отца, как брата и гостя,
В чем призванье сената, в чем дело судьи, в чем задача.
315 Полководца, в поход идущего, — тот без сомненья
Каждой роли придать соответственный образ сумеет.
Я подражателю умному дал бы совет обратиться,
К нравам и жизни и в них почерпать выраженья живые.
Часто местами красивая, верная в очерках нравом,
320 Но лишенная грации вещь, без искусства и силы,
Больше пленяет народ и лучше его привлекает,
Чем пустые стихи с громозвучною их болтовнёю.
Грекам творческий дух, Грекам муза судила
Дать округленную речь за стремленье их вечное к славе.

325 Римские мальчики учатся в длинных своих вычислениях
Асс раскладывать на сто частей. Сынишка Альбина
Пусть сочтет: "Коль одну двенадцатую мы отыщем
От пяти двенадцатых, много ль в остатке?" — "Треть". —
"Славно!
Будешь богат". — "А прибавь одну двенадцатых,
330 Станет?" — "Поласса". — Когда подобная алчность
стяжания
Въелась в души, возможно ли ждать песнопений, достойных
В масле кедровом лежать, хранясь в кипарисной шкатулке?
Доставлять наслаждение иль пользу желают поэты
Иль воспевать заодно отрадное в жизни с полезным.
335 Если чему наставляешь, будь краток, чтоб скорое слово
В свежей душе принялось и в ней сохранялось верно.
Все излишнее выльется из переполненной груди,
Вымысел, желающий нравиться, должен правде быть близок,
И, не требуя веры всему, — не таскать из утробы
340 Ламии съеденных ею детей невинно живыми.
Круг почтенных людей отвергает бесплодные сцены.
Юный всадник не слушает тех, где есть поученье,
Все голоса за того, кто слил наслаждение с пользой,
Кто, занимая читателя, тут же его наставляет.
345 Книга такая даст Созиям денег, уйдет через море
И на долгие веки прославит имя поэта.
Есть однако ошибки, которым прощать мы готовы;
Ведь не всегда и струна послушна желанью и пальцам:
Звука низкого ждешь, а она забирает повыше.
350 Да и лук не всегда попадает туда, куда метил.
Если большая часть творенья блестяща, к чему мне
Малых пятен искать, небрежностью только разлитых
Иль неизбежных в природе людской? К чему же мы сводим?
Как виноват переписчик, который не раз исправляет,
355 В ту же впадает погрешность, как китаред нам забавен,
Вечно на той же струне ту же берущий ошибку,
Так всегда неисправный, по-моему, сходен с Херилом,
У которого две, три красы только смех возбуждают.
Мне досадно не меньше, когда и Гомер позадремлет.
360 Но сочиненье огромное вправе склонять и к дремоте.
Стихотворенье подобно картине: чем ближе к иной ты,
Тем она нравится больше; другая же издали лучше.
Этой выгодна тень, а эта при свете показней,
И не боится она знатока испытующих взоров;
365 Та понравится раз, а эта понравится десять.
Даром, что голос отца тебя, о старший из братьев!
К правде ведет, да и сам ты все видишь, старайся припомнить,
Что я скажу: в иных вещах посредственностным
Быть допускается. — Ежели законовед или стряпчий
370 Из посредственных даром слова не может сравниться
С Мессалой, а богатством познания с Касцеллием Авлом,
Все же он цену имеет: — посредственным быть стихотворцу
Не позволяют ли люди, ни боги, ни даже колонны.

Как за приятной трапезой симфония в полном разладе,
375 Мак на Сардинском меду и старый елей безуханный
Только бесят, затем, что без них бы мог ужин продлиться.
Так и стихи, сочиненные с целью доставить приятность,
Чуть не дошли до высокого, в низкое тотчас впадают.
Кто не искусен на игры, не тронет на Марсовом поле
380 Ни лапты, ни мяча, ни диска, чтобы густые
Зрителей стены не подняли вдруг справедливого смеха.
Но стихи неумелый дерзает писать. Отчего же
И не писать? Он свободный, — хорошего дома и всадник
Даже по цензу, а в частной жизни вполне безупречен.
385 Ты ничего не свершишь и не скажешь без воли Минервы,
В этом порукой твой разум и вкус. Но если решишься
Что написать, то Меция слух избери ты судьей,
Да к отцу обратись и ко мне; лет на девять спрячь ты,
Что написал: пока не издашь — переделывать ловко.
390 А всенародно заявленных слов ничем не воротишь.
Вестник священный богов, — Орфей обитателям дебрей
Отвращенье внушил к убийствам и мерзостной пище.
Вот почему говорят, что львов укрощал он и тигров.
И Амфион, говорят, фиванских стен основатель
395 Звуками лиры камня сдвигал и сладостным даром
Их размещал, как хотел. В том мудрость у них состояла,
Чтоб разграничивши общее с частным, мирское с священным,
Воспретить переметную похоть, права дать супругам,
Созидать города и на дереве резать законы.
400 Так имена и почет божественных вещей и песен
Возникали. За ними великий Гомер появился,
И стихами Тиртей возбуждал на Ареевы битвы
Души мужей; в стихах вещал предсказания оракул,
Жизнь наставлялась на истинный путь. Пиериды
405 К милостям царским вели, и сцена открыта как отдых
От долгодневных трудов. И так, не подумай стыдиться
Музы владычицы лиры и с нею певца Аполлона.
Лучшую песнь создает ли природа или искусство?
Вот вопрос. Но не вижу я, что без талантливой жилы
410 В силах наука создать или даже талант без искусства?
Оба, взывая друг к другу, вступают в союз любовный.
Кто готовится первым к мечте прибежать вожденной,
Тяжести с детства носил, потел, холодал и работал,
Ни любострастья не знал, ни вина; кто флейте пифийской
415 Предан, — сначала учился и был пред наставником в
страхе
Ныне довольно сказать: "Я дивные песни слагаю
Пусть на отсталых парша нападает, стыжусь быть последним
Или сознаться в незнание того, чему не учился".
Как хвалитель товаров толпу зазывает к покупке
420 Так привлекает к себе льстецов поэт тароватый,
Если богат он полями и отданным в рост капиталом.
Впрочем, хоть будь он способен со вкусом давать угощенья,
Быть порукой за бедного иль из судебного дела

Выручить, я б изумился, когда б подобный счастливец
425 Был отличить в состояние истых друзей от притворных.
Если кому что даришь, иль что подарить замышляешь,
То стихов ты ему своих не читай в эту пору;
С радости он закричит: "Отлично! Прекрасно! Прелестно!"
Даже, вдруг побледневши, из дружеских глаз он уронит
430 Слезы и вскочит в восторге и в землю затопчет ногами.
Как нанятые рыдать над усопшим, едва ли не больше
И говорят и мнут — самих душевно скорбящих,
Так насмешник действительно больше хвалителя тронут.
У богачей есть обычай множеством мучить бокалов,
435 Как бы пытая вином человека, с желаньем изведать
Дружбы достоин ли он. Уж если стихи сочиняешь,
То опасайся похвал, прикрытых лисьего шкурой.
Если читали стихи Квинтилию — "Друг, — говорил он,
Это и это исправь", — а стал говорить, что не можешь,
440 Хоть два, три раза пробовал, — "Так зачеркни, — он
сказал бы, —
Чтобы на наковальне не оглаженной стих переделать".
Если же ты отстоять, а не справить ошибку старался,
То уже более он не тратил речей по-пустому,
Представляя тебе в одиночку любить твое чадо.
445 Честный и умный судья неудачных стихов не приемлет,
Жесткого не допускает, взъерошенный стих отмечает
Мрачной чертой, урезает прикрасы, внушенные чванством;
Ясности темным стихам заставит придать, не допустит
Речи двусмысленной; что подлежит переделке, отметит,
450 Словом он Аристарх — и не скажет: "За что я обижу
Друга такую безделкой?" — А эти безделки доводят
До беды, если раз осмеяли и приняли плохо.
Как от страдающего чесоткой, или желтухой,
Иль бесноватого, или от жертвы гневной Дианы —
455 Всякий разумный бежит и страшится безумца-поэта,
А мальчишки, гоняясь за ним, его беспокоят.
Если ж, превыспренними стихами рыгая, сорвется
Он, как иной птицелов, на дрозда заглядевшийся, в яму
Или колодец — и станет протяжно вопить: — "Помогите,
460 Добрые граждане!" — пусть никто не бежит на подмогу.
Если же бросится кто помогать, опуская веревку,
То я скажу: "Как знать, быть может, прыгнул он нарочно
И не желает спастись?" — И кстати припомню гибель
Сицилийца-певца. Когда за бессмертного бога
465 Признанным быть захотел Эмпедокл — спокойно
спрыгнул он,
В пламень Этны. Так пусть погибать будут вправе поэты!
Кто спасает насильственно, — сходен поступком с убийцей.
Не в последний он так поступил, хотя и спасенный
Он человеком не станет и громкую смерть не разлюбит.
470 Не довольно понятно, чего он стихи все кропает?
Не опоганил ли праха отца он иль места святого
Не осквернил ли нечестьем? Но явный безумец, он словно

Разломавший решетку медведь, убежавший из клетки,
Чтеньем ужасных стихов и невежд и ученых пугает.
475 Если поймают кого, — до смерти его зачитает,
Не отстанет, как пьявка, пока не наполнится кровью.

105

Комментарии

1 Общее правило единства изображений. Многие современные Горацию стихотворцы (самонадеянные идиоты искусства) не только забывали это правило, но даже кичились яркою пестротой своих несообразных произведений, считая такой образ действий гениальной поэтической вольностью. Гораций сравнивает такое несообразное произведение с картиной, в которой живописец связал бы в одно целое члены человека, зверей, птиц и рыб.

6 О Пизонах смотри вступление.

9 Гораций как бы подсказывает плохим художникам их обычное оправдание и ссылку на поэтические вольности.

11 Он признает их, но до пределов, указуемых самою природою вещей.

18 Как бы ни были красивы сами по себе отдельные предметы, но вставленные не у места они так же оскорбляют чувство гармонии, как яркий лоскут, нашитый на платье другого цвета.

19 Потерпевшие кораблекрушение посвящали обыкновенно в храм Нептуна дощечку, изображавшую их спасение; или же вешали ее себе через плечо как знак, позволявший им прибегать к общественной благотворительности. По свидетельству древнего схоласта, один из таких бедняков пришел заказывать подобную дощечку к греческому живописцу, набившему руку в писании кипарисов, и живописец спросил: уж не написать ли тут же тебе и кипариса.

22 Колесо горшечника.

26 Пизоны.

31 Великое изречение, указывающее на противоположную бездну, избежать которой, в свою очередь, может только талант. Мало не создать ничего безобразного, надо создать нечто красивое, а главное — цельное.

34 Самый бездарный художник может добиться прилежанием известной ловкости в воспроизведении подробностей, будучи не способен управиться с целым. В пример такому положению Гораций приводит второстепенных скульпторов и литейщиков, мастерские и лавки которых находились близ форума около гладиаторской школы, носившей имя своего основателя М. Эмилия Лепида.

35 Казалось бы все хорошо; есть и прилежание и известная доля искусства, да нет безделицы — таланта, и выходит так же безобразно, как в остальных чертах красивое лицо, с покривившимся носом.

45 Так критически обращается поэт с новым своим песнопением, пока оно окончательно не появилось в свет. *Обещанным* называет его Гораций в том смысле, что публика давно знает о новом, хотя еще не появившемся произведении известного стихотворца, как это, например, было с "Энеидой". В таком случае поэт как бы в долгу у публики и должен, сдержать обещание.

51 Под именем Цетегов, происходивших от славной древней фамилии Корнелиев, поэт подразумевает древних писателей и ораторов, вообще древних римлян, имевших обычай, особенно на войне, препоясывать грудь фартуком, сходявшим ниже колен.

53 Таких греческих и вообще иностранных слов с обрусевшими окончаниями у нас набрался целый словарь, без особого разрешения Горация. Зато какую ловкость и быстроту сообщил сам Гораций и другие римские поэты родному языку, вводя в него греческие

обороты!

54 Плавт и Цецилий Стаций, оба старинные творцы комедий, тогда как Варий и Вергилий являются представителями современности. Если что признавалось справедливым и законным в старину, то почему же не быть ему таким же и в настоящее время?

56 М. Порций Катон, бывший цензор, один из величайших мужей древнего Рима, даже в преклонных годах писал о различных предметах, например, о земледелии, для чего принужден был создавать не существовавшие до того выражения, обогащая таким образом речь отцов. Энний — древний эпический поэт.

59 Сравнение, взятое с монеты, чекан которой всегда носит признаки своего времени, равным образом и новое слово неминуемо отражает характер и оттенки вновь сложившегося понятия.

63 Говоря о смертности и недолговечности всего человеческого, Гораций словом "Нептун" заменяет на одну из блистательных работ Августа или, лучше сказать, Агриппы, который в 717 году, соединив каналами Авернское озеро с Лукринским и последнее с морем, образовал, таким образом, превосходную гавань, славившуюся в Италии под именем Юлианской, — в честь Юлия Цезаря.

64 Говоря об этой гавани, Гораций прибавляет: "создания смертных погибнут". Пророчество поэта сбылось в 1538 году. Землетрясение превратило Лукринское озеро в болото, заросшее тростником.

74 Эпический гекзаметр.

75 Гораций относительно происхождения элегии придерживается мнения Аттиков, согласно которому, элегия первоначально выражала только жалобу; и только впоследствии стала выражать все нежные чувства, хотя бы и радостные, самобытным и сладостным размером гексаметра, перемежающегося с пентаметром. Краткою названа элегия не столько сравнительно с большим объемом, сколько по отношению к высокому строю эпоса.

78 Изобретателем ямбического размера и беспощадного рода сатиры, получившей название ямбов, считается Архилох. Беспощадными названы его ямбы вследствие предания, по которому фиванец Ликамб обещал Архилоху руку дочери своей Необулы, но, не сдержав слова, подвергся жестоким сатирам поэта. Предание продолжает, что Ликамб, преследуемый ямбами, повесился вместе со своими дочерьми.

80 *Сокки* и *котурны* стоят вместо комедии и трагедии. Сокки — низкие башмаки для комических актеров; котурны — высокие пурпурного цвета полусапожки для трагических актеров. Их носили на очень высоких подошвах, чтобы насколько возможно увеличить рост полубогов и героев.

83 *Струнам*, т. е. лирическому роду поэзии.

88 Стыдно пускаться в пляс неумелому, но учиться плясать не стыдно.

91 Трапеза Тиеста часто служила содержанием для трагических писателей, равно как и все Танталиды. Тиест, сын Пелопса, прижил детей с женою брата своего Атрея, который за пиршеством из мести накормил этими детьми своего брата и их отца Тиеста.

94 В комедии Теренция Хрем осыпает ругательствами сына своего Клитифона за расточительность в отношении к любовнице.

96 *Телеф*, сын Иракла, раненный копьем Ахиллеса, мог только от него и получить исцеление и вынужден был с этой целью предпринять странствие из Мизии в Элладу. *Пелей*, отец Ахиллеса, в юности в сообществе брата своего Теламона убил сводного брата своего Фоку, за что оба изгнаны отцом из родины (Эгины).

113 Гораций преднамеренно противопоставляет почетному выражению "всадники" заимствованное комическое слово: *pedites* — пехотинцы, вместо: "простонародие".

114 Хотя в тщательно пересмотренном по Бонду парижском издании 1855 года и стоит: "*Davusne loquatur*" "Дав говорит ли" — но мы в нашем переводе решились последовать тексту Ореллия, предлагающего читать: "*divusne loquatur*" "бог говорит ли" по следующим соображениям: Гораций только что говорил о трагедии, и как-то странно вдруг

увидать имя комического слуги Дава, тем более, что это же самое имя повторяется в ст. 237 нашего письма. Несогласные с нашим чтением, могут по желанию заменить слово "бог" словом "Дав", благо русский язык так же мало страдает от этого варианта.

118 Изнеженный ассириец в противоположность суровому колхийцу.

120 Выводя многообразные сюжеты для трагедий, Гораций с обычною быстротой и ловкостью наделяет известные имена типическими эпитетами. Нечего говорить, как верно намечен характер Ахилла. Говоря о Медее, Гораций, вероятно, имел в виду трагедию Эврипида, где она обрисована такою. Ино, дочь Кадма, от преследований мужа своего Атама бросилась вместе с сыном своим Мелицертом в море. Жрица Ио, любовница Зевеса, превращенная в корову, не могла укрыться от уязвлений овода, напущенного на нее Герой. Иксион, царь Липатов, убийца тестя своего Деионея, дерзнувший оскорбить своим искательством Геру, казнится за это в царстве теней на огненном колесе.

128 Указав на необходимые условия самобытного творчества, Гораций ставит на вид драматическому писателю, в свою очередь, затруднения на пути воспроизведения общеизвестных типов, если только автор, не ограничиваясь пошлым и рабским подражанием, захочет выразить свой личный взгляд на известные лица или события.

132 Под словом "круг" Гораций, намекая на избитую, изъезженную арену цирка, имел, главным образом, в виду мало способных циклических поэтов, бездарно исчерпывавших предания известного круга: Троянской войны, Одиссеи и т. п. Гораций именно советует предоставлять фантазии большую свободу и не стесняться этим *кругом* (orbis cyclicus) из опасения дойти до несообразностей, из которых даже стыдно будет выбираться на торную дорогу.

136 Поэт должен быть осторожен и сдержан в обещаниях. Примером противного служит заносчивый циклический поэт, которого Гораций клеймит стихом о горе, родившей мышь, вошедшим в пословицу.

141 Три первые стиха "Одиссеи" Гораций переводит двумя стихами.

143 Гомер, подобно природе, переходит от менее ярких явлений к более резким и выдающимся. *Антифат*, царь людоедов Листригонов. ("Одиссея", X, 106).

146 Мелеагр, брат Тидея, отца Диомеда, трагически погиб от руки матери Алтеи. По свидетельству схолиаста, циклический поэт Антимак начал свое повествование со смерти Мелеагра и таким образом растянул оное до уродства, Гомер не начинает своей поэмы и со дня рождения виновницы войны Елены, происшедшей вместе с Клитемнестрой из одного из парных яиц Леды, тогда как братья их Кастор и Полидевк вышли из другого.

150 Нельзя не указать тем художникам на это капитальное замечание Горация. Только для бездарности все кажется одинаково легко. Для невежды какая-нибудь крапива — дрянь и только ботаник — мыслитель видит ее красоту и неизъяснимую тайну ее жизни.

154 При конце действия (акта) сцена отделялась от зрителей занавесом (aulaeum), который не спускался, а поднимался снизу вверх. Если пьеса не нравилась, то зрители удалялись; в противном же случае ожидали спуска занавеса, т. е. начала следующего акта.

155 Нынешняя декламация актеров была у древних пением под звук инструмента и певец-актер, кончивший роль свою, просил у зрителей рукоплесканий.

156-178 Истинно мастерская характеристика различных возрастов человека может служить нагляднейшим примером вечности искусства. 2000 лет как не бывало! Все до малейшей подробности верно и теперь, и останется таким, пока будут существовать люди.

175 "Лета прибывают, — говорит схолиаст, — до 46-го года человеческой жизни; с этого времени они начинают убывать". Такое сравнение взято, очевидно, с прибавления и уменьшения дней в годичном обращении. Отсюда и французский оборот: un homme sur son retour.

179 Правило для употребления двойственного элемента драмы, наглядного действия и рассказа. Не должно выводить на сцену тривиального и возмутительного.

185 Медия, мстя неверному Язону, убила двух своих детей (Медя и Мермера).

186 *Атрей* см. примеч. к ст. 91.

187 Прокна и Филомела — дочери афинского царя Пандиона. Филомела пожелала навестить сестру свою Прокну, бывшую замужем за фракийским царем Тереем. Терей, взявшийся проводить невестку, дорогой обесчестил ее и отрезал ей язык. Когда преступление открылось, то боги превратили Терей в удода, Филомелу в соловья, а Прокну в ласточку. Поэты смешивают превращения сестер, заменяя одну другою. Кадм с женой Гармонией, превращенный в дракона или змея. Два последние превращения могут выйти на сцене только балаганным фарсом.

189 Естественно-художественный размер драмы: 5 актов: "Deus ex machina" должен появляться только вследствие внутренних законов действия. На сцене не должно быть разом более трех говорящих лиц. Место четвертого лица занимает хор, который не должен петь ничего, не идущего к делу. Прелестное указание на высокое признание жречески-религиозного хора.

200 Который, хотя и знает будущий исход событий, тем не менее должен благоговейно хранить тайну и любовно относиться к добрым угнетенным.

202 Хор и между действиями не покидал театра, а под звуки флейты (имевшей первоначально только четыре скважины) предавался с пантомимами лирическому пению, состоявшему из строфы, антистрофы и эподы.

210 Так все велось скромно, в строгих границах приличий, пока завоевания не увеличили в столице массы населения и богатств. Тут уже начался прогресс и как говорит схолиаст: "Ни нравы, ни законы уже не запрещали" напиваться в праздники (пес more jam пес lege id vetante), а люди стали невозбранно (imprune) целый день "домашнему гению вином угождать" — попросту: пьянствовать. Такая распушенность нравов отразилась и в искусстве, которое стало угождать многочисленным посетителям из необразованных поселян.

215 Роскошь нарядила и предводителя хоров — флейтщика в длинное платье, называвшееся *Surma* от *σῦρειν* — тащить.

219 Сколько бы мы, согласно с теми или другими комментаторами, не относили этих стихов к греческой и римской драме, это, на наши глаза, мало объяснит их прямую связь с предыдущим. Мы истолковали себе эту связь следующим образом. Упадок нравственно-социального элемента, отразившийся в драме, выразился, между прочим, и в туманных стихах хора, которые Гораций иронически сравнивает с изречениями оракулов.

220 Возвращаясь к форме и обстановке самой драмы, Гораций намекает на древний обычай назначать премией на состязаниях драматических поэтов — козла, откуда и самое название трагедия от *τράγος* — козел, и *ὠδή* — песнь; буквально: козлопение. Желая ввести острую шутку без вреда строгости трагедии, поэты стали заменять обычный хор хороводом сельских полунагих, звериными шнурами прикрытых сатиров, предводительствуемых Силеном. Грекам и римлянам очень нравились подобные пьесы, которыми не брезгали и лучшие писатели. "Циклоп" Эврипида — единственная, до нас дошедшая пьеса в этом роде и могущая нам дать понятие о том, о чем говорит Гораций.

222 "Тяжелые шутки" — естественное прибежище писателя, рассчитывающего на сочувствие пьяной и буйной публики.

225 Допуская даже драму с сатирами, Гораций увещевает избегать двоякой крайности: чтобы величественное трагическое лицо не заговорило вдруг низким языком подвалов, этих гнездилищ грязного разврата, или не пустилось в безвоздушное пространство резонерского пустословия.

231 Если трагедия и допустила в себе элемент легкомысленных и задорных сатиров, то она все-таки не должна забывать своего достоинства. Мысль эту Гораций объясняет прелестным сравнением с римскою матроной, которая, даже будучи вынуждена приказанием первосвященника вступить в хоровод (в честь известного празднества, например, матери богов — Цибелы) будет сохранять достоинство движений, в отличие от распушенных танцовщиц.

234 Становясь на место драматического писателя, Гораций указывает Пизонам на необходимость строжайшего внимания к тону, до мельчайших подробностей.

237 *Силен* такой же слуга, как и комический *Дав* и нахальная служанка *Пифия*, обманувшая своего господина, но он не может говорить с ними одним языком, ибо не должно забывать, что он божественный прислужник Вакха.

240 В том-то и состоит величайшая задача и тайна искусства, чтобы посредством сочетаний отдельных частей отыскать совершенство в предмете, который своею простотою казался бы доступным каждому. Но именно эта простота и составляет вечный камень преткновения для непосвященных.

244 Лесные фавны или сатиры должны помнить, что безыскусственность их мало имеет общего с испорченною нравственностью городской черни и что им также не пристало любезничанье дурного тона, как и сквернословие, не приятное людям хорошего общества.

251 Торопливый ямбический (U -) ритм был причиной того, что греки считали ямбические стопы попарно в шестистопном стихе (*senarius*) и называли его: *Триметрос*. Гораций или преднамеренно ошибается или имеет в виду только римских писателей, относя к позднейшим временам употребление спондеев (- -) на нечетных стопах драматического *триметра*. Далее он нападает на римских писателей Акция и Энния за их небрежную отделку стихов, допуская спондеи даже на четных стопах: второй и четвертой.

263 Сделав справедливое замечание насчет трудности критики, даже в таком внешнем деле, как стихосложение Гораций укоряет современную публику в излишней снисходительности к римским драматургам, прибавляя, что ни первое, ни второе обстоятельство не могут служить поводом к неряшливой небрежности для истинного художника. Высокими образцами вкуса для публики и поэтов Гораций выставляет греков.

270 Возвращаясь от греков к соотечественникам, Гораций как бы от имени их спрашивает: "Почему же прежние поколения восхищались Плавтом, имеющим все недостатки, против которых восстает Гораций?" — и сам же отвечает: "По глупости". Здесь не место разбирать, в какой мере справедлив Гораций к Плавту.

275 *Феспис* (при Пизистрате) является здесь представителем драматического искусства. Указание на эти телеги встречается только у Горация, вероятно, приписавшего Феспису то, что бывало в Афинах на древних празднествах Дионисия — хоях (*οἶχός*), во время которых разъезжали на телегах и насмехались над встречными. К этим шутникам относится (по свидетельству схолиаста к *Арист.<офановым> облакам*) и пачканье лиц дрожжами. Феспис, напротив того, употреблял белила и, наконец, полотняные маски. Эпитет: "*средственные* — брусья" указывает на небольшие размеры эсхиловой сцены.

281 За Эсхилом явилась, во времена Перикла, старая комедия, но, сделавшись цинически-нахальной (Аристофан), была запрещена законом. В появившейся затем средней комедии писателям позволялось только острить над собою и товарищами по искусству. В новой комедии времен Александра Великого (в которой отличались Менандр и Филемон) уже нельзя было никого называть по имени и только дозволено было смеяться над общими недостатками. Тут же исчез и хор с пением и пляской на сцене.

288 *Претекста*, верхняя одежда высших сановников, окаймленная пурпуром, здесь представительница героической трагедии, в противоположность гражданской *тоге*, представительнице комедии.

291 Выражения, указывающие на первообраз литейщика, тщательно сглаживающего подпилком первоначальные шероховатости работы.

292 Пизоны. См. вступление.

294 Выражение, взятое от приема ваятеля, пробующего ногтем на сваях, довольно ли гладко одна часть соединена с другой?

295 *Демокрит* учит, что талант, врожденная сила, небесный дар гораздо предпочтительнее (блаженнее) простого искусства и несчастного в нем упражнения; что без некоторого рода безумия, т. е. выпященного полета воображения (таково же мнение Платона),

никто не может быть истинным поэтом. (Хоть бы наши критиканы сообразили, кто это говорит?). Многие из современных Горацию рифмачей, о которых он здесь говорит двояким образом, злоупотребляли воззрением Демокрита, вообразив возможность заменить отсутствие порывистого таланта внутреннею и внешнею растрепанностью.

300 *Антикира* — имя двух городов, одного в Фессалии, другого в Фокиде, славившихся произрастающею в их окрестностях белою чемерицей (*Helleborus*), которою лечили от сумасшествия. Бездарный рифмач воображает себя поэтом потому только, что запустил длинные волосы на голове, до того безумной, что ее не излечит и тройной прием чемерки.

301 *Лицин* , вольноотпущенный брадобрей Цезаря, прославившийся богатством и заслуживший во время гражданских войн, враждой к Помпею, звание сенатора. Надо однако же предполагать, что упоминаемый здесь Лицин только соименник первого.

302 Иронически применяя систему гениального неряшества к себе, Гораций как бы спохватывается, сколько гениальности утратили его стихи от принятого им обычая приводить в порядок свой организм весною приемами очистительного.

305 Делаясь, в силу своей задачи, временным критиком, Гораций не может воздержаться, чтобы не подтрунить над этим ремеслом.

309 Чтобы здраво писать, надо прежде всего здраво смотреть на вещи, и для этого Гораций советует изучать практическую философию Сократовой школы. Произведения этих философов, писанные в форме диалогов, могут служить образцами не только здравомыслия, но и драматического искусства в обрисовке личностей.

319-322 мы прошли бы молчанием эти стихи, если бы слово: *часто* (*interdum*), которым они начинаются, в связи с последующим не представляли повода предположить, что Гораций говорит если не бессмыслицу, то плоскость. Что же в самом деле удивительного, что болтовня пустых стихов *часто* меньше нравится произведений, имеющих бесспорные достоинства? Не *часто* , а *всегда* . Но взяв в соображение, что Гораций везде летит, сознавая, что поэзия лишь только остановится — проваливается в прозу, мы найдем в этих стихах указания тончайшего художника. Вот их смысл: пустозвучные стихи не имеют никакого значения, но *часто* внимание публики увлечено драматическим произведением, имеющим только внешние признаки истинно-художественной вещи. Грация и красота не чувствуются в целом, не властвуют им, а проступают местами, как бы пятнами, и художник, не понимая этого первейшего требования искусства, воображает, что сделал все, достигнув дагерротипической верности нравов. Как не сказать и тут, что Гораций словно метит этим камнем в огород нашей, так называемой, натуральной школы.

323 Греки так высоко стояли в искусстве только потому, что искали одной славы, не помышляя о пользе, которая пришла к ним сама.

325 Какую противоположность с этим высоким строем жизни представляет плебейски-утилитарное воспитание римского юношества! Употребительнейшая римская монета *асс* была первоначально фунтовою медною пластинкою, заключающею двенадцать унций. Шестая часть асса называлась: (*sextans*) и содержала в себе два унца. Во второй пунической войне стали чеканить ассы только в унц, а по окончании этих войн только в пол-унца весом: (*semiunciales*). Таким образом отношение первоначального *асса* к последующим стало — 1:24, части *асса* , как веса и монеты были: *sextans* в 2 унца; *triens* — треть; *quadrans* — четверть; *semissis* — *поласса* . Преувеличенно говоря о раздроблении асса на 100 частей, Гораций указывает на мельчайшие расчеты с дробями. Удивительно в ответах сына менялы Альбина не то, что он, подобно другим мальчикам, разрешает задачи, во что он мгновенно находит соответственные технические выражения: *tries*, *semis*.

330 Возможно ли при подобном тривиально-утилитарном направлении воспитания ожидать песнопений, достойных сохраняться для потомков в рукописях, которые в ограждение от моли напивались кедровым маслом или укладывались в кипарисные

шкатулки?

333 Под именем пользы Гораций преимущественно понимает те общие, высоконравственные изречения, которыми блистала древняя драма и которые были только следствием ее высокого строя и внутреннего богатства, а никак не целью. (То же у Шекспира).

337 Из переполненной груди слушателя.

340 Ламия была у древних нечто вроде бабы-яги и глотала непослушных детей. Вероятно, сочинитель какого-нибудь фарса дозволил себе неприличную и несообразную сцену, в которой съеденный Ламией ребенок снова вытаскивается живым из ее утробы.

343 Вошел в поговорку.

345 Такое сочинение принесет барыш книгопродавцам (*Созиям*), распространится по заморским провинциям и обессмертит поэта.

347 Мысль о погрешимости человеческой Гораций разъясняет примерами искусного китареда или стрелка, но тотчас же спешит оговориться, что китаред, вечно ошибающийся, напоминает несчастного *Херила*, про которого схолиаст рассказывает следующее: "Херил, воспевая деяния Александра, написал только семь порядочных стихов; говорят, будто Александр сказал ему, что предпочел бы быть Фирситом Гомера, чем его Ахиллом. Когда Александр уговорился с ним, чтобы он за каждый хороший стих получал по золотому, а за дурной по удару кулаком, то он вследствие множества дурных стихов был до смерти забит кулаками".

359 Длинноты скучны и у безукоризненного Гомера, которого оправдывает громадность его труда.

366 Старший из молодых Пизонов.

371 Посредственный оратор никогда не сделается Мессалой. М. Валерий *Мессала* Корвин, покровитель Тибулла, блиставший красноречием; а посредственный законовед не будет Авлом Касцеллием (уже в 712 году славным юристом); но этого от них никто и не требует.

373 Колонны, на которых вывешивались объявления книгопродавцев.

383 Может служить подтверждением уже высказанной нами мысли, что в Риме на сочинительство порывались люди хорошего общества.

387 Спурий Меций Тарпа, один из первых художественных судей Рима, был, по словам схолиастов, в продолжение почти полувека одним из пяти комиссаров критиков, без предварительного одобрения которых драматическое произведение не могло появляться на театре. Заседания этой комиссии происходили в храме Аполлона.

391 Орфей, вводя между фракийскими троглодитами начала гражданственности, внушил им отвращение к употреблению в пищу убитых врагов.

394 Амфион, с братом-близнецом *Цетом* (Ζηθος), сын Зевеса и Антиопы. *Цет* остался пастырем и охотником, а Амфион звуками лиры сделался строителем Фивских стен. В этом многозначительном месте письма Гораций, очеркивая догомерическое проявление поэзии, ясно указывает на высокое значение, которое придавали древние этому вечному элементу человеческого духа, до того родственному элементу религиозному, что от Орфея до Лютера люди, как только начнут молиться и возвышаться духом, — начинают петь, и наоборот. Действительно, нужна почти нечеловеческая грубость и тупость, чтобы после всего этого отвергать благотворное действие искусства или приискивать ему еще какой-то внешней полезности. Лучшие проявления духа до того в корне своем срослись с поэтическим восторгом, что все это вывело людей из троглодитов в состояние гражданского общества, как-то: религия, гражданские законы, социальные отношения, политическое устройство, науки и т. д., у всех первобытных народов выражались в поэтической форме стихами, и поэты — сеятели всех этих благ — причислены к лику богов.

397 Вся их мудрость и заслуга состояли в том, что они сумели: "Publica privatis secernere" отделить общее достояние от частной собственности, мирское, гражданское от

священного, церковного; воспретить "concupitus vagus" переметную похоть, антигражданственный и антисемейный этот элемент, встречающийся только между животными, не ведущими семейной жизни. Где есть гнездо и воспитание детей, там непременно пара, отличающаяся замечательным инстинктом взаимной привязанности. Созидатели гражданских обществ не ограничились указанием на такую силу вещей, а определили взаимные обязанности и права супругов. Не зная еще металлических досок, они резали буквы на деревянных.

402 Тиртей, возбуждавший во время мессинских войн в спартанцах мужество и единоплеменные.

408 Поставив вопрос таким определительным образом, Гораций положительно отвечает, что врожденная жила (vena) таланта настолько же нуждается в науке, как и последняя в первой, ведь такова участь всех человеческих деятельностей, из которых Гораций для примера выбирает две, более подходящие к поэзии тем, что подобно ей не имеют другой цели кроме славы.

412 Желаящий на олимпийском беге быть победителем, с отрочества готовится к этому телесными упражнениями и диетой.

415 Равным образом, желающий состязаться в песнопении в честь Аполлона Пифийского учится, состоя в послушании у наставника.

416 Недостаточно в напыщенной самонадеянности восклицать: "я дивный поэт" и, щеголяя мужиковато тривиальными выражениями, вроде пожелания *парии* всем отсталым, комически сознаваться, что, не имея на то ни малейшего права, стыдишься быть последним, или показать незнание в том, *чему не учился*. Такие смешные претензии, не произведя никогда двух художественных стихов, были только вечным источником всяческого безобразия.

419 Такое напыщенное самолюбие еще более раздувают в богатом поэте-хлебосоле разные прихлебатели и искатели выгод. Богатого поэта, в этом случае, Гораций сравнивает с (граесо) зазывателем в купеческую лавку. (Как не остановиться и на этом сходстве с нашей жизнью!)

425 Как бы ни был такой поэт-Амфитрион влиятелен и ловок, едва ли удастся ему отличить у себя истинного друга от льстеца.

434 Обычай заставлять гостей через силу пить вино, который Гораций в шутку называет пыткой, устрояемой для отыскания истинной дружбы, скорее ведет к противоположным результатам, напоминающим басню о вороне и лисице.

438 В противоположность льстецам, Гораций припоминает как тонкого и неподкупного критика бывшего друга своего Квинтилия Вара, которого смерть он оплакал (в "Одах", I, 24).

450 Как Херил выставлен Горацием представителем несчастных стихокропателей, так в глазах его идеалом критики является *Аристарх*, известный александрийский исправитель текста Гомеровых поэм.

451 Излишняя снисходительность друзей ведет пиесу к падению на театре, а самого писателя ко всеобщему осмеянию. Все бегут от него, как от зараженного прилипчивой или страшного болезнью; жертвы гневной Дианы (*iracunda Diana*) лунатика.

457 Желая представить болезненное (не здоровое) и не произвольное состояние экзальтированного поэта, декламирующего про себя, Гораций говорит, что он *рыгает* стихами. Если безумец при этом упадет в яму, как птицелов, засмотревшийся на дрозда, или как наш *Метафизик* Хемницера, то Гораций советует не выручать его, злобно утверждая, что не должно стеснять поэтических вольностей.

465 *Эмпедокл* из Агригента в Сицилии (в половине IV века до Р. Х.) государственный муж, философ и поэт, проповедовавший переселение душ, тем самым подал, вероятно, повод к дошедшему до нас анекдоту о его кончине, согласно которому он, ища бессмертия и новой метаморфозы, бросился в жерло Этны. Мало заботясь о достоверности предания, Гораций

пользуется им, чтобы выставить ненасытное самолюбие, не останавливающееся ни перед чем, ни даже перед смертью, лишь бы она была громка и общеизвестна.

470 Гораций иронически спрашивает о причине такого болезненного стихокропаяния.

471 *Опоганить* (так перевели мы глагол *mingere*) прах умершего считалось великим преступлением, тем более прах отца. Место, пораженное молнией, считалось священным, и боги карали безумием сего осквернителя.

ДОПОЛНЕНИЕ

I Зевс

Шум и гам, — хохочут девы,
В медь колотят музыканты,
Под визгливые напевы
4 Скачут, пляшут корибанты.

В кипарисной роще Крита
Вновь заплакал мальчик Реи,
Потянул к себе сердито
8 Он сосцы у Амальтеи.

Юный бог уж ненавидит,
Эти крики мстью дышат,
Но земля его не видит,
12 Небеса его не слышат.

106

II

Сны и тени, —
Сновиденья,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
6 Легким роем преходящие,
Не мешайте
Мне спускаться
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мне умчаться
12 С вами к свету отдаленному.
Только минем
Сумрак свода,
Тени станем мы прозрачные,
И покинем
Там у входа
18 Покрывала наши мрачные.

III К Сикстинской мадонне

Вот сын ее, — он тайна Иеговы, —
Лелеем девы чистыми руками.
У ног ее земля под облаками,
4 На воздухе нетленные покровы.

И, преклонясь, с Варварою готовы
Молиться ей мы на коленях сами
Или, как Сикст, блаженными очами
8 Встречать того, кто рабства сверг оковы.

Как ангелов, младенцев окрыленных,
Узришь и нас, о дева! не смущенных:
11 Здесь угасает пред тобой тревога.

Такой тебе, Рафаэль, вестник бога,
Тебе и нам явил твой сон чудесный
14 Царицу жен — царицею небесной.

108

IV Восточный мотив

С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный?
Мы два конька, скользящих на реке,
Мы два гребца на утлом челноке,
Мы два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы две пчелы на жизненном цветке,
8 Мы две звезды на высоте небесной.

109

V Шопену

Ты мелькнула, ты предстала,
Снова сердце задрожало, —
Под чарующие звуки
То же счастье, те же муки,
Слышу трепетные руки, —
6 Ты еще со мной. —

Час блаженный, час печальный,
Час последний, час прощальный,
Те же легкие одежды,
Ты стоишь, склоняя вежды, —

И не нужно мне надежды:
12 Этот час — он мой.

Ты руки моей коснулась,
Разом сердце встрепелось;
Не туда, в то горе злое,
Я несусь в мое бывшее, —
Я на все, на все иное
18 Отпылал — потух.

Этой песне чудотворной
Так покорен мир упорной;
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествует час разлуки,
И, когда загаснут звуки, —
24 Разорвется вдруг.

110

VI Романс

Злая песнь! как больно возмутила
Ты дыханьем душу мне до дна,
До зари в груди дрожала, ныла
4 Эта песня, эта песнь одна.

И поющим отдаваться мукам
Было слаще обаянья сна,
Умереть хотелось с каждым звуком,
8 Сердцу грудь казалась тесна.

Но с зарей потухнул жар напевный,
И душа затихнула до дна;
В озаренной глубине душевной
12 Лишь улыбка уст твоих видна.

111

VII Музе

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
4 То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
8 Твоих речей не осквернял.

Все та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
12 С задумчивой улыбкой на челе.

112

ВЫПУСК ВТОРОЙ

* * *

Не смейся, не дивися мне
В недоуменье детски-грубом,
Что перед этим дряхлым дубом
4 Я вновь стою по старине.

Не много листьев на челе
Больного старца уцелели;
Но вновь с весною прилетели
8 И жмутся горленки в дупле.

113

I

День проснется — и речи людские
Закипят раздраженной волной,
И помчит, разливаясь, стихия
4 Все, что вызвано алчной нуждой.

И мои зажурчат песнопенья,
Но в зыбучих струях ты найдешь
Разве ласковой думы волненья,
8 Разве сердца напрасную дрожь.

114

II Добро и зло

Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
4 Другой — душа и мысль моя.

И как в росинке чуть заметной
Весь солнца лик ты узнаешь,
Так слитно в глубине заветной

8 Все мирозданье ты найдешь.

Не лжива юная отвага:
Согнись над роковым трудом,
И мир свои раскроет блага,
12 Но быть не мысли божеством.

И даже в час отдохновенья,
Подъемля потное чело,
Не бойся горького сравненья
16 И различай добро и зло.

Но если на крылах гордыни
Познать дерзаешь ты, как бог,
Не заноси же в мир святыни
20 Своих невольничьих тревог.

Пари, всезрящий и всеильный,
И с незапятнанных высот
Добро и зло, как прах могильный,
24 В толпы людские отпадет.

115

III

Ты был для нас всегда вон той скалою,
Взлетевшей к небесам;
Под бурями, под ливнем и грозою
4 Невозмутимый сам.

Защищены от севера тобою,
Над зеркалом наяд
Росли мы здесь веселою семьею, —
8 Цветущий вертоград.

И вдруг вчера, — тебя я не узнала:
Ты был как божий гром...
Умолкла я, — я вся затрепетала
12 Перед твоим лицом.

"О, да! Скала молчит; но неужели
Ты думаешь: ничуть
Все бури ей, все ливни и метели
16 Не надрывают грудь?

Откуда же — ты помнишь — это было,
Вдруг землю потрясло,
И что-то в ночь весь сад пробороzdило
20 И следом все легло.

И никому не рассказало море,
Что кануло ко дну, —
А то скала свое бывшее горе
24 Швырнула в глубину".

116

IV

С гнезд замахали крикливые цапли,
С листьев скатились последние капли,
Солнце, с прозрачных сияя небес,
4 В тихих струях опрокинуло лес.

С сердца куда-то слетела забота,
Вижу, опять улыбается кто-то; —
Или весна выручает свое,
8 Или и солнышко всходит мое.

117

V

О, этот сельский день и блеск его красивый
В безмолвии я чту,
Не допустить до нас мой ищет глаз ревнивый
4 Безумную мечту.

Лелеяла б душа в успокоенье томном
Неведомую даль,
Но так нескромно все в уединенье скромном,
8 Что стыдно мне и жаль.

Пойдем ли по полю мы, чуждые тревоги,
И радуется ходьба,
Уж кланяются нам обоим вдоль дороги
12 Чужие все хлеба.

Идем ли под вечер, избегнувши селений,
Где все стоит в пыли,
По солнцу движемся, — гляжу, а наши тени
16 За ров и в лес ушли.

Всю ночь со всем уже, что мучило недавно,
Перерывает связь,
А звезды, с высоты глядя на нас так явно,
20 Мигают, не стыдись.

VI Ласточки

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
4 Над вечерующим прудом.

Вот понеслась и зачертила, —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
8 Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя, —
Не таково ли вдохновенье
12 И человеческого я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
18 Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

119

VII Осень

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной,
Какой истомой безотрадной
4 К нам в душу просятся они.

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
8 И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
12 Ей ничего уже не жаль.

120

VIII Бабочка

Ты прав. — Одним воздушным очертаньем

Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
4 Лишь два крыла.
Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась,
8 И вот — дышу.
На долго ли без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
12 И улечу.

121

IX На книжке стихотворений Тютчева

Вот наш патент на благородство,
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
4 Здесь утонченной жизни цвет.

В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
8 К зырянам Тютчев не придет.

Но муза, правду соблюдая,
Глядит: а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
12 Томов премногих тяжелей.

122

X Полонскому

Спасибо! Лирой вдохновенной
Ты мне опять напомнил дни,
Когда, не зная мысли пленной,
Ты вынес, отрок дерзновенный,
6 Свои алмазные огни.

А я, по-прежнему смиренный,
Забытый, кинутый в тени,
Стою коленопреклоненный,
И, красотой умиленный,
10 Зажег вечерние огни.

123

XI Графу Льву Николаевичу Толстому

При появлении романа "Война и мир"

Была пора, своей игрою,
Своею ризою стальнойю
Морской простор меня пленял,
Я дорожил и в тишь и в бури
То негой тающей лазури,
6 То пеной у прибрежных скал.

Но вот, о море! властью тайной
Не все мне мил твой блеск случайный
И в душу просится мою;
Дивясь красе жестоковойной,
Я перед мощию стихийной
12 В священном трепете стою.

124

XII А. Н. Майкову

На сочувственный отзыв о переводе Горация

Кто сам так пышно в тогу эту
Привычен лики облачать,
Кому ж, как не тебе, поэту,
4 И тень Горация встречать?

На Геликон ступя несмело,
От вас я блеска позайму,
Гордясь, что сам, хоть неумело,
8 Но вам обоим руку жму.

125

XIII

Учись у них — у дуба, у березы;
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
4 И треснула, сжимался, кора.

Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листья,
И за сердце хватает холод лютый;
8 Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша,
Для ясных дней, для новых откровений
12 Переболит скорбящая душа.

126

XIV Смерти

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
4 Ночь безрассветная и вечная постель.

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
8 Мы силы равные, и торжествую я.

Еще ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты.
Покуда я дышу, ты мысль моя — не боле,
12 Игрушка шаткая тоскующей мечты.

127

XV

С бороною седою верховный я жрец,
На тебя возложу я душистый венец,
И нетленную солью горящих речей
4 Я осыплю невинную роскошь кудрей.

Эту детскую грудь рассеку я потом
Вдохновенного слова звенящим мечом,
И раскроет потомку минувшего мгла,
8 Что на свете всех чище ты сердцем была.

128

XVI

Ты так любишь гулять;
Отчего ты опять
Робко жмешься?
Зори — нет их нежней,
И таких уж ночей
6 Не дождешься.

"Милый мой, мне невмочь,
Истомилась всю ночь,
Тосковала.
Я бежала к прудам,
А тебя я и там
12 Не сыскала.

Но уж дальше к пруду
Ни за что не пойду,
Хоть брани ты.
Там над самой водой
Странный, черный, кривой
18 Пень ракиты.

И не вижу я пня,
И хватает меня
Страх напрасный,
Так и кажется мне,
Что стоит при луне
24 Тот ужасный".

129

XVII

Я видел твой млечный, младенческий волос,
И слышал твой сладко вздыхающий голос.
И первой зари я почувствовал пыл;
Налету весенних порывов подвластный,
Дохнул я струею и чистой и страстной
6 У пленного ангела с веющих крыл.

Я понял те слезы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки,
Где слышишь не песню, а душу певца,
Где дух покидает ненужное тело,
Где внемлешь, что радость не знает предела,
12 Где веришь, что счастьем не будет конца.

130

XVIII

Говорили в древнем Риме,
Что в горах, в пещере темной,
Богоравная сивилла
Вечно-юная живет,
5 Что ей все открыли боги,

Что в груди чужой сокрыто,
Что таит небесный свод.

Только избранным доступно,
Хоть не самую богиню,
10 А священное жилище
Чародейки созерцать.
В ясном зеркале ты можешь,
Взор в глаза свои вперяя,
Ту богиню увидеть.

15 Неподвижна и безмолвна,
Для тебя единой зрима
На пороге черной двери —
На нее тогда смотри!
Но когда заслышишь песню,
20 Вдохновенную тобою,
Эту дверь мне отопри.

131

XIX

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
4 Детски задумчивый взор,
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый,
8 Влево бегущий пробор.

132

XX

Солнце садится, и ветер утихнул летучий,
Нет и следа тех огнями пронизанных туч;
Вот на окраине дрогнул живой и нежгучий,
4 Всю эту степь озаривший и гаснущий луч.
Солнца уж нет, нет и дня неустанных стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо гореть;
О, если б небо судило без тяжких томлений
8 Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть.

133

XXI Вольный сокол

Не вскормлен ты пищей нежной,
Не унесен к зиме в тепло,
И каждый час рукой прилежной
4 Твое не холено крыло.

Там, над скалой, вблизи лазури,
На умирающем дубу,
Ты с первых дней изведаль бури
8 И с ураганами борьбу.

Дразнили молодую силу
И зной, и голод, и гроза,
И восходящему светилу
12 Глядел ты за море в глаза.

Зато, когда пора приспела,
С гнезда ты крылья распустил
И, взмахам их доверяясь смело,
16 Ширясь, по небу поплыл.

134

XXII

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне;
Вот я стою,
Вот я иду,
6 Словно таинственной речи я жду.

Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!
Счастья ли полн,
Плачу ли я,
12 Ты благодатная тайна моя.

135

XXIII

Не вижу ни красы души твоей нетленной,
Ни пышных локонов, ни ласковых очей,
Помимо я гляжу на жребий отдаленный
4 И слышу приговор безжалостных людей.

И только чувствую, что ты вот тут — со мною,

Со мной! — и молодость, и суетную честь,
И все, чем я дышал, — блаженною мечтою
8 Лечу к твоим ногам младенческим принесть.

136

XXIV

Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
4 Засохших, одному мне ведомых цветов.

О, как ничтожно все! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых
Лишь тайная тоска в душе осиротелой,
8 Да тени бледные у лепестков сухих.

Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них все прошлое — один жестокий бред,
Без них один укор, без них одно терзанье,
12 И нет прощенья, и примиренья нет.

137

XXV

Еще одно забывчивое слово.
Еще один случайный полувздох,
И тосковать я сердцем стану снова
4 И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день,
И при луне на жизненном кладбище
8 Страшна и ночь, и собственная тень.

138

XXVI Теперь

Мой прах уснет, забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май;
О, хоть на миг душою благородной
4 Тогда стихам, звучавшим мне, внимай.

И вдумчивым и чутким сердцем девы
Безумных снов волненья ты поймешь,

И от чего в дрожащие напевы
8 Я уходил — и ты за мной уйдешь.

Приветами, встающими из гроба,
Сердечных тайн бессмертье ты проверь.
Вневременной повеем жизнью оба,
12 И ты и я мы встретимся: теперь.

139

XXVII

Кровию сердца пишу я к тебе эти строки,
Видно, разлуки обоим несносны уроки,
Видно, больному напрасно к свободе стремиться,
Видно, к давно прожитому нельзя воротиться,
Видно, во всем, что питало горячку недуга,
6 Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.

140

XXVIII

Ныне первый мы слышали гром,
Вот повеяло сразу теплом.
И пришло мне на память сейчас,
4 Как вчера ты измучила нас.
Целый день, холодна и бледна,
Ты сидела безмолвно одна;
Вдруг ты встала, ко мне подошла
8 И сказала, что все поняла:
Что напрасно жалеть о былом,
Что нам тесно и тяжело вдвоем,
Что любви затерялась стезя,
12 Что так жить, что дышать так нельзя,
Что ты хочешь, — решилась, — и вдруг
Разразился весенний недуг,
И, забывши о грозных словах,
16 Ты растаяла в жарких слезах.

141

XXIX Перепел

Глупый перепел, гляди-ко,
Рядом тут живет синичка;
Как с железной клеткой тихо
4 И умно сжилася птичка.

Все ты рвешься на свободу,
Головой толкаясь в клетку,
Вот на место стен железных
8 Натянули туго сетку.

Уж давно поет синичка,
Не страшась железных игол,
Ты же все не на свободе,
12 Только лысину напрыгал.

142

XXX

Молятся звезды, мерцают и рдеют,
Молятся месяц, плывя по лазури,
Легкие тучки, свиваясь, не смеют
4 С темной земли к ним притягивать бури.

Видны им наши томленья и горе,
Видны страстей неподсильные битвы,
Слезы в алмазном трепещут их взоре,
8 Все же безмолвно горят их молитвы.

143

XXXI Аваддон

Ангел, и лев, и телец, и орел, —
Все шестикрылые держут престол,
А над престолом, над тем, кто сидит,
4 Радуга ярким смарагдом горит.
Молнии с громом по небу летят,
И раздается из них: свят, свят, свят.
Вот проносящийся ангел трубит,
8 С треском звезда к нам на землю летит,
Землю прошибла до бездны глухой,
Вырвался дым, как из печи большой.
Медными крыльями грозно стуча,
12 Вышла из дыма с коня саранча,
Львиные зубы, коса как у жен,
Хвост скорпионовым жалом снабжен.
Царь ее гордой сияет красой,
16 То Аваддон, ангел бездны земной.
Будут терзать вас и жалить, — и вот
Смерть призовете, и смерть не придет;
Пусть же изведает всякая плоть,
20 Что испытания хочет господь.

144

XXXII 15 мая 1883 года

Как солнце вешнее сияя,
В лучах недаром ты взошел
Во дни живительного мая
4 На прародительский престол.

Горит алмаз, блестят короны,
И вокруг соборов и дворца,
Как юных листьев миллионы,
8 Обращены к тебе сердца.

О, будь благословен сторицей
Над миром, Русью и Москвой,
И богоданной багряницей
12 От искушений нас укрой!

145

Студент

Посвящается С. П. Х-о

I
Гляжу на вас я, умница моя,
Как на своем болезненном вы ложе
Откинулись, раздумие тая,
А против вас, со сказочником схоже,
И бормочу и вспоминаю я
О временах, как был я молод тоже;
Когда не так казалась жизнь пуста,
8 И просятся октавы на уста.

II

Я был студентом. Жили мы вдвоем
С товарищем московским, в антресоле
Родителей его. Их старый дом
Стоял близь сада, на Девичьем поле.
Нас старики любили и во всем
Предоставляли жить по нашей воле. —
Лишь наверху; когда ж сходили вниз,
16 Быть скромными, таков наш был девиз.

III

Нельзя сказать, чтоб тяжкие грехи
Нас удручали. Он долбил тетрадки
Да Гегеля читал; а я стихи
Кропал; стихи не выходили гладки.
Но, боже мой, как много чепухи
Болтали мы; как нам казались сладки
Поэты, нас затронувшие, все:
24 И Лермонтов, и Байрон, и Мюссе.

IV

И был ли я рассеян от природы
Или застенчив, не могу сказать,
Но к женщинам не льнул я в эти годы,
Его ж и Гегель сам не мог унять;
Чуть женщины — лишь не совсем уроды —
Глядишь, влюблен, уже влюблен опять.
На лекции идем, — бранюсь я вволю.
32 А он вприпрыжку по пустому полю.

V

По праздникам езжали к старикам
Различные почтительные лица
Из сослуживцев старых и их дам,
Бывала также томная девица
Из институтских. По ее словам,
Был Ламартин всех ярче, как денница;
Две девочки, — и ту, что побледней,
40 Звала хозяйка крестницей своей.

VI

Свершали годы свой обычный круг,
Гамлет-Мочалов сотрясал нас бурно,
На фортепьянах игрывал мой друг,
Певала Лиза, — и подчас недурно —
И уходила под вечер. — Но вдруг
Судьбы встряхнулась роковая урна.
— "Вы слышали? А я от них самих.
48 Ведь к Лизаньке присватался жених!

VII

Не говорят худого про него,
С имением, хоть небольшого чину;
У генерала служит своего,
Ведет себя как должно дворянину:
Ни гадких карт, ни прочего чего. —
Серебряную подарю корзину
Я ей свою большую. — Что ж мне дать?

56 Я крестная, а не родная мать".

VIII

Жених! жених! Коляска под крыльцом.
Отец и дочка входят с офицером. —
Не вышел ростом, не красив лицом,
Но мог бы быть товарищам примером:
Весь раздушен, хохол торчит вихром,
Торчат усы изысканным манером,
И воротник как жар, и белый кант,
64 И сахара белее аксельбант.

IX

"Вот, Лизанька! Бог дал и женишка!
А вы ее, мой милый, берегите,
Ребенок ведь! Немножечко дика,
Неопытна, — на нас уж не взыщите". —
А мне ее отец: "Вы старика
Утешьте, вы и ей не откажите,
Мы с Лизою решились вас просить,
72 С крестовым братом шаферами быть.

X

Ты, Лизанька, уж попроси сама,
Вы, кажется, друг другу не чужие,
Старинной дружбой связаны дома,
А с крестным братом даже и родные".
— "Я вас прошу". — "Ах, боже, дела тьма.
Пора и дальше, люди молодые,
И к тетушке мне нужно вас завести. —
80 Так по рукам?" — "Благодарю за честь".

XI

Горит огнями весь иконостас,
Хрустальное блестит паникадило
И дьякона за хором слышен бас...
Она стоит и веки опустила,
Но так бледна, что поражает глаз;
Испугана ль она иль загрустила?
Мы стали цепью все, чтобы народ
88 На наших дам не налезал вперед.

XII

"Где ж мой платок? — старик воскликнул наш, —
Дай мне хоть свой; отдам тебе на бале.
Что возишься! да скоро ли подашь?

Ну дайте вы, хоть вы бы отыскали".
— "Да не найду". — "Вот завели cache-cache!"
— "И у меня! и у меня украли!" —
"Обчистили? Народец-то каков!" —
96 Вся наша цепь без носовых платков.

XIII

Стою да мельком на нее взгляну;
Знать, от свечей ей томно, — от угара.
И жалко, жалко мне ее одну,
Но жалко тож индейского фуляра. —
"А не такую бы ему жену. —
Пожалуй, что она ему не пара". —
Вот повели кругом их наконец,
104 И я топчусь, держа над ней венец.

XIV

Все кончено. Пустеет божий храм. —
Подробностей уж не припомню дале,
Но помню, что с товарищем я там,
У них в дому, на свадебном их бале,
Стою в гостинной полусветлой сам,
А музыка гремит, и танцы в зале,
Не знаю, что сказать, а предо мной
112 Давнишняя подруга молодой.

XV

"Пойдемте вальс! Вы не хотите? Нет?
Но вы должны, — ведь я вознегодую...
Вы сердитесь за давешний ответ?"
— "Я не сержусь; я просто не танцую". —
"Ну дайте ж руку! ссориться не след. —
Та к сердцу ближе. — Руку ту, — другую".
И без перчатки стала хлопотать,
120 Чтобы с моей руки перчатку снять.

XVI

Но тут товарищ мой влетает в дверь:
"Вот где они! Куда запропастились.
Вас кавалер, как разъяренный зверь,
Повсюду ищет. — Вы б поторопились.
Да ты-то что? Не кисни хоть теперь,
Ступай за мной; там словно взбеленились".
— "Нет, уж уволь. Тебе оно под стать,
128 Ты по полю давно привык плясать". —

XVII

Вот грянула мазурка. — Я гляжу,
Как королева средневековая,
Вся в бархате, туда, где я сижу,
Сама идет поспешно молодая
И говорит: "Пойдемте, я прошу
Вас на мазурку". Голову склоняя,
Я подал руку. Входим, стульев шум,
136 И музыка гремит свое рум-рум.

XVIII

— "Вы, кажется, не в духе". — "Я? Ничуть,
Напротив, я повеселиться рада
В последний раз". — И молодая грудь
Дохнула жарко. — "Мне движенья надо:
Без усталости помчимся! отдохнуть
Успею после там, в гортани ада".
— "Да что вы говорите?" — "Верьте мне,
144 Я не в бреду, и я в своем уме.

XIX

А хоть в бреду, безгрешен этот бред!
Несчастью не я теперь виною,
И говорить о нем уже не след;
Умру и тайны этой не открою.
Тут маменька, виновница всех бед,
Распорядиться ей хотелось мною.
Я поддалась, — всю жизнь свою сгубя. —
152 Я влюблена давно!" — "В кого?" — "В тебя!"

XX

И мы неслись под пламенные звуки,
И, боже мой! как дивно хороша
Она была! И крепко наши руки
Сжимались, — и навстречу к ней душа
Моя неслась в томленье новой муки.
"И я тебя люблю! — едва дыша,
Я повторял. — Что нам людская злоба!
160 Взгляни в глаза мне: твой, — я твой до гроба!"

XXI

Что было дальше, трудно говорить
И совестно. Пришлось нам поневоле
С товарищем усерднее ходить
В дом, где бывали редко мы дотоле.
Тот все вином старался угостить;
Пьешь, и душа сжимается от боли,

Да к всенощной спешишь, чтоб как-нибудь
168 Хоть издали разок еще взглянуть.

XXII

О, сладкий, нам знакомый шорох платья
Любимой женщины, о, как ты мил!
Где б мог ему подобие прибрать я
Из радостей земных? Весь сердца пыл
К нему летит, раскинувши объятья.
Я в нем расцвет какой-то находил.
Но в двадцать лет, как несказанно-дорог
176 Красноречивый, легкий этот шорох!

XXIII

Любить всегда отрадно, но писать —
Такая страсть у любящих к чему же?
Ведь это прямо дело выдавать,
И ничего не выдумаешь хуже.
Казалось бы, ну как не помышлять
О брате, об отце или о муже?
В затмении влюбленные умы,
184 И ревностно писали тоже мы.

XXIV

Я помню живо, в самый Новый год
Она мне пишет: "Я одна скучаю,
Муж едет в клуб; я выйду из ворот,
Одетая крестьянкою, и к чаю
Приду к тебе. Коль спросит ваш народ,
Вели сказать, что из родного краю
Зашла к тебе кормилицына дочь. —
192 Укутаюсь — и не заметят в ночь".

XXV

С товарищем переглянулись мы;
Хотя не очень притки были сами,
Но видим ясно: этой кутерьмы
И бабушка не разведет бобами.
Практические подлинно умы!
Нашли исход! Рядиться мужиками.
Голубушка! Я звать ее не мог;
200 Я не себя, — ее я поберег.

XXVI

А время шло. Кто любит так, не знает,
Чего он ждет, чем мысль его кипит.

Спросите вы у дома, что пылает:
Чего он ждет? Не ждет он, а горит,
И темный дым весь искрами мелькает
Над ним, а он весь пышет и стоит.
Надолго ли огни и искры эти?
208 — Надолго ли? — Надолго ль все на свете?

XXVII

Однажды мы сидели наверху
С товарищем, витая в думах нежных, —
Вдруг горничная. — Весь платок в снегу.
Лицо у ней бледнее хлопьев снежных. —
— "Да что ты?" — "Все пропало! Быть греху;
Все письма отыскал он в нотах прежних,
Да как пошел, — в столах, в шкапах, в трюмо
216 И в туфлях даже, глядь, — сидит письмо.

XXVIII

Под крик его и гам тут горьких слез
Из девичьей я слышала немало.
Не треснул ли ее, проклятый пес!
Он сам ушел. В испуге написала
Вам тут она. — Не помню, как донес
Меня господь. Ответ я обещала.
Прочтите же; а я пока пойду
224 И за калиткой стану — подожду".

XXIX

Читаю: "Все проведаль этот зверь.
С тобою он стреляться, верно, станет;
И если ты убьешь его теперь, —
Тогда, тогда и счастье настанет.
Я верую, ты тоже сердцем верь,
Оно меня, я знаю, не обманет.
Я убегу в деревню за тобой,
232 И там твоею стану я женой.

XXX

А послезавтра в восемь приходи
На монастырь и стань там у забора
И на калитку с улицы гляди,
— Хоть на часок уйду из-под надзора, —
Стой там в тени и терпеливо жди,
Как восемь станет бить, приду я скоро.
Недаром злые видела я сны!
240 Но верь ты мне, мы будем спасены".

XXXI

Без опыта, без денег и без сил,
У чьей груди я мог искать спасенья?
Серебряный я кубок свой схватил,
Что подарила мать мне в день рожденья,
И пенковую трубку, что хранил
В чахле, как редкость, полную значенья;
Был и бинокль туда же приобщен
248 И с репетиром золотой Нортон.

XXXII

Тебе в могилу тихую привет,
Мой старый друг, я, старец, посылаю.
Ты был у нас деканом много лет,
К тебе, бывало, еду и читаю
Я грешные стихи, пускаясь в свет,
И за полночь мы за стаканом чаю
Сидим, вникаем в римского певца...
256 Тебя любил и чтил я как отца!

XXXIII

Зачем всю дрянь к наставнику я вез?
Но лишь вошел, он крикнул мне: "Что с вами?"
Я объяснил, как мог, повеся нос,
И вдруг, как мальчик, залился следами.
Меня он обнял и почти донес
До кресла. Сам он с влажными глазами
И с кроткой речью, полною любви,
264 Стал унимать рыдания мои.

XXXIV

— "Спасти ее!" — я только мог твердить.
"Спасти-то нужно вас; расстроить эту
Безумную попытку. Заложить
Немедленно я прикажу карету...
Инспектора вас в карцер посадить
Я попрошу на месяц по секрету.
Когда своей не жаль вам головы,
272 То хоть ее-то не губите вы".

XXXV

Давно стою, волнуясь, на часах,
И смотрит ярко месяц с тверди синей,
Спит монастырский двор в его лучах,
С церковных крыш блестит колючий иней.
Удастся ли ей вырваться-то? Ах!

И олуха такого быть рабыней!
На колокольне ровно восемь бьет;
280 Вот заскрипел слегка снежок... Идет!

XXXVI

Откинула покров она с чела
И месяц светом лик ей обдал чистый.
Уже моих колен ее пола
Касается своей волной пушистой,
И на плечо ко мне она легла.
И разом круг объял меня душистый;
И молодость, и дрожь, и красота,
288 И в поцелуе замерли уста.

XXXVII

И я ворвался в этот мир цветов.
Волшебный мир живых благоуханий,
Горячих слез и уст, речей без слов,
Мир счастья и пылких упований,
Где как во сне таинственный покров
От нас скрывает всю юдоль терзаний.
Нельзя душой и блекнуть, и цвести, —
296 Я в этот миг не мог сказать "прости".

XXXVIII

А вам не жаль? Чего? спросить бы надо:
Что был я глуп, или что стал умней?
Какая же за это мне награда?
Бывало, точно, и не спишь ночей,
Но сладок был и самый кубок яда.
Зато теперь, чем дальше, тем горчей,
Все те же рельсы и машина та же,
304 И мчит тебя, как чемодан в багаже.

XXXIX

Дня через два хозяйка за столом
Вдруг говорит: "А наши молодые
Уехали — и старики вдвоем
Остались. Он сказал, что там большие
В деревне хлопоты у них. Кругом
Падеж скота, и есть дела другие.
А вы чем сыты, молодой народ,
312 Что капельки вы не берете в рот?"

XL

Затем, затем — настал конец. А вы

Простите, если сказка надоела.
Я скоро сам уехал из Москвы,
И мне писали: Лиза овдовела.
Поздней искал я милостей вдовы,
Но свидеться она не захотела.
Болтали: там... какой-то генерал...
320 А может быть, кто говорил — соврал.

146

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

Предисловие

Pro captu lectoris habent sua fata libelli.
Terentianus Maurus
(Грамматик III в. по Р. Хр.)
По разуменью чтеца свои
судьбы есть у книжсек.

Появление от времени до времени за последние годы небольших сборников наших стихотворений, вроде находящегося перед глазами читателя, придает всей нашей стихотворной деятельности совершенно нежелательный для нас оттенок. Издали может показаться, что к подобным изданиям побуждает нас преувеличенное понятие о значительности наших стихотворений. Поневоле приходится подвести благосклонного читателя поближе к делу и дать ему возможность убедиться, что такой оттенок не только лишь издали кажущийся, но прямо противоположный действительному.

Конечно, никто не предположит, чтобы в отличие от всех людей мы одни не чувствовали, с одной стороны, неизбежной тягости будничной жизни, а с другой, тех периодических веяний нелепостей, которые действительно способны исполнить всякого практического деятеля гражданскою скорбью. Но эта скорбь никак не могла вдохновить нас. Напротив, эти-то жизненные тяготы и заставляли нас в течение пятидесяти лет по временам отворачиваться от них и пробивать будничный лед, чтобы хотя на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии. Однако мы очень хорошо понимали, что, во-первых, нельзя постоянно жить в такой возбудительной атмосфере, а во-вторых, что навязчиво призывать в нее всех и каждого и неблагоприятно, и смешно. Как мало мы заботились о подобном призыве, явно из того, что мы до последних лет предоставляли нашим литературным друзьям заботиться о сохранении и группировке наших произведений. Так, все написанные стихотворения, вошедшие в "Лирический Пантеон" и в издание 1850 г., собраны и сгруппированы рукою Аполлона Григорьева, которому принадлежат и самые заглавия отделов; так сборник 1856 года, появившийся в Петербурге во время нашего отсутствия, переправлен нами по настоятельному требованию целого круга друзей, под руководством И. С. Тургенева, которому принадлежит и небольшое предисловие к этому изданию. С той поры музе нашей пришлось переживать тяжелые времена, чем она, мимоходом сказать, огорчалась тем менее, что бдительные очи любезных пестунов не покидают ее и по настоящее время. Эти пестуны и поныне выбирают достойное, по их мнению, печати и побуждают нас от времени до времени знакомить благосклонных читателей с нашими последними стихотворениями. Друзья наши знают, что многое, невзирая на полученное одобрение, было нами окончательно забраковано, но что не было примера, чтобы мы навязали сборнику что-либо не одобренное знатоками дела. Такое отношение к собственным произведениям привело к совершенной утрате тех стихотворений, которые в

течение многих лет случайно ускользнули от рук наших друзей. Читатели, знакомые с ходом нашей журналистики, не забыли, быть может, что до шестидесятых годов мы, подобно другим стихотворцам, безразлично появлялись во всех журналах, которые перечислять здесь излишне. Но тут мы подверглись самому комическому остракизму. С легкой руки правительственных реформ, внезапно выступивших, подобно Минерве, во всеоружии, всё закипело духом оппозиции (чему?) и запоздалою гражданскою скорбью. Так как скорбели люди, не имевшие никакого понятия о практической жизни, то и самый скорбный недуг поневоле сосредоточился на языке. Быть писателем, хотя бы и лирическим поэтом, по понятию этих людей, значило быть скорбным поэтом. Так как в сущности люди эти ничего не понимали в деле поэзии, то останавливались только на одной видимой стороне дела: именно на его непосредственной бесполезности. Понятно, до какой степени им казались наши стихи не только пустыми, но и возмутительными своей невозмутимостью и прискорбны отсутствием гражданской скорби. Но, справедливый читатель, вникните же и в наше положение. Мы, если припомним, постоянно искали в поэзии единственного убежища от всяческих житейских скорбей, в том числе и гражданских. Откуда же могли мы взять этой скорби там, куда мы старались от нее уйти? Не все ли это равно, что обратиться к человеку, вынырнувшему из глубины реки, куда он бросился, чтобы потушить загоревшееся на нем платье, с требованием: "Давай огня!".

Понятно, что при таком исключительном положении стихотворения наши не могли быть помещаемы на страницах журналов, в которых они возбуждали одно негодование. Единственное исключение представлял "Русский вестник", не ставивший тенденциозности непременным условием. Но когда в 1885 г. мы сочли дальнейшее наше сотрудничество в "Русском вестнике" невозможным, то единственным путем обнародования остались для нас выпуски небольших сборников. Слова ненависти, в течение стольких лет раздававшиеся вокруг наших стихов, и не снятый с них и поныне остракизм были бы понятны, если бы среди единогласного тенденциозного хора они, подобно стихам Тютчева и гр. Алексея Толстого, звучали порицанием господствующего направления; но ничего подобного в них не было, и они подверглись гонению, очевидно, только за чистоту своего служения. Надо прибавить, что чем единогласнее с одной стороны становился хор порицателей, тем с большим участием и одушевлением подходили на помощь нашей музе свежие силы несомненных знатоков дела, и насколько для нас лестно одобрение последних, настолько же мало заботимся мы о приговоре большинства, вполне уверенные, что из тысячи людей, непонимающих дела, невозможно составить и одного знатока.

Наглядным подтверждением всего нами высказанного может служить в настоящем сборнике прибавление из издания 1850 года. Счастлив художник, способный исправлять свои произведения согласно указаниям знатоков. Но и тут есть известные границы и опасности. Можно, что называется, записать картину. Это случалось даже с позднейшими изданиями Тютчева, где алмазные стихи появились замененные стразами. Мы говорили выше, что издание 1856 г. составлено исключительно по выбору и настоянию бывшего кружка наших петербургских друзей, вследствие чего даже мы сами привыкли смотреть на издание 1850 г. как на окончательно упраздненное. Но в течение последних лет мы при встречах с нашими друзьями постоянно слышали упрек за то, что в издание 1856 г. не вошли некоторые стихотворения из издания 1850 г., не заслуживающие такого исключения, между прочим, и диалог Соловей и Роза. Касательно пяти первых стихотворений мы беспрекословно решились восстановить их, поместив в настоящем сборнике; но по поводу Соловья и Розы дело не обошлось без протеста с нашей стороны. Даже соглашаясь, что там есть более или менее яркие образы и более или менее удачные стихи, мы никак не могли помириться с тем излишним накоплением красок, которое свидетельствовало о широких размахах неопытной руки, еще не знающей краю. Полагаем, что даже сокращенное почти наполовину стихотворение и в настоящем своем виде не представляет окончательно ясных очертаний. Тем не менее решаемся сохранить его, находя, что ни в одном из наших молодых

произведений с такою ясностью не проявляется направление, по которому постоянно порывалась наша муза. Равным образом помещаем два стихотворения, не вошедшие ни в один из наших сборников: на смерть Ал. В. Дружинина 19 января 1864 года и памяти В. П. Боткина 16 октября 1869 года.

I Муза

*Мы рождены для вдохновенья
Для звуков сладких и молитв*

Пушкин

Ты хочешь проклинать, рыдая и стена,
Бичей подыскивать к закону.
Поэт, остановись! не призывай меня,
4 Зови из бездны Тизифону.

Пленительные сны лелея наяву,
Своей божественною властью
Я к наслаждению высокому зову
8 И к человеческому счастью.

Когда, бесчинствами обиженный опять,
В груди слышишь зов к рыданью, —
Я ради мук твоих не стану изменять
12 Свободы вечному призыванью.

Страдать! Страдают все, страдает темный зверь
Без упованья, без сознанья;
Но перед ним туда навек закрыта дверь,
16 Где радость теплится страданья.

Ожесточенному и черствому душой
Пусть эта радость незнакома.
Зачем же лиру бьешь ребяческой рукой,
20 Что не труба она погрома?

К чему противиться природе и судьбе? —
На землю сносят эти звуки
Не бурю страстную, не вызовы к борьбе,
24 А исцеление от муки.

147
8 мая 1887

II

Жду я, — тревогой объят,

Жду тут — на самом пути:
Этой тропой через сад
4 Ты обещалась прийти.

Плачась, комар пропоет,
Свалится плавно листок...
Слух, раскрываясь, растет,
8 Как полуночный цветок.

Словно струну оборвал
Жук, налетевши на ель;
Хрипло подругу позвал
12 Тут же у ног коростель.

Тихо под сенью лесной
Спят молодые кусты...
Ах! как пахнуло весной!..
16 Это наверное ты.

148
13 декабря 1886

III

Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок.
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне, —
4 Ничего ты на все не ответила мне.

Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине, —
8 Ничего ты на все не ответила мне.

Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты, —
12 Мне и тут ничего не ответила ты.

С опочившей я глаз был не в силах отвести:
Всю погасшую тайну хотел я прочесть,
И лица твоего мне простили ль черты? —
16 Ничего, ничего не ответила ты.

149

IV Севастопольское братское кладбище

Какой тут дышит мир! Какая славы тризна

Средь кипарисов, мирт и каменных гробов! —
Рукою набожной сложила здесь отчизна
4 Священный прах своих сынов.

Они и под землей отвагой прежней дышат...
Боюсь, мои стопы покой их возмутят,
И мнится, все они шаги живого слышат,
8 Но лишь молитвенно молчат.

Счастливыцы! Вышею пылали вы любовью:
Тут, что ни мавзолеей, ни надпись — все боец,
И рядом улеглись, своей залиты кровью,
12 И дед со внуком, и отец.

Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
16 Что им завидовать грешно...

150
4 июня 1887

V Ее величеству королеве эллинов

Всю жизнь душа моя алкала,
Всю жизнь среди пустынь и скал,
Святого храма идеала,
4 Усталый путник, я искал.

И вот за дальними морями
Провижу чистый этот храм
И окрыленными мечтами
8 Несусь припасть к твоим стопам.

Но замирают звуки лиры
В руках дряхлеющих певца:
Его смущает вид порфиры
12 И ослепляет блеск венца.

Воздвигни ж хоры песнопений,
Младые окрыли мечты,
Царица светлых вдохновений
16 И королева красоты!

151
29 декабря 1886

VI Ей же

при получении ее портрета

Звезда сияла на востоке,
И из степных далеких стран
Седые понесли пророки
4 В дань злато, смирну и ливан.

Изумлены ее красою,
Волхвы маститые пошли
За путеводною звездою
8 И пали до лица земли.

И предо мной, в степи безвестной,
Взошла звезда твоих щедрот:
Она свой луч в красе небесной
12 На поздний вечер мой прольет.

Но у меня для приношенья
Ни злата, ни ливана нет, —
Лишь с фимиамом песнопенья
10 Падет к стопам твоим поэт.

152
1 апреля 1887

VII

Е. и. в. великому князю Константину Константиновичу

Певцам, высокое нам мило:
В нас разгоняет сон души
Днем — лучезарное светило,
4 Узоры звезд — в ночной тиши.

Поем мы пурпура сиянье,
Победы гордые часы,
И вечной меди изваянье,
8 И мимолетные красы.

Но нет красы, значеньем равной
Той, у которой, всемогущ
Из-под венца семьи державной
12 Нетленный зеленеет плющ.

153
4 декабря 1886

VIII

Как беден наш язык! — Хочу и не могу. —
Не передать того ни другу ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,

И клонит голову маститую мудрец
6 Пред этой ложью роковою.
Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг

И темный бред души и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
12 Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

154
11 июня 1887

IX

В степной глуши над влагой молчаливой,
Где круглые раскинулись листы,
Любуюсь я давно, пловец пугливый,
4 На яркие плавучие цветы.

Они манят и свежестью пугают;
Когда к звездам их взорами прильну,
Кто скажет мне: какую измеряют
8 Подводные их корни глубину?

О, не гляди так мягко и приветно!
Я так боюсь забыться как-нибудь, —
Твоей души мне глубина заветна,
12 В свою судьбу боюсь я заглянуть.

155

X

Ты помнишь, что было тогда,
Как всюду ручьи бушевали,
И птиц косяками стада
4 На север, свистя, пролетали.

И видели мы средь ветвей,
Еще не укрытых листьями,
Как, глазки закрыв, соловей
8 Блаженствовал в песне над нами.

К себе зазывала любовь
И блеском и страстью пахучей,
Не только весельем дубов,
12 Но счастьем и ивы плакучей.

Взгляни же вокруг ты теперь:
Все грустно молчит, умирая,
И настежь раскинута дверь
16 Из прежнего светлого рая.

И новых приветливых звезд,
И новой любовной денницы,
Трудами измучены гнезд,
20 Взалкали усталые птицы.

Не может ничто устоять
Пред этой тоской неизбежной,
И скоро пустынную гладь
24 Оденет покров белоснежный.

156
6 сентября 1885

XI

Благовонная ночь, благодатная ночь,
Раздражение недужной души!
Все бы слушал тебя, и молчать мне невмочь
4 В говорящей так ясно тиши.

Широко раскидалась лазурная высь,
И огни золотые горят;
Эти звезды кругом точно все собрались,
8 Не мигая, смотреть в этот сад.

А уж месяц, что всплыл над зубцами аллеи
И в лицо прямо смотрит, — он жгуч;
В недалекой тени непроглядных ветвей
12 И сверкает и плещется ключ.

И меняется звуков отдельный удар,
Так ласкательно шепчут струи,
Словно робкие струны воркуют гитар,
16 Напевая призывы любви.

Словно все и горит и звенит заодно,
Чтоб мечте невозможной помочь;
Словно, дрогнув слегка, распахнется окно
20 Поглядеть в серебристую ночь.

157
28 апреля 1887

XII

Если радует утро тебя,
Если в пышную веришь примету, —
Хоть на время, на миг полюбя, —
4 Подари эту розу поэту.

Хоть полюбишь кого, хоть снесешь
Не одну ты житейскую грозу,
Но в стихе умиленном найдешь
8 Эту вечно душистую розу.

158
10 января 1887

XIII Осенняя роза

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
4 Дыханьем ночи обожгло.

Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица роза,
8 Благоуханна и пышна.

Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
12 Весною веешь на меня.

159
18 сентября 1886

XIV Ребенку

Я слышу звон твоих речей,
Куда резвиться ни беги ты;
Я вижу детский блеск очей
4 И запылавшие ланиты.

Постой! шалить не долгий срок:
Май остудить тебя сумеет,
И розы пурпурный шипок,

8 Вдруг раскрываясь, побледнеет.

160
18 апреля 1886

XV В лунном сиянии

Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
4 В темном молчании!

Пруд как блестящая сталь;
Травы в рыдании;
Мельница, речка и даль
8 В лунном сиянии.

Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
12 В лунном сиянии!

161
Декабрь 1885

XVI

Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник, —
У дыханья цветов есть понятный язык:
Если ночь унесла много грез, много слез,
Окружусь я тогда горькой сладостью роз.
6 Если тихо у нас и не веет грозой,
Я безмолвно о том намекну резедой;
Если нежно ко мне приласкалась мать,
Я с утра уже буду фиалкой дышать;
Если ж скажет отец: "Не грусти, — я готов", —
10 С благовоньем войду апельсиновых цветов.

162
3 августа 1887

XVII На рассвете

Плавню у ночи с чела
Мягкая падает мгла;
С поля широкого тень
Жмется под ближнюю сень;
5 Жаждою света горя,

Выйти стыдится заря;
Холодно, ясно, бело,
Дрогнуло птицы крыло —
Солнца еще не видать,
10 А на душе благодать.

163
1 апреля 1886

XVIII

Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву

Второй бригады из-за фронта
Перед тобою мой Пегас,
Хоть сбросил он Беллерофонта,
4 Все ж на смотру, неровен час,

Ты сам заметишь по началу:
Каким он был, ему не быть,
И как служил он Ювеналу,
8 Улану ныне не служить.

Но в шенкелях его исправно
Перед тобой провести хочу,
И лишь твое услышу: "славно!" —
12 Я: "рад стараться!" — прокричу.

164
4 октября 1886

XIX Графине Александре Андреевне Олсуфьевой

при получении от нее гиацинтов

В смущенье ум, не свяжешь взглядом,
И нем язык:
Вы с гиацинтами, — и рядом
4 Больной старик.

Но безразлично, беззаветно
Власть Вам дана:
Где Вы царите так приветно, —
8 Всегда весна.

165
2 января 1887

XX

Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть, —
То кулик простонал или сыч.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
4 И далекий неведомый клич.

Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты; —
И не нужно речей, ни огней, ни очей —
8 Мне дыхание скажет, где ты.

166
10 апреля 1881

XXI К портрету графини С. А. Т-ой

И вот портрет! и схоже и несхоже.
В чем сходство тут, несходство в чем найти?
Не мне решать; но можно ли, о боже,
4 Сердечнее, отраднее цвести?

Где красота, там споры не у места:
Звезда горит — как знать, каким огнем?
Пусть говорят: тут девочка-невеста,
8 Богини мы своей не узнаем.

Но все, толпой коленопреклоненной,
Мы здесь упасть у Ваших ног должны,
Как в прелести и скромной и нетленной
12 Вы смотрите на наши седины.

167
27 апреля 1885

XXII Ей же

Я не у Вас, я обделен,
Как тяжело изнеможенье;
У Вас — порывы, блеск, движенье,
4 А у меня — не бред, а сон.

Какое счастье хоть на миг
Залюбоваться жизни далью,
Призыв слышать над роялью, —
8 Я все признал бы и постиг.

Я б снова трепет ощутил,
Целебной силой с прежним схожий:

Я б верил вновь, что ангел божий
12 Пришел и воду возмутил.

168
28 мая 1886

XXIII Горная высь

Превыше туч, покинув горы
И наступи на темный лес.
Ты за собою смертных взоры
4 Зовешь на синеву небес.

Снегов серебряных порфира
Не хочет праха прикрывать;
Твоя судьба на гранях мира
8 Не снисходить, а возвышать.

Не тронет вздох тебя бессильный,
Не омрачит земли тоска:
У ног твоих, как дым кадильный,
12 Вияся, тают облака.

169
Июля 1886

XXIV А. Л. Б-ой

Нет, лучше голосом, ласкательно обычным,
Безумца вечного, поэта, не буди;
Оставь его в толпе, ненужным и безличным,
4 За шумною волной безмолвному идти.

Зачем уснувшего будить в тоске бессильной?
К чему шептать про свет, когда кругом темно,
И дружеской рукой срывать покров могильный
8 С того, что спать навек в груди обречено?

Ведь это прах святой затихшего страданья!
Ведь это милые почившие сердца!
Ведь это страстные, блаженные рыданья!
12 Ведь это тернии колючего венца!

170
1 апреля 1886

XXV

Дул север. Плакала трава
И ветви о недавнем зное,
И роз, проснувшихся едва,
4 Сжималось сердце молодое.

Стоял угрюм тенистый сад,
Забыв о пенье голосистом;
Лишь соловьиных робких чад
8 Хриплым подзывали свистом.

Прошла пора влюбленных грез, —
Зачем еще томиться тщетно?
Но вдруг — один любовник роз
12 Запел так ярко, беззаветно.

Прощай, соловушко! — И я
Готов на миг воскреснуть тоже,
И песнь последняя твоя
16 Всех вешних песен мне дороже

171

XXVI

Дух всюду суций и единый.

Державин

Я потрясен, когда кругом
Гудят леса, грохочет гром,
И в блеск огней гляжу я снизу,
Когда, испугом обуян,
На скалы мечет океан
6 Твою серебряную ризу.
Но, просветленный и немой,
Овеян властью неземной,
Стою не в этот миг тяжелый,
А в час, когда, как бы во сне,
Твой светлый ангел шепчет мне
12 Неизреченные глаголы.
Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю
В томленьях крайнего усилья,
И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
18 Меня раскинутые крылья.

172

29 августа 1885

XXVII

Прости — и все забудь в безоблачный ты час,
Как месяц молодой на высоте лазури;
И в негу вешнюю врываються не раз
4 Стремленьем молодым пугающие бури.
Когда ж под тучею, прозрачна и чиста,
Поведает заря, что минул день ненастья, —
Былинки не найдешь и не найдешь листа,
8 Чтобы не плакал он и не сиял от счастья.

173
26 декабря 1886

XXVIII

Как богат я в безумных стихах!
Этот блеск мне отраден и нужен:
Все алмазы мои в небесах,
4 Все росинки под ними жемчужин.

Выходи, красота, не робей!
Звуки есть, дорогие есть краски:
Это все я, поэт-чародей,
8 Расточу за мгновение ласки.

Но когда ты приколешь цветок,
Шаловливо иль с думой лукавой,
И, как в дымке, твой кроткий зрачок
12 Загорится сердечной отравой,

И налет молодого стыда
Чуть ланиты овеет зарею, —
О, как беден, как жалок тогда,
16 Как беспомощен я пред тобою!

174
1 февраля 1887

XXIX

Долго снились мне вопли рыданий твоих:
То был голос обиды, бессилия плач;
Долго, долго мне снился тот радостный миг,
4 Как тебя умолил я — несчастный палач.

Проходили года, мы умели любить,

Расцветала улыбка, грустила печаль;
Проносились года, — и пришлось уходить:
8 Уносило меня в неизвестную даль.

Подала ты мне руку, спросила: "Идешь?"
Чуть в глазах я заметил две капельки слез;
Эти искры в глазах и холодную дрожь
12 Я в бессонные ночи навек перенес.

175
2 апреля 1886

XXX

Памяти Н. Я. Данилевского

Если жить суждено и на свет не родиться нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя! —
Отдаваясь мысли широкой, доступной всему,
4 Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.

Постигая, что мир только право живущим хорош,
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь;
И у южного моря, за вечной оградой скал,
8 Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал.

176
5 июля 1886

XXXI Ек. Серг. X-ой

приславшей мне цветы

Цветы и песни с давних лет
В благоухающем союзе;
И благовонный Ваш привет
4 Вручил я пристыженной музе.

Но ей до Вас так далеко,
Что состязанье безрассудно,
Ее украсить Вам легко,
8 Ей заслужить венок так трудно.

177
7 августа 1885

XXXII

Из дебрей туманы несмело
Родное закрыли село;
Но солнышком вешним согрело
4 И ветром их вдаль разнесло.

Знать, долго скитаться наскуча
Над ширью земель и морей,
На родину тянется туча,
8 Чтоб только поплакать над ней.

178
9 июня 1886

XXXIII Кукушка

Пышные гнутся макушки,
Млея в весеннем соку;
Где-то, вдали от опушки,
4 Будто бы слышно: ку-ку.

Сердце! — вот утро — люби же
Все, чем жило на веку;
Слышится ближе и ближе, —
8 Как золотое, — ку-ку.

Или кто вспомнил утраты,
Вешнюю вспомнил тоску?
И раздаётся трикраты
12 Ясно и томно: ку-ку.

179
17 мая 1886

XXXIV

Есть ночи зимней блеск и сила,
Есть непорочная краса,
Когда под снегом опочила
4 Вся степь, — и кровли, и леса.

Сбежали тени ночи летней,
Тревожный ропот их исчез,
Но тем всевластней, тем заметней
8 Огни безоблачных небес.

Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящен
Глядеть в лицо природы спящей
12 И понимать всемирный сон.

180

XXXV Светоч

Ловец, все дни отдавший лесу,
Я направлял по нем стопы;
Мой глаз привык к его навесу
4 И ночью различал тропы.

Когда же вдруг из тучи мгlistой
Сосну ужалил яркий змей,
Я сам затеплил сук смолистый
8 У золотых ее огней.

Горел мой факел величаво,
Тянулись тони предо мной,
Но, обогнав меня лукаво,
12 Они смыкались за спиной.

Пестреет мгла, блуждают очи,
Кровавый призрак в них глядит,
И тем ужасней сумрак ночи,
16 Чем ярче светоч мой горит.

181

16 августа 1885

XXXVI

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокий,
4 Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, —
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
8 Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновение,
Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновение,
12 И, содрогаясь, я пою.

182

2 февраля 1887

XXXVII

Светил нам день, будя огонь в крови...
Прекрасная, восторгов ты искала
И о своей несбыточной любви
4 Младенчески мне тайны поверяла.

Как мог, слепец, я не видать тогда,
Что жизни ночь над нами лишь сгустится,
Твоя душа, красы твоей звезда,
8 Передо мной, умчавшись, загорится.

И, разлучась навеки, мы пойдем,
Что счастья взрыв мы промолчали оба
И что вздыхать обоим нам по нем,
12 Хоть будем врознь стоять у двери гроба.

183
12 июня 1887

XXXVIII

Вот и летние дни убавляются.
Где же лета лучи золотые?
Только серые брови сдвигаются,
4 Только зыблются кудри седые.

Нынче утром, судьбиною горькою
Истомленный, вздохнул я немножко:
Рано-рано румяною зорькою
8 На мгновенье зарделось окошко.

Но опять это небо ненастное
Безотрадно нависло над нами, —
Знать, опять, мое солнышко красное,
12 Залилось ты, вставая, слезами.

184
19 июня 1887

XXXIX

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть
И о том, что я молча твержу,
4 Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рошу зайдет,

Раскрываются тихо листы,
8 И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
12 Я тебе ничего не скажу.

185
2 сентября 1885

XL

Все, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы,
Млеющих звуков впивая истому,
4 Пусть ты летишь, отдаваясь другому.

Пусть пронеслась ты надменно, небрежно,
Сердце мое все по-прежнему нежно,
Сердце обид не считает, не мерит,
8 Сердце по-прежнему любит и верит.

Тщетно опущены строгие глазки,
Жду под ресницами блеска и ласки, —
Все, как бывало, веселый, счастливый,
12 Ленты твоей уловляю извивы.

186
24 июля 1887

XLI

Через тесную улицу здесь в высоте,
Отворяя порою окошко,
Я не раз отдаваясь лукавой мечте,
4 Узнаю тебя, милая крошка.

Все мне кажется, детски-застенчивый взор
Загорается вдруг не напрасно,
И ко мне наклоненный твой пышный пробор
8 Я уж вижу не слишком ли ясно?

Вот и думаю: встретиться нам на земле
Далеко так, пожалуй, и низко,
А вот здесь-то, укрыт, в набегающей мгле,
12 Так привольно, так радостно близко.

187

6 июня 1887

XLII

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки, —
4 Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
8 Вставала вдруг заря,

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел, —
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
12 Там человек сгорел?

188
15 февраля 1887

XLIII

Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завои, и блески, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
4 Эти тяжким узлом набежавшие косы.

Злая старость хотя бы всю радость взяла,
А душа моя так же, пред самым закатом,
Прилетела б со стоном сюда, как пчела,
8 Охмелеть, упиваясь таким ароматом.

И, сознание счастья на сердце храня,
Стану буйства я жизни живым отголоском.
Этот мед благовонный — он мой, для меня,
12 Пусть другим он останется тонким лишь воском!

189
23 апреля 1887

XLIV

В вечер такой золотистый и ясный,
В этом дыханье весны всепобедном
Не поминай мне, о друг мой прекрасный,
4 Ты о любви нашей робкой и бедной.

Дышит земля всем своим ароматом,
Небу разверстая, только вздыхает;
Самое небо с нетленным закатом
8 В тихом заливе себя повторяет.

Что же тут мы или счастье наше,
Как и помыслить о нем не стыдиться,
В блеске, какого нет шире и краше,
12 Нужно безумствовать или смириться.

190
Январь 1886

XLV

Ты вся в огнях. Своих зарниц
И я сверканьями украшен;
Под сенью ласковых ресниц
4 Огонь небесный мне не страшен.

Но я боюсь таких высот,
Где устоять я не умею.
Как сохранить мне образ тот,
8 Что придан мне душой твоею?

Боюсь, — на бледный облик мой
Падет твой взор неблагоклонный,
И я очнусь перед тобой
12 Угасший вдруг и опаленный.

191
3 августа 1886

XLVI

Вечный хмель мне не отрада,
Не ему моя любовь,
Не тяну я винограда
4 Одурающую кровь.

Но порой, резво и пылко
Обновляя жизнь мою,
Для меня несет бутылка
8 Золотистую струю.

Рвутся нити, пробка рвется,
Напряженная давно,
И в стакан шумящий льется

12 Искрометное вино.

192
29 июля 1887

XLVII

Сегодня день твой просветленья,
И на вершине красоты
Живую тайну вдохновенья
4 Всем существом вещаешь ты.

Мечты несбыточной подруга,
Царишь с поэтом ты вдвоем,
А завтра, верно, мы друг друга
8 И не найдем и не пойдем.

Так, невозможно — несомненно
Огнем пронизан золотым,
С закатом солнечным мгновенно
12 Чертогов ярких тает дым.

193
19 июня 1887

XLVIII

Все, все мое, что есть и прежде было,
В мечтах и снах нет времени оков;
Блаженных грез душа не поделила:
4 Нет старческих и юношеских снов.

За рубежом вседневного удела
Хотя на миг отрадно и светло;
Пока душа кипит в горниле тела,
8 Она летит, куда несет крыло.

Не говори о счастье, о свободе
Там, где царит железная судьба.
Сюда! Сюда! Не рабство здесь природе, —
12 Она сама здесь верная раба.

194
17 июля 1887

XLIX

Задрожали листья, облетая,

Тучи неба закрыли красу,
С поля буря, ворвавшись, злая
4 Рвет и мечет и воет в лесу.

Только ты, моя милая птичка,
В теплом гнездышке еле видна.
Светлогруда, легка, невеличка,
8 Не запугана бурей одна.

И грохочет громов перекличка,
И шумящая мгла так черна...
Только ты, моя милая птичка,
12 В теплом гнездышке еле видна.

195
13 июля 1887

L

Сплю я. Тучки дружные,
Вешние, жемчужные
Мчатся надо мной;
Смутные, узорные,
Тени их проворные
6 По полям грядой.

Подбежали к чистому
Пруду серебристому,
И вдвойне светло.
Уж не тени мрачные,
Облака прозрачные
12 Смотрятся в стекло.

Сплю я. Безотрадною
Тканью непроглядною
Тянутся мечты;
Вдруг сама заветная,
Кроткая, приветная,
18 Улыбнулась ты.

196
19 сентября 1887

LI

С солнцем склоняясь за темную землю,
Взором весь пройденный путь я объемлю:
Вижу, бесследно пустынная мгла
4 День погасила и ночь привела.

Станным лишь что-то мерцает узором:
Горе минувшее тайным укором
В сбивчивом ходе несбыточных грез
6 Там миллионы рассыпало слез.

Стыдно и больно, что так непонятно
Светятся эти туманные пятна,
Словно неясно дошедшая весть...
12 Все бы, ах, все бы с собою унести!

197
22 августа 1887

ЛП Рыбак

Неслась волна, росла волна,
Рыбак над ней сидел,
С душой, холодною до дна,
На уду он глядел.
И как сидит он, как он ждет,
Разверзлась вдруг волна,
И поднялась из шума вод
8 Вся влажная жена.

Она поет, она зовет:
"Зачем народ ты мой
Людским умом и злом людским
Манишь в смертельный зной?
Ах, если б знал, как рыбкам весть
Отрадно жизнь на дне,
Ты сам спустился бы, как есть,
16 И был здоров вдвойне.

Иль солнце красное с луной
Над морем не встают?
И лики их, дыша волной,
Не вдвое ль краше тут?
Иль не влечет небес тайник,
Блеск голубой красы?
Не манит собственный твой лик
24 К нам, в вечный мир росы?"

Шумит волна, катит волна
К ногам из берегов,
И стала в нем душа полна,
Как бы под страстный зов.
Она поет, она зовет;
Знать час его настал:
Влекла ль она, склонялся ль он, —

32 Но с той поры пропал.

198
6 сентября 1885

ЛIII Зимняя поездка на Гарц

С коршуном сходно,
Что, на тяжелых утренних тучах
Тихим крылом почивая,
Ищет добычи, паря,
5 Песня моя.

Ибо бог
Каждому путь его
Предначертал,
Коим счастливец
10 К радостной цели
Быстро бежит;
Тот же, чье сердце
Сжато несчастьем,
Тщетно противится
15 Тесным пределам
Кованой нити,
Что все ж горькие ножницы
Только однажды прервут.

В чаще суровой
20 Прячется дикий зверь,
И с воробьями
Давно богачи
В топи свои опустились.
За колесницей легко
25 Следовать пышной фортуны,
Как безмятежным придворным
По дороге исправленной
Вслед за въездом владыки.

Но кто там в стороне?
30 Путь его тонет в кустах,
Сзади его
Ветви смыкаются вновь,
Снова трава восстает,
Пустыня его поглощает.

35 Кто ж уврачует того,
Ядом кому стал бальзам?
Кто из избытка любви
Выпил ненависть к ближним?
Презренный, став презирающим,

40 Тайно достоинство он
Только изводит свое
В самолюбивом стремленье.

Коль на псалтири твоей
Есть, отец милосердья,
45 Звук, его уху доступный,
Сердце его утоли!
Взор раскрой отуманенный
На миллионы ключей
Рядом с томящимся жаждой
50 Тут же в пустыне.

Ты, посылающий радости
Каждому полною мерой,
Благослови и ловцов,
Братьев на поиск зверей;
55 Со своеволием юным,
Жаждой убийства,
Поздних мстителей буйства,
Тщетно с которым уж годы
Бьется с дубиной крестьянин.

60 Но увей одинокого
Тучей своей золотой,
Зеленью зимней венчай ты
До возрождения роз
Влажные кудри певца —
65 О любовь, — твоего же!

Ты мерцающим факелом
Светишь ему
Ночью через броды,
По бездонным дорогам,
70 По пустынным полям;
Тысячецветной зарей
В сердце смеешься ему;
Едкою бурей своей
Ты возносишь его;
75 Зимние прядают воды
С гор в песнопенья к нему;
И алтарем благодарности нежной
Грозной вершины встает перед ним
Снегом покрытое темя,
80 Что хороводами духов
Чутко венчали народы.
Ты с неприступною грудью
Смотришь таинственно явно
Над изумленной землей
85 И взираешь из облак
На страны и богатства.

Что из жил твоих братий
Рядом с собою ты льешь.

199

LIV

Весеннее небо глядится
Сквозь ветви мне в очи случайно,
И тень золотая ложится
4 На воды блестящего Майна.
Вдали огонек одинокий
Трепещет под сумраком липок,
Исполнена тайны жестокой
8 Душа замирающих скрипок,
Средь шума толпы неизвестной
Те звуки понятней мне вдвое:
Напомнили силой чудесной
12 Они мне все сердцу родное.
Ожившая память несется
К прошедшей тоске и веселью;
То сердце замрет, то проснется
16 За каждой безумною трелью.
Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна,
И месяц бежит полосою
20 Вдоль вод тихоструйного Майна.

200

LV

Я полон дум, когда, закрывши вежды,
Внимаю шум
Младого дня и молодой надежды;
4 Я полон дум.
Я все с тобой, когда рука неволи
Владеет мной, —
И целый день, туманно ли, светло ли, —
8 Я все с тобой.
Вот месяц всплыл в своем сиянье дивном.
На высоты,
И водомет в лобзанье непрерывном, —
12 О, где же ты?

201

LVI Геро и Леандр

Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море — только в море
8 Волн кочующих родник.
Тихо. — Море голубое
Взору жадному в покое
Каждый луч передает.
Что ж там в море — чья победа?
Иль в зыбях, вторая Леда,
12 Лебедь-бог к тебе плывет?
Не бессмертный, не бессонный,
Нет, то юноша влюбленный
Проложил отважный путь,
И, полна огнем желаний,
Волны взмахом крепкой длани
16 Молодая режет грудь.
Меркнет день; из крайней тучи
Вдоль пучины ветер летучий
Направляет шаткий бег,
И под молнией багровой
Страшный вал белоголовый
24 С ревом прыгает на брег.
Где ж он, Геро? с бездной споря
Удушающего моря,
На свиданье он спешит!
Хоть бесстрастен, хоть безгласен,
Но по-прежнему прекрасен
30 Он у ног твоих лежит.
Бледен лик твой, бледен, дева!
Средь упругих волн напева
Я люблю твой бледный лик.
Под окном на всем просторе
Только море, — только в море
36 Волн кочующий родник.

LVII

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку. —
5 Мы вместе, — и судьбе я молча предаюсь.
Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной

Люблю на локон твой засматриваться длинный;
10 Люблю безмолвных уст и взоров разговор,
Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы;
Люблю ее лесов лепечущие своды;
15 Люблю ее степей алмазные снега;
И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
20 И детских укоризн в грядущем не страшусь.

203

LVIII

Младенческой ласки доступен мне лепет:
Душа откровенно так с жизнью мирится.
Безумного счастья томительный трепет
4 Горячим приливом по сердцу стремится.

Скажу той звезде, что так ярко сияет
(Давно не видались мы в мире широком.
Но я понимаю, на что намекает
8 Мне с неба она многозначащим оком):

— Ты смотришь мне в очи. Ты права: мой трепет
Понятен, как луч твой, что в воды глядится.
Младенческой ласки доступен мне лепет:
12 Душа откровенно так с жизнью мирится.

204

LIX Соловей и роза

Небес и земли повелитель,
Творец плодотворного мира
Дал счастье, дал радость всей твари
4 Цветущих долин Кашемира.

И равны все звенья пред Вечным
В цепи непрерывной творенья,
И жизненным трепетом общим
8 Исполнены чудные звенья.

Такая дрожащая бездна
В дыханье полудня и ночи,
Что ангелы в страхе закрыли

12 Крылами звездистые очи.

Но там же, в саду мироздания,
Где радость и счастье — привычка,
Забыты, отвергнуты счастьем
18 Кустарник и серая птичка.

Листов, окаймленных пилами,
Побегов, скрывающих спицы,
Боятся летучие гости,
20 Чуждаются певчие птицы.

Безгласная серая птичка
Одна не пугается терний,
И любят друг друга, — но счастья —
24 Ни в утренний час, ни в вечерний.

И по небу веки проходят,
Как волны безбрежного моря;
Никто не узнает их страсти,
28 Никто не увидит их горя.

Однажды сияющий ангел,
Купаясь в безднах эфира,
Узрел и кустарник и птичку
32 В долине ночной Кашемира.

И нежному ангелу стало
Их видеть так грустно и больно,
Что с неба слезу огневую
36 На них уронил он невольно.

И к утру свершилось чудо:
Краснея и млея сквозь слезы,
Склонилась к ветке упругой
40 Головка душистая розы.

И к ночи с безгласною птичкой
Еще перемена чудесней:
И листья и звезды трепещут
44 Ее упоительной песней.

Он

Рая вечного изгнанник,
Вешний гость я, певчий странник;
Мне чужие здесь цветы;
Страшны искры мне мороза.
Друг мой, роза, дева-роза,
50 Я б не пел, когда б не ты.

Она

Полночь — мать моя родная,
Незаметно расцвела я
На заре весны;
Для тебя ж у бедной розы
55 Аромат, краса и слезы,
Заревые сны.

Он

Ты так нежна, как утренние розы,
Что пред зарей несет земле восток;
Ты так светла, что поневоле слезы
60 Туманит мне внимательный зрачок;
Ты так чиста, что помыслы земные
Невольно мрут в груди перед тобой:
Ты так свята, что ангелы святые
Зовут тебя их смертною сестрой.

Она

65 Ты поешь, когда дремлю я,
Я цвету, когда ты спишь;
Я горю без поцелуя,
Без ответа ты грустишь.
Но ни грусти, ни мученья
70 Ты обманом не зови:
Где же песни без стремленья?
Где же юность без любви?

Он

Дева-роза, доброй ночи!
Звезды в небесах.
75 Две звезды горят, как очи,
В голубых лучах;
Две звезды горят приветно
Нынче, как вчера;
Сон подкрался незаметно...
80 Роза, спать пора!

Она

Зацелую тебя, закачаю,
Но боюсь над тобой задремать:
На заре лишь уснешь ты, я знаю,
Что всю ночь будешь петть ты опять.
85 Закрываются милые очи,
Голова у меня на груди.
Ветер, ветер с суровой полночи,

Не тревожь его сна, не буди.
Я сама притаила дыханье,
90 Только вежды закрыл ему сон,
И над спящим склоняюсь в молчанье
Все боюсь, не проснулся бы он.
Ветер, ветер лукавый, поди ты,
Я умею сама целовать;
95 Я устами коснулся ланиты,
И мой милый проснется опять.
Просыпайся ж; заря потухает:
Для певца золотая пора.
Дева-роза тихонько вздыхает,
100 Отпуская тебя до утра.

Он

Ах, опять к ночному бдению
Вышел звездный хор...
Эхо ждет заворить пенью...
Ждет лесной простор.
105 Веет ветер над дубровой,
Пышный лист шумит,
У меня в тени кленовой
Дева-роза спит.
Хорошо ль ей, сладко ль спится,
110 Я предузнаю,
И звездам, что ей приснится,
Громко пропою.

Она

Я дремлю, но слышит
Роза соловья;
115 Ветерок колышет
Сонную меня;
Звуки остаются
Все в моих листках;
Слышу, — а проснуться
120 Не могу никак;
Заревые слезы,
Наклоняясь, лью.
Пой у сонной розы
Про любовь мою.

125 И во сне только любит и любит,
И от счастья плачет и спит!
Эти песни она приголубит,
Если эхо о них промолчит.
Эти песни земле рассказали
130 Все, что розе приснилось во сне,
И глубоко, глубоко запали

Ей в румяное сердце оне.
И в ночи под землею коренья
Влагу ночи сосут да сосут,
135 А у розы росой умиления
Бриллиантами слезы текут.
Отчего ж под навесом прохлады
Раздается так голос певца?
Роза! песни не знают преграды:
140 Без конца твои сны, без конца.

205

LX На смерть Александра Васильевича Дружинина

19 января 1864 года

Умолк твой голос навсегда,
И сердце жаркое остыло,
Лампаду честного труда
4 Дыханье смерти погасило.

На мир усопшего лица
Кладу последнее лобзанье.
Не изменили до конца
8 Тебе ни дружба, ни призванье.

Изнемогающий, больной,
Души ты не утратил силу,
И жизни мутною волной
12 Ты чистым унесен в могилу.

Спи! Вечность правды настает,
Вокруг стихает гул суровый,
И муза строгая кладет
16 Тебе на гроб венок лавровый.

206

LXI Памяти Василия Петровича Боткина

16 октября 1869 года

Прости! Разверстая могила
Тебя отдаст родной земле;
Скажи: что смерть изобразила
4 На этом вдумчивом челе?
Ужель, добра поклонник страстный,
Ты буйству века уступил
И обозвал мечтой напрасной

8 Чему всю жизнь не изменил?
Ужель сказал: за вами поле,
Вы правы, тщетен наш союз!
Я ухожу, нет в мире боле
12 Ни светлых дум, ни вещей муз.
Нет! Покидая жизнь земную,
Ты вспять стопы не обращал
И тихо лепту трудовую
16 Трем старшим музам завещал *.

207

* Завещал капитал университету, консерватории и школе живописи.

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

Предисловие

Человек, не занавесивший вечером своих освещенных окон, дает доступ всем равнодушным, а, быть может, и враждебным взорам с улицы; но было бы несправедливо заключать, что он освещает комнаты не для друзей, а в ожидании взглядов толпы. После трогательного и высокочтознаменательного для нас сочувствия друзей к пятидесятилетию нашей музыки жаловаться на их равнодушие нам, очевидно, невозможно. Что же касается до массы читателей, устанавливающей так называемую популярность, то эта масса совершенно права, разделяя с нами взаимное равнодушие. Нам друг у друга искать нечего. Раскрывая небольшое окошечко четвертого выпуска в крайне ограниченном числе экземпляров, мы только желаем сказать друзьям, что всегда рады их встретить и что за нашим окном *Вечерние Огни* еще не погасли окончательно.

I Оброчник

Хоругвь священную подъяв своей десной,
Иду, и тронулась за мной толпа живая,
И потянулись все по просеке лесной,
4 И я блажен и горд, святыню воспевая.

Пою, и помыслам неведом детский страх,
Пусть на пенье мне ответят воем звери,
С святыней над челом и песнью на устах,
8 С трудом, но я дойду до вожденной двери.

208

17 сентября 1889.
Москва

II

Его императорскому высочеству в. к. Константину
Константиновичу

Сплывают ледяные своды,
Твое явилось через воды
Письмо с короной золотой.
Ко мне, простившись со столицей,
Примчались звучной вереницей
6 Стихи, пропетые тобой.

Ужели жизнь опять приветна?
Ужель затихли безответно
И буря и недуга злость?
Какая весть благоволения!
Какая свежесть вдохновения!
12 Какой в глуши высокий гость!

Весной нежданной сладко веет,
В груди теплей, в глазах светлеет,
Я робко за тобой пою.
И сердце благодарно снова
За жар живительного слова,
18 За юность светлую твою.

209
25 марта 1887.
Воробьевка

III Поэтам

Сердце трепещет отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздеты,
Здесь на коленях я снова невольно,
4 Как и бывало, пред вами, поэты.

В ваших чертогах мой дух окрылился,
Правду провидит он с высей творенья,
Этот листок, что иссох и свалился,
8 Золотом вечным горит в песнопенье.

Только у вас мимолетные грезы
Старыми в душу глядятся друзьями,
Только у вас благовонные розы
12 Вечно восторга блистают слезами.

С торжищ житейских, бесцветных и душных,
Видеть так радостно тонкие краски,
В радугах ваших, прозрачно-воздушных,
16 Неба родного мне чудятся ласки.

210
5 июня 1890.

IV

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
4 Учуять ветер с цветущих берегов;

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упитья вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
8 Чужое вмиг почувствовать своим;

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец, —
Вот, чем певец лишь избранный владеет!
12 Вот, в чем его и признак, и венец!

211
28 октября 1887.
Москва

V

Устало все кругом, устал и цвет небес,
И ветер, и река, и месяц, что родился,
И ночь, и в зелени потусклой спящий лес,
4 И желтый тот листок, что наконец свалился.

Лепечет лишь фонтан средь дальней темноты,
О жизни говоря незримой, но знакомой...
О, ночь осенняя, как всемогуща ты
8 Отказом от борьбы и смертною истомой!

212
24 августа 1889.
Воробьевка

VI

*Их императорским высочествам в. к. Константину
Константиновичу и в. к. Елизавете Маврикиевне*

Давно познав, как ранят больно
Иные тернии венков,
Нередко с грустию невольной
4 Гляжу на юношей-певцов.

Но пред высокою четою
В душе моей всегда светло:
За вдохновенной головою
8 Белеет ангела крыло.

Оно поэту в миг сомнений,
В минуту затаенных слез,
Навеет горних сновидений
12 И аромата райских роз.

213
30 января 1889.
Москва

VII Она

Две незабудки, два сапфира
Ее очей приветный взгляд,
И тайны горнего эфира
4 В живой лазури их сквозят.

Ее кудрей руно золотое
В таком свету, какой один,
Изображая неземное,
8 Сводил на землю Перуджин.

214
20 марта 1889.
Москва

VIII

Людские так грубы слова,
Их даже нашептывать стыдно!
На цвет, проглянувший едва,
4 Смотреть при тебе мне завидно,

Вот роза раскрыла уста,
В них дышит моление немое:
Чтоб ты пребывала чиста,
8 Как сердце ее молодое.

Вот, нежа дыханье и взор,
От счастья роза увяла,
И свой благовонный убор
12 К твоим же ногам разроняла.

215

3 октября 1889.
Москва

IX На качелях

И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем,
4 Мы стоим и бросаем друг друга.

И, чем ближе к вершине лесной,
Чем страшнее стоять и держаться,
Тем отрадней взлетать над землей
8 И одним к небесам приближаться.

Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам вдвоем. —
12 Это счастье, моя дорогая.

216
26 марта 1890.
Москва

X

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и взора участия,
Оставь и дозвожь мне рыдать!
К горячему снова прильнув изголовью,
Позволь мне моей нераздельной любовью,
6 Забыв все на свете, дышать!

Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым
Я горем в душе опьянен, —
Безмолвно прошла б ты воздушной стопою,
Чтоб даже своей благовонной стезею
12 Больной не смутила мой сон.

Не так ли, чуть роща одеться готова,
В весенние ночи светила дневного
Бойтся крылатый певец? —
И только что сумрак разгонит денница,
Смолкает зарей отрезвленная птица, —
18 И счастьем, и песне конец.

217
4 ноября 1887.

XI

Полуразрушенный, полужилец могилы,
О тайнствах любви зачем ты нам поешь?
Зачем, куда тебя домчать не могут силы,
4 Как дерзкий юноша, один ты нас зовешь?

Томлюся и пою. Ты слушаешь и млеешь;
В напевах старческих твой юный дух живет.
Так в хоре молодом: "Ах, слышишь, разумеешь!"
8 Цыганка старая одна еще поет.

218
4 января 1888.
Москва

XII На пятидесятилетие музы

Нас отпевают. В этот день
Никто не подойдет с хулою:
Всяк благосклонною хвалою
4 Немую провожает тень.

Как лик усопшего светить
Душою лучшей начинает!
Не то, чем был он, проступает,
8 А только то, чем мог он быть.

Живым карать и награждать,
А нам у гробового входа, —
О, муза! нам велит природа,
12 Навек смиряся, молчать.

219
20 декабря 1888.
Москва

XIII На пятидесятилетие музы **29 января 1889 года**

На утре дней все ярче и чудесней
Мечты и сны в груди моей росли,
И песен рой вослед за первой песней
4 Мой тайный пыл на волю понесли.

И, трепетным от счастья и муки,

Хотелось птичкам божиим моим,
Чтоб где-нибудь их налетели звуки
8 На чуткий слух, внимать готовый им.

Полвека ждал друзей я этих песен,
Гадал о тех, кто им живой приют;
О, как мой день сегодняшней чудесен! —
12 Со всех сторон те песни мне несут.

Тут нет чужих, тут все родной и кровный!
Тут нет врагов, кругом одни друзья! —
И всей душой за ваш привет любовный
16 К своей груди вас прижимаю я!..

220
14 января 1889.
Москва

XIV

Чужа внушенный другими ответ,
Тихий в глазах прочитал я запрет,
Но мне понятней еще говорит
4 Этот правдивый румянец ланит,

Этот цветов обмирающих зов,
Этот теней набегающий кров,
Этот предательский шепот ручья
8 Этот рассыпчатый клич соловья.

221
30 января 1890.
Москва

XV Угасшим звездам

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чужать, что выше и краше
4 Вас ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха; —
Так и по смерти лететь к вам стихами,
8 К призракам звезд буду призраком вдоха.

222
6 мая 1890.
Воробьевка

XVI На бракосочетание их императорских высочеств в. к. Павла Александровича и в. к. Александры Георгиевны

Не воспевай, не славословь
Великокняжеской порфиры,
Поведай первую любовь
4 И возвести струнами лиры:

Кто сердце девы молодой
Впервые трепетать заставил?
Не ты ли, витязь удалой,
8 Красавец, царский конник, Павел?

Созданий сказочных мечту
Твоя избранница затмила,
Трех поколений красоту
13 Дочь королевы совместила.

Суля чете блаженства дни,
Пред ней уста немеют наши, —
Цветов, влюбленных, как они,
16 Двух в мире не найдется краше.

223
9 мая 1889.
Тихий Хутор

XVII

*Его императорскому высочеству в. к. Константину
Константиновичу*

Когда, колеблем треволненьем,
Лавровый обронив венец,
Ты загрустил, что вдохновеньем
Покинут, молодой певец, —

5 Я знал, что сила музыки пленной
Тебе на счастье растет,
Что чад рассеется мгновенный
И снова, светлый, вдохновенный,
Мне милый голос запоет.

10 И вот из северной столицы,
Восторгов внешних не тая,
С зеленой веткой голубицы
Ко мне примчалась песнь твоя.

224
8 мая 1890.
Воробьевка

XVIII К ней

Кто постигнет улыбку твою
И лазурных очей выражение,
Тот поймет и молитву мою,
4 И восторженных уст пенопенье.

День смолкает над жаркой землей,
И, нетленной пылая порфирой,
Вот он сам, Аполлон молодой,
8 Вдаль уходит с колчаном и лирой.

Пусть ты отблеск, пленяющий нас,
Пусть за ним ты несешься мечтою,
Но тебе наш молитвенный час,
12 Что слетает к нам в душу с зарею.

225
11 апреля 1890
Воробьевка

XIX Во сне

Как вешний день, твой лик приснился снова, —
Знакомую приветствую красу,
И по волнам ласкающего слова
4 Я образ твой прелестный понесу.

Сомнений нет, неясной нет печали,
Все высказать во сне умею я,
И мчит да мчит все далее и дале
8 С тобою нас воздушная ладья.

Перед тобой с коленопреклоненьем
Стою, пленен волшебною игрой,
А за тобой, колеблемый движеньем,
12 Неясных звуков отстающий рой.

226
26 апреля 1890.
Воробьевка

XX На смерть М. Б-а

Тебя любили мы за резвость молодую,
За нежность милых слов...
Друг Митя! ты унес неожиданно в жизнь иную
4 Надежды стариков.

Уже слетел недуг, наваян злобным роком,
Твой пышный цвет сорвать;
Дитя! ты нам предстал тогда живым уроком,
8 Как жить и умирать.

Когда, теряясь, все удерживали слезы
Над мальчиком больным,
Блаженные свои и золотые грезы
12 Передавал ты им.

И перед смертью, живой исполнен ласки,
Ты взор обвел кругом
И тихо сам закрыл младенческие глазки,
16 Уснув последним сном...

227
15 декабря 1886.
Москва

XXI Памяти С. С. Б-ой

Ужель на вопль и зов молебный
Ты безучастно промолчишь?
Ужель улыбкой задушевной
4 Семьи опять не озаришь?

Забыв и радости земные,
И милосердия дела,
Ты, покидая нас впервые,
8 За сыном-отроком ушла.

Разлуки нет. Твой образ милый
Чрез жизнь мы в сердце пронесем,
И там, за рубежом могилы,
12 Навек обнять тебя придем.

228
7 марта 1889.
Москва

XXII

Была пора, и лед потока
Лежал под снежной пеленой,

Недосягаемо для ока
4 Таился речки бег живой.

Пришла весна, ее дыханье
Над снежным пронеслось ковром,
И стали видны содроганья
8 Струи, бегущей подо льдом.

И близки дни, когда все блага
К нам низведет пора любви,
И мне зарей раскроет влага
12 Объяты чистые свои.

229
1 апреля 1890.
Москва

XXIII

Хоть счастье судьбой даровано не мне,
Зачем об этом так напоминать небрежно?
Как будто бы нельзя в больном и сладком сне
4 Дозволить мне любить вас пламенно и нежно.

Хотя б признался я в безумиях своих,
Что стоит робкого вам не пугать признанья,
Что стоит шелк ресниц склонить вам в этот миг,
8 Чтоб не блеснул в очах огонь негодованья?

Участья не прошу, могла б и ваша грусть,
Хотя б притворная, родить во мне отвагу,
И, издали молясь, поэт-безумец пусть
12 Прекрасный образ ваш набросит на бумагу.

230
16 июня 1890.
Воробьевка

XXIV Графине С. А. Т-ой

во время моего 50-тилетнего юбилея

Пора! по влаге кругосветной
Я в новый мир перехожу
И с грустью нежной и заветной
4 На милый север свой гляжу.

Жестокой уносим волною
С звездой полярною в очах,

Я знаю, ты горишь за мною
8 В твоей красе, в твоих лучах.

231
19 февраля 1889.
Москва

XXV

Сегодня все звезды так пышно
Огнем голубым разгорались,
А ты промелькнула неслышно,
4 И взоры твои преклонялись.

Зачем же так сердце нестройно
И робко в груди застучало?
Зачем под прохладой так знойно
8 В лицо мне заря задышала?

Всю ночь прогляжу на мерцанье,
Что светит и мощно и нежно,
И яркое это молчанье
12 Разгадывать стану прилежно...

232
26 ноября 1888.
Москва

XXVI Е.Д.Д-ъ

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманием эту тетрадь.
Можно ли трезвой то высказать силой ума,
4 Что опьяненному муза прошепчет сама?
Я назову лишь цветок, что срывает рука,
Муза раскроет и сердце, и запах цветка;
Я расскажу, что тебя беспрдельно люблю,
8 Муза поведаст, что я за муки терплю.

233
27 января 1888.
Москва

XXVII

Руку бы снова твою мне хотелось пожать,
Прежнего счастья, конечно, уже не видать,
Но и под старость отраднo очами недуга

4 Вновь увидеть неизменно прекрасного друга.

В голой аллее, где лист под ногами шумит,
Как-то пугливо и сладостно сердце щемит,
Если стопам попирать довелось устало
8 То, что когда-то так много блаженства скрывало.

234
14 августа 1888.
Воробьевка

XXVIII

Гаснет заря, — в забытье, в полусне,
Что-то неясное шепчешь ты мне,
Ласки твои я расслушать хочу:
4 "Знаю, ах, знаю", — тебе я шепчу.

В блеске, в румянном разливе огня,
Ты потонула, ушла от меня;
Я же, напрасной истомой горя,
8 Летняя вслед за тобою заря.

Сладко сегодня тобой мне сгорать,
Сладко, летя за тобой, замирать...
Завтра, когда ты очнешься иной,
12 Свет не допустит меня за тобой.

235
29 декабря 1888.
Москва

XXIX

В полуночной тиши бессонницы моей
Встают пред напряженным взором
Былые божества, кумиры прежних дней,
4 С их вызывающим укором.

И снова я люблю, и снова я любим,
Несусь вослед мечтам любимым,
А сердце грешное томит меня своим
8 Неправосудьем нестерпимым.

Богини предо мной, давнишние друзья,
То соблазнительны, то строги,
Но тщетно алтарей ищу пред ними я:
12 Они — развенчанные боги.

Пред ними сердце вновь в тревоге и в огне,
Но пламень тот с былым несхожий;
Как будто, смертному потворствуя, оне
16 Сошли с божественных подножий.

И лишь надменные назло живой мечте,
Не зная милости и битвы,
Стоят владычицы на прежней высоте
20 Под шепот пре зренной молитвы,

Их снова ищет взор из-под усталых вежд,
Мольба к ним тщетная стремится,
И прежний фимиам несбыточных надежд
24 У ног их все еще дымится.

236
3 января 1888.
Москва

XXX Его императорскому высочеству в. к. Константину Константиновичу

при книге "Мои воспоминания"

Пред вами правда несомненно
О всем, что было и прошло;
Тут признается откровенно
4 В пережитом добро и зло.

Но средь заносчивой огласки
Не говорят уста мои,
Какие старец встретил ласки
8 Великокняжеской семьи.

Сказать, как жизнь мне озарило
Сиянье царственных светил,
У сельской музыки не хватило
12 Ни дерзновения, ни сил.

237
13 марта 1890.
Москва

XXXI

Только что спрячется солнце,
Неба затеплив красу,
Тихо к тебе под оконце
4 Песню свою понесу.

Чистой и вольной душою,
Ясной и свежей, как ночь,
Смейся над песнью больною,
8 Прочь отгоняй ее, прочь!

Как бы за легким вниманием
В вольное сердце дотоль
Вслед за живым состраданьем
12 Та же не вкралася боль!

238
14 января 1888.
Москва

XXXII На юбилей А. Н. Майкова 30 апреля 1888 года

Пятьдесят лебедей пронесли
С юга вешние крики в полесье,
И мы слышали, дети земли,
4 Как звучала их песнь с поднебесья.

Майков медь этих звуков для нас
Отчеканил стихом-чародеем,
И за это в торжественный час
8 Мы встречаем певца юбилеем.

Кто же выступит с гимном похвал
Перед тем, кто, поднявшись над нами,
Полстолетия Русь осыпал
12 Драгоценных стихов жемчугами?

Хоть восторг не дает нам молчать,
Но восторженных скоро забудут,
А певца по поднебесью мчат
16 Лебединые крылья все будут.

239
25 марта 1888.
Воробьевка

XXXIII

Роями поднялись крылатые мечты
В весне кругом себя искать душистой пищи,
Но на закате дня к себе, царица, ты
4 Их соберешь ко сну в таинственном жилище.

А завтра на заре вновь крылья зажужжат,
Чтобы к незримому, к неизвестному стремиться:

Где за ночь расцвело, где первый аромат,
8 Туда перенестись и в пышной неге скрыться.

240
17 февраля 1889.
Москва

XXXIV На бракосочетание Е. и К. Д-ъ

В часы забав, во дни пиров,
Пред божеством благоговя,
Поэты славили любовь
4 И пышный факел Гименея.

Он горячо волнует грудь
И сквозь покров полупрозрачный
На расцвеченный кажет путь
8 И жениху и новобрачной.

И мы отраду возвестим
Князьям сегодняшнего пира;
Споет о счастье молодым
12 Моя стареющая лира.

На юность озираясь вновь
И новой жизнью пламенея,
Ура! и я хвалю любовь
16 И пышный факел Гименея.

241
30 апреля 1889.
Село Таволжанка

XXXV Зной

Что за зной! Даже тут, под ветвями,
Тень слаба, и открыто кругом.
Как сошлись и какими судьбами
4 Мы одни на скамейке вдвоем?

Так молчать нам обоим неловко,
Что ни стань говорить, — невпопад;
За тяжелой косою головка
8 Словно хочет склониться назад.

И как будто истомою жадной
Нас весна на припеке прожгла,
Только в той вон аллее прохладной
12 Средь полудня вечерняя мгла...

242
29 мая 1888.
Воробьевка

XXXVI М. Н. К-ной

Явись, явись ко мне, больному!
Вот исцеленье! Кто скорей
Развеет грустную истому
4 Души тоскующей моей?

Кто неподкупных муз привета
Достойней прелестью лица;
Кто красотой из рук поэта
8 Достойней вечного венца.

243
13 февраля 1890.
Москва

XXXVII

Как трудно повторять живую красоту
Твоих воздушных очертаний;
Где силы у меня схватить их на лету
4 Средь непрестанных колебаний?

Когда из-под ресниц пушистых на меня
Блеснут глаза с просветом ласки,
Где кистью трепетной я наберу огня?
8 Где я возьму небесной краски?

В усердных поисках все кажется: вот-вот
Приемлет тайна лик знакомый, —
Но сердца бедного кончается полет
12 Одной бессильною истомой.

244
26 февраля 1888.
Москва

XXXVIII

От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;
Лишь вдвоем мы в тени здесь прохладной,
4 Третья с нами лазурная ночь.

Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать и хранить;
От людей утаиться возможно,
8 Но от звезд ничего не сокрыть.

И безмолвна, кротка, серебриста
Эта полночь за дымкой сквозной
Видит только, что вечно и чисто,
12 Что навеяно ею самой.

245
8 февраля 1889.
Москва

XXXIX Ракета

Горел напрасно я душой,
Не озаряя ночи черной:
Я лишь вознесся пред тобой
4 Стезею шумной и проворной.

Лечу на смерть вослед мечте.
Знать, мой удел лелеять грезы,
И там, со вздохом, в высоте
8 Рассыпать огненные слезы.

246
24 января 1888.
Москва

XL Л. И. О-й

при посылке портрета

Гляжу с обычным умилением
На ваши кроткие черты,
И сердце светлым вдохновеньем
4 Наполнил образ красоты.

Какой обмен несправедливый!
Вдруг получить издалека
Вам, юной, свежей и красивой,
8 Печальный образ старика.

247
8 февраля 1888.
Москва

ХLI Из Мерики

Как красив на утренней заре
Птичий след по снегу на горе;
Но красивей милая рука
4 Мне чертит письмо издалека.

В небеса высок у цапли взлет:
Ни стрела, ни пуля не дойдет;
Во сто раз и выше и быстрее
8 Мысль летит к избраннице своей.

248
9 августа 1888.
Воробьевка

ХLII Графине С. А. Толстой (Алексей)

Где, средь иного поколенья,
Нам мир так пуст,
Ловлю усмешку утомленья
4 Я ваших уст.

Мне все сдается, миновали
Восторги роз;
Цветы последние увяли:
8 Побил мороз.

И безуханна, бесприветна
Тропа и там,
Где что-то бледное заметно
12 По бороздам.

Но знаю, в воздухе нагретом,
Вот здесь со мной,
Цветы задышат прежним летом
18 И резедой.

249
24 декабря 1889.
Москва

ХLIII Quasi una fantasia

Сновиденье,
Пробуждение,
Таёт мгла.
Как весною,

Надо мною
6 Высь светла.

Неизбежно,
Страстно, нежно
Уповать,
Без усилий
С плеском крылий
12 Залетать —

В мир стремлений,
Преклонений
И молитв;
Радость чуя,
Не хочу я,
18 Ваших битв.

250
31 декабря 1889.
Москва

XLIV

Упреком, жалостью внушенным,
Не растравляй души больной;
Позволь коленопреклоненным
4 Мне оставаться пред тобой!

Горя над суетной землею,
Ты милосердно разреши
Мне упиваться чистотою
8 И красотой твоей души.

Глядеть, каким прозрачным светом
Окружена ты на земле,
Как божий мир при свете этом
12 В голубоватой тонет мгле!

О, я блажен среди страданий!
Как рад, себя и мир забыв,
Я подступающих рыданий
16 Горячий сдерживать прилив!

251
31 января 1888.
Москва

XLV

Прости! во мгле воспоминанья
Все вечер помню я один:
Тебя одну среди молчанья
4 И твой пылающий камин.

Глядя в огонь, я забывался;
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался
8 Избыток счастья и сил.

Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
12 Я уносил твое тепло?

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
16 Стучусь у сердца твоего?

252
22 января 1888.
Москва

XLVI

Давно ль на шутки вызывала
Она, дитя, меня сама?
И вот сурово замолчала,
Тепло участия пропало,
5 И на душе ее зима.

Друг, не зови ее суровой:
Что снегом ты холодным счел,
Лишь пробуждение жизни новой,
Сплошной душистый цвет садовый,
10 Весенний вздох и счастье пчел.

253
22 апреля 1890.
Воробьевка.

XLVII Я. П. Полонскому

В минувшем жизнь твоя богата,
Звенел залог бесценный в нем:
Сам рассказал ты, что когда-то
4 Любил и пел ты соловьем.

Кто ж не пленен влюбленной птицей,
Весной поющей по ночам, —
Но как поэт ты мил сторицей
8 Тебе внимающим друзьям.

254
26 августа 1890.
Воробьевка

XLVIII В альбом Н.Я.П-ой

Стихи мои в ряду других
Прочтут ли бархатные глазки,
Но появиться рад мой стих
4 Там, где кругом цветы и краски.

Желать вам счастья я готов,
Но в чем придет оно, не знаю;
Ни юных роз, ни мотыльков,
8 Хоть им дивлюсь, не поучаю.

255
20 июня 1890.
Воробьевка

XLIX Графине Н.М.С-ъ

Вам песнь моя. В степи мирской,
Среди толпы бесцветно-бледной,
Лишь вы поэта за собой
4 Красой влечете всепобедной.

Прелестны матовым челом,
Могучи пышными кудрями,
Вы обаятельны умом,
8 Очаровательны очами.

Что смертных трогает сердца,
Внушите вы послушной лире,
И слово на устах певца
12 При вас цветет пышней и шире.

256
15 февраля 1888.
Москва

L И.Ф.О-у

на юбилей конского его завода в селе Березовце

Да, я не Пиндар: мне страшней
Всего торжественная ода, —
Березовец и юбилей
4 Рожденья конского завода.

Когда б слова в стихах моих
Ложились выпуклы и ковки,
Вставали разом бы из них
8 Копыта, шейки и головки.

Следя за каждою чертой,
Знатоку не проходил бы мимо,
Не восхитившись красотой
12 Любимца или Ибрагима.

Я, лавры оглася твои
И все стяжанные награды,
В заводе конском Илии
16 Нашел бы звуки Илиады.

Но этих звуков-то и нет,
И я, греметь бессильный оду,
Лишь пожелаю много лет
20 Тебе и твоему заводу.

257
17 июня 1888.
Воробьевка

LI

Мама! глянь-ка из окошка:
Знать, вчера недаром кошка
Умывала нос.
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело:
6 Видно, есть мороз.

Не колючий, светло-синий
По ветвям развешан иней,
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый
Свежей, белой, пухлой ватой
12 Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки, да и в гору
Весело бежать!

Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
18 "Ну, скорей гулять!"

258
9 декабря 1887.
Москва

ЛИ Е.С.Х-й

при получении от нее пышного букета цветной капусты

Соизмеряя дар с приветом,
Дерзаю высказать в ответ,
Что в мире никаким букетам
4 Не уступает ваш букет.

Его значение многосложно
И в силах вдохновить певца;
Его принять с поклоном можно,
8 И можно скушать до конца.

259
5 мая 1888.
Воробьевка

ЛИИ

Запретили тебе выходить.
Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
4 Нам с тобою друг друга любить.

Но чего нам нельзя запретить,
Что с запретом всего несовместней, —
Это песня: с крылатою песней
8 Будем вечно и явно любить.

260
7 июля 1890.
Воробьевка

ДОПОЛНЕНИЯ

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

I

Из тонких линий идеала,
Из детских очерков чела
Ты ничего не потеряла,
4 Но все ты вдруг приобрела.

Твой взор — открытой и бесстрашный,
Хотя душа твоя тиха;
Но в нем сияет рай вчерашний
8 И соучастница греха...

261
11 ноября 1890

II Сентябрьская роза

За вздохом утренним мороза,
Румянец уст приотворя,
Как странно улыбнулась роза
4 В день бысролетный сентября!

Перед порхающей синицей
В давно безлиственных кустах,
Как дерзко выступать царицей
8 С приветом вешним на устах,

Расцвести в надежде неуклонной, —
С холодной разлучась грядой,
Прильнуть, последней, опьяненной,
12 К груди хозяйки молодой!

262
22 ноября 1890

III

Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотой
И ни за что не отрекусь
4 От ласк, ниспосланных тобою.

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
8 Мне будет внятн отовсюду.

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы

12 Бежать навстречу вешним дням.

263
10 декабря 1890

IV

Я не знаю, не скажу я,
Оттого ли, что гляжу я
На тебя, я все пою,
И задорное веселье
Ты, как легкое похмелье,
6 Проливаешь в песнь мою?

Иль — еще того чудесней —
За моей дрожащей песней
Таёт дум невольных мгла,
И зато ли, оттого ли
До томления, до боли
12 Ты приветливо светла?

264
11 декабря 1890

V

На кресле отвалиясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
4 Вертится призрачною тенью.

Зари осенней след в мерцанье этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
8 Грачи кружатся темным стадом...

Нет! То не крыльев шум, то — кони у крыльца!
Я слышу трепетные руки...
Как бледность холодна прекрасного лица!
12 Как шёпот горестен разлуки!

Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада...
И кружится еще, приюта не найдя,
16 Грачей встревоженное стадо.

265
15 декабря 1890

VI

Опавший лист дрожит от нашего движенья,
Но зелени еще свежа над нами тень;
А что-то говорит средь радости сближенья,
4 Что этот желтый лист — наш следующий день.

Как ненасытны мы и как несправедливы!
Всю радость явную неверный гонит страх.
Еще так ласковы волос твоих извивы!
8 Какой живет восторг на блекнувших устах!

Идем. Надолго ли еще не разлучаться?
Надолго ли дышать отрадою? Как знать!
Пора за будущность заране не пугаться,
12 Пора о счастье учиться вспоминать.

266
15 января 1891

VII

Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал,
Ни за что б я тебе этих слов не сказал;
Я боялся б тебя возмутить, оскорбить
4 И последнюю искру в тебе погасить.

Или воли не хватит смотреть и страдать?
Я бы мог еще долго и долго молчать,
Но, начав говорить о другом, — я солгу,
8 А глядеть на тебя я и лгать — не могу.

267
18 января 1891

VIII

Весь вешний день среди стремленья
Ты безотрадно провела
И след улыбки утомленья
4 В затишье ночи принесла.

Но, верить и любить готова,
Душа к стопам твоим летит,
И все мне кажется, что снова
8 Живее цвет твоих ланит.

Кто, сердцеведец, разгадает, —

Что в этом кроется огне?
Былая скорбь, что угасает,
12 Или — заря навстречу мне?

268
21 января 1891

IX

Безобидней всех и проще
В общем хоре голосистом,
Вольной птицей в вешней роще
4 Раздражал я воздух свистом.

Все замолкло пред зимою,
Нет и птиц на голой ветке,
Но, — счастливец, — я тобою
8 В золотой задержан клетке.

Дай мне ручку, дорогая!
К ней прильнуть трепещут крылья;
Пусть умру я, распевая,
12 От восторгов и усилия.

269
22 января 1891

X Графине Наталье Михайловне Соллогуб

Тобой привычный восхищаться,
Я втайне верить был готов,
Что можно лире приближаться
4 К твоей красе красою строф.

Но вижу, в состязанье струнном,
Двойным восторгом трепеща,
Что на челе золоторунном
8 Непобедим венок плюща.

270
24 января 1891

XI

Завтра — я не различаю,
Жизнь — запутанность и сложность!
Но сегодня, умоляю,
4 Не шепчи про осторожность!

Где владеть собой, коль глазки
Влагой светятся туманной,
В час, когда уводят ласки
8 В этот круг благоуханный?

Размышлять не время, видно,
Как в ушах и в сердце шумно;
Рассуждать сегодня — стыдно,
12 А безумствовать — разумно.

271
25 января 1891

ХII

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принес
И пред тобою содрогаюсь
4 Под дуновеньем прежних грез.

Те грезы — жизнь их осудила —
То — прах давнишних алтарей;
Но их победным возмутила
8 Движеньем ты стопы своей.

Уже мерцает свет, готовый
Все озарить, всему помочь,
И, согреваясь жизнью новой,
12 Рососою счастья плачет ночь.

272
8 февраля 1891

ХIII

Только месяц взошел
После жаркого дня, —
Распустился, расцвел
4 Цвет в груди у меня.

Что за счастье, любя,
Этот цвет охранять!
Как я рад, что тебя
8 Никому не видать!

Погляди, как спешу
Я в померкнувший сад!
И повсюду ношу

12 Я цветка аромат.

273
11 февраля 1891

XIV

Качаясь, звезды мигали лучами
На темных зыбях Средиземного моря,
А мы любовались с тобою огнями,
4 Что мчались под нами, с небесными споря.

В каком-то забвенье, немом и целебном,
Смотрел я в тот блеск, отдаваясь неге;
Казалось, рулем управляя волшебным,
8 Глубоко ты грудь мне взрезаешь в побеге.

И там, в глубине, молодая царица,
Бегут пред тобой светоносные пятна,
И этих несметных огней вереница
12 Одной лишь тебе и видна и понятна.

274
17 февраля 1891

XV

Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной
Спеша навстречу мне, улыбку ты даришь,
И, заглянув в глаза, мечте моей послушной
4 О беззаветности надежды говоришь,

Нет, чтобы счастью нежданному отдаться,
Чтобы исчезнуть в нем, спускаясь до дна,
Мне нужно одному с душой своей остаться,
8 Молчанье нужно мне кругом и тишина.

Тут сердца говорит мне каждое биенье
Про все, чем радостной обязан я судьбе,
А тихая слеза блаженства и томленья,
12 Скатясь жемчужиной, напомнит о тебе.

275
19 февраля 1891

XVI

Я слышу — и судьбе я покоряюсь грозной;

Давно я сам себе сказал: не прекословь!
Но перед жертвою покорною и слезной
4 Зачем же замолчать совсем должна любовь?

Пусть радость хоть на миг не слышит порицанья!
Пусть завтра — строгий чин, все тот же, как вчера;
Но ныне — страсть в глазах и долгие лобзанья,
8 И пламенных надежд отважная игра!

276
21 февраля 1891

XVII

Кляните нас! Нам дорога свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь;
В нас вопиет всесильная природа,
4 И прославлять мы будем век любовь.

В пример себе певцов весенних ставим:
Какой восторг — так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
8 И так живем, что нам нельзя не петь.

277
2 марта 1891

XVIII

Мы встретились вновь после долгой разлуки,
Очнувшись от тяжелой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки
4 И плакали, плакали мы.

Но в крепких незримых оковах сумели
Держать нас людские умы;
Как часто в глаза мы друг другу глядели
8 И плакали, плакали мы!

Но вот засветилось над черною тучей
И глянуло солнце из тьмы;
Весна, — мы сидели под ивой плакучей
12 И плакали, плакали мы.

278
30 марта 1891

XIX

Люби меня! Как только твой покорный
Я встречу взор,
У ног твоих раскину я узорный
4 Живой ковер.

Окрылены неведомым стремленьем,
Над всем земным,
В каком огне, с каким самозабвеньем,
8 Мы полетим!

И, просияв в лазури сновиденья,
Предстанешь ты —
Царить навек в дыханье песнопенья
12 И красоты.

279
13 апреля 1891

XX

За горами, песками, морями —
Вечный край благовонных цветов,
Где, овеяны яркими снами,
4 Дремлют розы, не зная снегов

Но красы истомленной молчанье
Там на все налагает печать,
И палящего солнца лобзанье
8 Призывает не петь, а дышать.

Восприяв опьянения долю
Задремавших лесов и полей,
Где же вырваться птичке на волю
12 С затаенною песнью своей?

И сюда я, где сумрак короче,
Где заря любит зорю будить,
В холодок нашей северной ночи
16 Прилетаю я петь и любить.

280
Середина апреля 1891.
Москва

XXI Марианне Федоровне Ванлярской

при получении визитной карточки с летящими ласточками

Мечтам покорствуя отважным,
Несусь душой навстречу к ним
и Вашим ласточкам бумажным
4 Не меньше рад я, чем живым.

Они безмолвны, не мелькают
Крылом проворным, но оне,
Подобно Вам, напоминают
8 Красой воздушной о весне.

281
23 апреля 1891

XXII

Роящимся мечтам лететь дав волю
К твоим стопам
Тебя никак смущать я не дозволю
4 Любви словам.

Я знаю, мы из разных поколений
С тобой пришли,
Несходных слов и разных откровений
8 Мы принесли.

Перед тобой во храмине сердечной
Я затворюсь
И юности, ласкающей и вечной,
12 В ней помолюсь.

282
14 мая 1891

XXIII

Я говорю, что я люблю с тобою встречи
За голос ласковый, за нежный цвет ланит,
За блеск твоих кудрей, спадающих на плечи,
4 За свет, что в глубине очей твоих горит.

О, это все — цветы, букашки и камня,
Каких ребенок рад набрать со всех сторон
Любимой матери в те сладкие мгновенья,
8 Когда ей заглянуть в глаза так счастлив он!

283
29 мая 1891

XXIV Фонтан

Ночь и я, мы оба дышим,
Цветом липы воздух пьян,
И, безмолвные, мы слышим,
Что, струей своей колышим,
5 Напевает нам фонтан.

Я, — и кровь, и мысль, и тело, —
Мы — послушные рабы:
До известного предела
Все возносимся мы смело
10 Под давлением судьбы.

Мысль несется, сердце бьется,
Мгле мерцаньем не помочь;
К сердцу кровь опять вернется,
В водоем мой луч прольется,
15 И заря потушит ночь.

284
7 июня 1891

XXV На смерть Бразникова

Взвод, вперед, справа по три, не плачь!
Марш могильный играй, штаб-трубач!
Словно ясная тучка зарей,
4 Ты погаснул, собрат молодой!
Как печаль нам утешить свою,
Что ты с нами не будешь в строю?
Гребень каски на гробе ведь наш,
8 Где с ножами скрестился палаш.
Лишь тебя нам с пути не вернуть!
Не вздохнет молодецкая грудь,
И рука, цепenea, как лед,
12 На прощанье ничьей не пожмет.
Но, безмолвный красавец, в гробу
Ты дрожащую слышишь трубу,
и тебе и в земле не забыть,
16 Как тебя мы привыкли любить.
Взвод, вперед, справа по три, не плачь!
Марш могильный играй, штаб-трубач!

285
2 июня 1845

XXVI

Давно в любви отрады мало:
Без отзыва вздохи, без радости слезы;
Что было сладко, — горько стало,
4 Осыпались розы, рассеялись грезы.

Оставь меня, смешай с толпою!
Но ты отвернулась, а сетуешь, видно,
И все еще больна ты мною...
8 О, как же мне тяжело и как мне обидно!

286
24 июня 1891

XXVII Королеве эллинов Ольге Константиновне

11 июля 1891

Когда-то Ольга душу живу
У греков в вере обрела
И райский кедр и божью ниву
4 На север с юга привлекла.

И вот прошло тысячелетье,
И над полуночной страной
Склонилось древа жизни ветье
8 Неувядающей весной.

Среди духовного посева,
В веках созревшего опять,
Несет нам Ольга-королева
12 Красу и божью благодать.

Полней семья ее родная,
И снова восхищает взор
И Ольга, царственно благая,
16 И вестник счастья Христофор.

287

XXVIII

О, как волнуюсь я мыслию больною,
Что в миг, когда закат так девственно хорош,
Здесь на балконе ты, лицом перед зарею,
4 Восторга моего, быть может, не поймешь!

Внизу — померкший сад уснул. Лишь тополь дальний
Все грезит в вышине и ставит лист ребром,
И зыблет, уловя денницы блеск прощальный,

8 И чистым золотом и мелким серебром.

И верить хочется, что все, что так прекрасно,
Так тихо властвует в прозрачный этот миг,
По небу и душе проходит не напрасно,
12 Как оправдание стремлений роковых.

288
18 августа 1891

XXIX Петру Ильичу Чайковскому

Тому не лестны наши оды,
Наш стих родной,
Кому гремели антиподы
4 Такой хвалой!

Но, потрясенный весь струнами
Его цевниц,
Восторг не может и меж нами
8 Терпеть границ.

Так пусть надолго музы наши
Хранят певца,
И он кипит, как пена в чаше
12 И в нас сердца!

289
18 августа 1891

XXX

В. к. Константину Константиновичу

Не сетуй, будто бы увяла
Мечта, встречавшая зарю,
И что давно не призывала
4 Тебя богиня к алтарю!

И сам ты — храм любвеобильный,
И усладительной волной
В него влетает зов всеильный,
8 Колебя свод его живой.

Пускай чредой неутомимой
Теснятся трудовые дни,
Но помним мы, что там, незримый,
12 Орган безмолвствует в тени.

Когда затихнут на мгновенье
И блеск, и шум, тогда лови
И мир души, и вдохновенье,
16 И нам запой слова любви!

290
24 августа 1891

XXXI

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
4 Умчаться стаей за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь зануть;
И в ночь краснеет лист кленовый,
8 Что, жизнь любя, не в силах жить.

291
7 сентября 1891

XXXII Месяц и роза

Он

Встал я рано над горой,
Чтоб расцвет увидеть твой,
И гляжу с мольбой всю ночь.
Ты молчишь, не гонишь прочь,
5 Но навстречу мне твой куст
Не вскрывает алых уст.

Она

Не сравнится вздох ничей
С чистотой твоих лучей!
Но не им будить меня:
10 Жду — лобзаний жарких дня,
Жду — венчанного царя;
Для него таит заря
Благовонные красы
Под алмазами росы.

292
25 сентября 1891

XXXIII На погребение в. к. Александры Георгиевны

18 сентября 1891

Там, где на красные ступени
У гроба, где стоите Вы,
Склонялись царские колени
4 И венценосные главы,

Немееет скорбь, сгорают слезы,
Когда, как жертва убрана.
Нежней и чище вешней розы, —
8 Сама безмолвствует она.

Лишь миг цвела она меж нами
С улыбкой счастья в тиши,
Чтоб восприяли мы сердцами
12 Весь аромат ее души.

Нам не поведал ангел света
Зачем, когда переносил
К нам райский цвет он в час расцвета,
16 Его он в бездну уронил.

Иль, полным благодатной силы
Цветку расцвести в руке творца,
Чтобы скорбящих у могилы
20 Родные врачевать сердца?..

293

XXXIV

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело.
4 Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом все гудет и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу! Там, в дали, неожиданно слышится
8 Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что мне листы!
Кажется, издали странника бедного
12 Нежно приветствуешь ты.

294
4 ноября 1891

XXXV Почему

Почему, как сидишь озаренной.
Над работой пробор наклона,
Мне сдается, что круг благовонный
4 Все к тебе приближает меня?

Почему светлой речи значенья
Я с таким затрудненьем ищу?
Почему и простые реченья
8 Словно томную тайну шепчу?

Почему как горячее жало
Чуть заметно впивается в грудь?
Почему мне так воздуха мало,
12 Что хотел бы глубоко вздохнуть?

295
3 декабря 1891

XL На серебряную свадьбу Екатерины Петровны Щукиной

4 февраля 1874 года

Ты говоришь: день свадьбы, день чудесный,
День торжества и праздничных одежд!
Тебе тот путь не страшен неизвестный,
4 Где столько гибнет радужных надежд.

Все взоры — к ней, когда, стыдом пылая,
Под дымкою, в цветах и под венком
Стоит она, невеста молодая,
8 Пред алтарем с избранным женихом.

Стоит она и радостна и сира.
Но он клялся, он сердцем увлечен!
Поймет ли мир все скрытое от мира
12 Весь подвиг долга и любви? А он?

Он понял все, чем сердце человека
Гордится втайне. Дайте мне фиал!
Воочию промчалась четверть века,
16 И свадьбы день серебряной настал.

И близкий — здесь, и тот — перед родною,
Кого судьба умчала далеко;
У всех в глазах признательной слезою
20 Родимое сказалось молоко.

Судьба всего послала полной чашей.
Чего желать? Чего искать душой? —
Дай бог с четой серебряною нашей
24 Нам праздновать день свадьбы золотой!

296

Du sagst: ein schöner Tag mit Pomp und Regen,
Der Hochzeits Tag, voll Freude und Genuss!
Es bangt der nicht vor jenen dunklen Wegen,
4 Wo manche lichte Hoffnung schwinden muss.

Die Augen aller sind ihr zugewendet,
Wenn mit dem Schleier sich ihr Kranz vereint,
Und sie, errothend und vom Gluck geblendet,
8 Als junge Braut vor dem Altar erscheint.

Da steht sie schwebend zwischen Freud und Sorgen.
Doch er? Er schwor! Er, ihrer Zukunft Wehr!
Kennt wohl die Welt, was vor der Welt verborgen?
12 Den Kampf der Liebe und der Pflicht? Und or?

Er hat erkannt, was jeder Mensch bewundert,
Was jeder schätzt. Trinkt auf ihr Wohl und Gluck!
Verflossen ist ein Viertel vom Jahrhundert,
16 Und silbern kommt die Hochzeit ihm zuruck.

Hier stohn sie all'die Tochter end die Bohne,
Obgleich von Weitem mancher zugeeilt,
In jedem Aug' Verklaret sich in Thrane
20 Die Milch, die einst die Mutterbrust vertheilt.

Voll ist das Gluck, das einzige, das Wahre. —
Was noch fur Wunsche Jemand bringen mag?
O, gib uns Golt bei diesem Silber-Paare
24 Zu feiern eins! der goldnen Hochzeit Tag!

XLI Графине Наталье Михайловне Соллогуб

О, Береника! Сердцем чую
Заочный блеск и власть красы
И помню россыпь золотую
4 Твоей божественной косы.

Не нам, с волненьями земными,

К ее разливу припадать!
Ей место — с песнями твоими
8 Между созвездьями сиять.

Ну, что за добрая догадка —
Вдруг "отче" молвить мне шутя!
Так по головке умной сладко
12 Погладить дивное дитя.

297
28 января 1892

XLII

Не отнеси к холодному бесстрастью,
Что на тебя безмолвно я гляжу;
Ступенями к томительному счастью
4 Не меньше я, чем счастьем, дорожу.

С собой самим мне сладко лицемерить,
Хоть я давно забыл о всем ином;
И верится, и не хочу я верить,
8 Что нет преград, что мы одни вдвоем.

Мой поцелуй, и пламенный и чистый,
Не вдруг спешит к устам или щеке:
Жужжанье пчел над яблонью душистой
12 Отрадней мне — замолкнувших в цветке.

298
15 февраля 1892

XLIII

Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть;
Не могу, наперекор привычке,
4 Как войдешь, хоть молча не вздохнуть.

Ты не вспыхнешь, ты не побледнеешь,
Взоры полны тихого огня;
Больно видеть мне, как ты умеешь
8 Не видать и не слышать меня.

Я тебя невольно беспокою,
Торжество должна ты искупить:
На заре без туч нельзя такую
12 Молодой и лучезарной быть!

299
16 февраля 1892

XLIV

Все, что волшебнo так манило,
Из за чего весь век жилось,
Со днями зимними остыло
4 И непробудно улеглось.

Нет ни надежд, ни сил для битвы,
Лишь, посреди ничтожных смут,
Как гордость дум, как храм молитвы,
8 Страданья в прошлом восстают.

300
28 февраля 1892

XLV

Рассыпаясь смехом ребенка,
Явно в душу мою влюблены,
Пролетают прозрачно и звонко
4 Надо мною блаженные сны.

И, мгновенной охвачен истомой,
Снова молодость чую свою;
Узнаю я и голос знакомый
8 И победный призыв узнаю.

И, когда этой песне внимаю,
Окрыленный восторгом, не лгу,
Что я все без речей понимаю
12 И к чему призывает — могу.

301
18 марта 1892

XLVI

Когда, смущенный, умолкаю,
Твоей суровостью томим.
Я все в душе не доверяю
4 Холодным колкостям твоим.

Я знаю, иногда в апреле
Зима неожиданно набежит,
И дуновение метели

8 Колючим снегом закружит.

Но — миг один, и солнцем вешним
Согреет юные поля,
И счастьем светлым и нездешним
12 Дохнет воскресшая земля.

302
26 марта 1892

XLVIII

Она ему — образ мгновенный,
Чарующий ликом своим;
Он — помысл ее сокровенный;
4 Да кто это знает, да кто это выскажет им?

И, словно велением рока,
Их юные крылья несут...
Так теплится счастье далеко,
8 Так холоден ближний, родимый приют!

Пред ним — сновидение рая,
Всевластный — над ней серафим;
Сгорает их жизнь молодая...
12 Да кто это знает, да кто это выскажет им?

303
3 апреля 1892

XLIX

Ночь лазурная смотрит на скошенный луг,
Запах роз над балконом и сена вокруг;
Но за то ль, что отрады не жду впереди,
4 Благодарности нет в истомленной груди!

Все далекий, давнишний мне чудится сад:
Там и звезды крупней, и сильнее аромат,
И ночных благовоний живая волна
8 Там доходит до сердца, — истомы полна.

Точно в нежном дыханье травы и цветов
С ароматом знакомым доносится зов,
И как будто вот-вот кто-то милый опять
12 О восторге свиданья готов прошептать.

304
12 июня 1894.

L

Барашков буря шлет своих,
Барашков белых в море,
Рядами ветер гонит их
4 И хлещет на просторе.

Малютка, хоть твоя б одна
Ладья спастись успела,
Пока всей хляби глубина,
8 Чернея, не вскипела!

Как жаль тебя! Но об одном
Подумать так обидно,
Что вот за мглою и дождем
12 Тебя не станет видно.

305
26 августа 1893

LI

Тяжело в ночной тиши
Выносить тоску души
Пред безглазым домовым,
Темным призраком немым, —
5 Как стихийная волна
Над душой одна вольна.

Но зато люблю я днем,
Как замолкнет все кругом,
Различать, раздумья полн,
10 Тихий плеск житейских волн.
Не меня гнетет волна,
Мысль свежа, душа вольна;
Каждый миг сказать хочу:
"Это — я!" Но я молчу.

306
15 сентября 1892

LII

"Дай-ка няне ручки-крошки, —
Поглядеть на них персты, —
Что, на кончиках дорожки

4 Не кружками ль завиты?

Ах, последний даже пальчик
Без кружка, дитя мое!.."
Вот заплакала, — и мальчик
8 Плачет, глядя на нее...

307

ЛИІІ

*В. к. Елисавете Маврикиевне
и в. к. Константину Константиновичу
на милостивые строки от 21 октября*

Когда дыханье множит муки
И было б сладко не дышать,
Как вновь любви расслышать звуки,
4 И как на зов тот отвечать?

Привет Ваш — райскою струною
Обитель смерти пробудил,
На миг вскипевшею слезою
8 Он взор страдальца остудил.

И на земле, где все так бренно,
Лишь слез подобных ясен путь:
Их сохранит навек нетленно
12 Пред Вами старческая грудь.

308

23 октября 1892

ЛИV В альбом Марье Петровне Боткиной Светлое Воскресенье

Победа! Безоружна злоба!
Весна! Христос встает из гроба!
Чело огнем озарено.
Все, что манило, обмануло
И в сердце стихнувшем уснуло, —
6 Лобзаньем вновь пробуждено.

Забыв зимы душевный холод,
Хотя на миг — горяч и молод,
Навстречу сердцем к Вам лечу;
Почуя неги дуновенье,
Ни в смерть, ни в грустное забвенье
12 Сегодня верить не хочу.

309
8 апреля 1857

LV Марье Петровне Шенгиной

Ты все стихи переплела
В одну тетрадь не без причины:
Ты при рожденье их была,
4 И ты их помнишь именины.

Ты различала с давних пор,
Чем правит муза, чем супруга;
Хвалить стихи свои — позор,
8 Еще стыдней — хвалить друг друга.

310
28 января 1888 года.
Москва

Алмаз

Не украшать чело царицы,
Не резать твердое стекло, —
Те разноцветные зарницы
4 Ты рассыпаешь так светло.

Нет! За прозрачность отраженья,
За непреклонность до конца,
Ты призван — разрушать сомненья
8 И с высоты сиять венца.

311
9 февраля 1888.
Москва

Теснее и ближе сюда!
Раскрой ненаглядное око!
Ты — в сердце с румянцем стыда,
4 Я — луч твой, летящий далеко.

На горы во мраке ночном,
На серую тучку заката,
Как кистью, я этим лучом
8 Наброшу румянца и злата.

Напрасно холодная мгла,
Чернея, все виснет над нами, —
Пускай и безбрежность сама
12 От нас загорится огнями...

312
4 сентября 1888.
Воробьевка

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

В настоящем разделе приводятся варианты печатных прижизненных изданий, автографов и авторизованных текстов поэта. Стихотворения, находящиеся в тетрадах поэта, как правило, носят на себе следы многослойной и разновременной правки. Записав стихотворение в тетрадь, Фет для публикаций в последующие годы не переписывал его заново, а правил уже имевшийся текст здесь же, в тетради. В настоящем издании сделана попытка воспроизвести как можно полнее (там, где это удалось расшифровать) *последовательность* правки в разные годы. Последовательность слоев указывается в вариантах обозначением около строк: а, б, в... Если последний слой правки совпадает с публикуемым текстом "Вечерних огней", он не приводится, а при предшествующем варианте ставится звездочка (*). Она указывает, что стихотворение *здесь же*, в тетради (а не в корректуре и, возможно, не без влияния редактора) было доработано окончательно для публикации в "Вечерних огнях". Возвращаясь в разные годы к одному и тому же стихотворению, Фет зачеркивал ранний вариант отдельных строк и вписывал новый. Воспроизводя последовательность слоев, мы, однако, не отмечаем графически, что вариант был зачеркнут и лишь для *черновой* правки вводим знак вычерка — квадратные скобки. Они указывают, что это был черновой вариант, "поисковый", отвергнутый Фетом сразу же в процессе создания стихотворения и не вошедший в окончательный текст даже ранней редакции (подробнее см. в примечаниях). Выявление последовательности слоев по почерку, чернилам и пр. является чрезвычайно сложным делом, и в некоторых случаях не исключена доля предположения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЛП — "Лирический пантеон" А. Ф.&eta>. М., 1840.
Изд. 1850 г. — Стихотворения А. Фета. М., 1850.
Изд. 1863 г. — Стихотворения А. Фета, чч. I-II, М., изд. К. Солдатенкова, 1863.
ВО1 — "Вечерние огни". Собрание неизданных стихотворений А. Фета. М., 1883.
ВО2 — "Вечерние огни". Выпуск второй неизданных стихотворений А. Фета. М., 1885.
ВО3 — "Вечерние огни". Выпуск третий неизданных стихотворений А. Фета. М., 1888.
ВО4 — "Вечерние огни". Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. М., 1891.
Изд. 1894 г. — Лирические стихотворения А. Фета в двух частях. СПб., 1894.
Изд. 1901 г. — Полное собрание стихотворений А. Фета. Под ред. Б. В. Никольского, тт. I-III, изд. А. Ф. Маркса, 1901.
Изд. 1939 г. — А. Фет. Полное собрание стихотворений. Вступ. статья, редакция и подготовка текста Б. Я. Бухштаба. — "Библиографический журнал", большая серия, Л., "Советский писатель", 1959.

*

Г. Ф. — К<винт> Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. А. Фета. СПб.,

1883.

Мои восп. — А. Фет. Мои воспоминания (1884-1889), чч. I-II, М., 1891.

Ранние годы — А. Фет. Ранние годы моей жизни. М., 1893.

*

Ледоход — Б. Садовской. Ледоход. Пг., 1916.

ЛН — Сборники "Литературное наследство".

Толстой — Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, тт. I-XC (Юбилейное издание). М.—Л., Гослитиздат, 1928-1959.

Толстой. Переписка. — Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. М., ГИХЛ, 1962.

Тургенев — И. С. Тургенев. Полное собр. сочинений и писем. Письма. М. — Л., Изд. "Наука", 1961-1968.

Хрон. указ. — "Хронологический указатель". В кн. Полное собр. стихотворений А. Фета. Под ред. Б. В. Никольского, т. III, СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1901.

*

Б д Ч — "Библиотека для чтения".

ВЕ — "Вестник Европы".

МГЛ — "Московский городской листок".

МИГ — "Московская иллюстрированная газетка".

Москв. — "Москвитянин".

Моск. вед. — "Московские ведомости".

ОЗ — "Отечественные записки".

РВ — "Русский вестник".

РО — "Русское обозрение".

РР — "Русская речь".

РС — "Русское слово".

Сборник "Нивы" — "Сборник стихотворений, романов, повестей и рассказов" (Приложение к журн. "Нива" на 1890 г.), СПб.

Совр. — "Современник".

Album — "Album de madame Olga Kozlow". М., 1883.

*

ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ГВЛ — Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ПД — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный Государственный Архив литературы и искусства (Москва).

ГМТ — Государственный Музей Л. Н. Толстого (Москва).

*

Тетр. I — Рукописная тетрадь Фета (1854-1859 гг.) ПД, ф. 14166. LXXVIII б. 10

Тетр. II — Рукописная тетрадь Фета (1859-1885 гг.) ПД, ф. 14167. LXXIX б. 1

Тетр. ГБЛ — Рукописная тетрадь Фета (ГБЛ, ф. 315. 1, 28).

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Элегии и думы

"Не первый год у этих мест..." (стр. 8)

1 Не [в] первый [раз] у этих мест *

13-15а Несусь, куда-то вдаль спеша,

Но всё витает над гробами

Непостижимая душа.

Автограф-тетр.
13-15б Несусь, куда-то вдаль спеша *,
И жизнь зовет меня, — и с вами *
Не разлучается душа. *
Автограф-тетр. РВ

"Томительно-призывно и напрасно..." (стр. 9)

1 Бесцельно, бесполезно и напрасно *
3 Восторг любви будил он самовластно
Автограф-тетр., Заря
4а [Но сердца сжечь блаженством не успел)
Автограф-тетр.
4б-5 Но полночи мирской не одолел *
Пускай клянут, смущался и споря
8 Разутою, не тонущей ногой
10-12а Его огонь со мною не умрет,
И кто любил, хоть искру золотую
В моем гробу остынувшем найдет.
Автограф-тетр., Заря
10-12б Он мой — и с ним двойное бытие
Вручила ты — и я, я торжествую!
Мне хоть на миг бессмертие твое.
Автограф-тетр.

"Ты отстрадала, я еще страдаю..." (стр. 10)

7а Как не цвести властительному маю
Автограф-тетр.,
письмо (ГМГ). РР
7б Как не цвести живительному маю *
Автограф-тетр.
9 Тех звезд уж нет, — и мне не страшны гробы *
Автограф-тетр.
письмо (ГМТ) РР
11 И не судя ни глупости, ни злобы
Письмо (ГМТ)
11 И не страшась ни глупости, ни злобы
РР

Alter ego (стр. 11)

3а И была ль от кого-то победа и чья
Автограф-тетр.
3б И была ль от кого тут победа и чья
Автограф-тетр., письмо (ГМТ),
автограф (ГБЛ). Огонек. РР
6а Чем мне [вещая] сила сказаться дала

Автограф-тетр.
6б Чем мне тайная сила сказаться дала *
Автограф-тетр., письмо (ГМТ)
15 Он сумеет нас сразу в толпе отличить
РР

Смерть (стр. 12)

3 А мысль была: что это лед мгновенный *
Автограф-тетр.
6 Опора где? чтоб руку к ней простерть?
Автограф-тетр., письмо (ГМТ)
9-10 Слепцы не знают сами: где дорога *
И верят чувствам, их поводырям *
Автограф-тетр.
Среди звезд (стр. 13)
6 Излишне средь [скудных] нужд земных *
10 Ты думы вечной уловляешь тень *
Автограф-тетр., письмо (ГМТ)

"Измучен жизнью, коварством надежды..." (стр. 14-15)

17 И всё, что мчится [в пустынях] эфира *
23-24 И в этом [сознание] и в этом забвение *
И жить легко и дышать мне не больно
Автограф-тетр.

"В тиши и мраке таинственной ночи..." (стр. 16)

6 И сон сиротлив одинокой [могилы] *
9 И снится ему, что ты встала из гроба *
Автограф-тетр.

26 мая 1880 года. К памятнику Пушкина (стр. 17)

8 Что в них признал бы ты заветного, родного?
Автографы (ГБЛ и ЦГАЛИ)

1 марта 1881 года (стр. 18)

1-2 [В] день искупительного чуда, *
[В] час освящения креста *
8 Начато: Ему злодей *
11 [Затмилось] солнце, вскрылись гробы *
Автограф-тетр.

"Когда Божественный бежал людских речей..." (стр. 19)

5-6 Его, алкавшего, на темя серых скал
Вознес князь мира величавый *
9-11 Признай, что пред тобой. Пади к моим ногам,*
Сдержи на миг полет духовный
Список-тетр.

Ничтожество (стр. 20-21)

14 Чей глаз хоть глянул миг на роковое дно?
19 А я дышу, живу и вижу, что в незнании
21 Но если б, падая в смятении великом *
22а Хотя б младенческой я силой обладал
22б Я, рухнув, силой хоть младенца обладал *
Автограф-тетр.

"Не тем, господь, могуч, непостижим..." (стр. 22)

1 Не тем, господь, велик, непостижим
РВ
3 Что в оный день твой светлый серафим *
Автограф-тетр., автограф (ГБЛ)
9 Нет, ты велик и мне непостижим
РВ
11 Храню в груди, как оный серафим *
Автограф-тетр., автограф (ГБЛ)

Никогда (стр. 23-24)

8 Во [двери] склепа. Можно ль сомневаться *
Автограф-тетр.,
автограф (ЦГАЛИ)
9 Я вижу снег; на входе двери нет
Автограф (ЦГАЛИ), Огонек
31 Куда итти, где и кого обнять
Огонек
33 [Приди] же, смерть, поторопись принять *
Автограф-тетр.

"Жить пронеслась без явного следа..." (стр. 25)

5 И счастье, всё тише, всё ясней *
Автограф-тетр., РВ
7 Так, завершив беспутный свой побег
РВ

11 Сбирается во мраке и в тиши *
12а Глубокой и пушистою постелью
12б Глубокою и девственной постелью
Автограф-тетр.
12в Глубокою и чистою постелью
Автограф-тетр., РВ

Буря (стр. 26)

5 И веселит меня бурун *
9а Как будто страшный дух [зыбей]
9б Как будто страшный дух морской *
10-12 Во мгле возникнув из зыбей, *
Всеоживляющей своей *
Повеял ризой надо мной. *
Автограф-тетр.

После бури (стр. 28)

2 Разлетелась по лазури
Автограф-тетр., Заря
8 Паруса над ним повисли *
Автограф-тетр.

"Вчера расстались мы с тобой..." (стр. 29)

3 [Волна морская бушевала] *
Автограф-тетр.

Море и звезды (стр. 30)

Ранняя редакция
На море ночное мы оба глядели.
Под нами скала обрывалась бездной,
Вдали затихавшие волны белели,
А ночь красотой одевалась звездной.
Бросаясь навстречу движенью двойному,
Мечта отвергала недвижную сушу,
И с моря ночного и с неба ночного
Целебную силою веяло в душу.
Земные утраты, гнетущее горе,
По-своему каждый, мы оба забыли,
Казалось, меня убаюкало море,
Казалось, звезды тебя победили.
Автограф-тетр.
4 А с неба отсталые тучи летели
вместо 11-15 Любуясь раздольем движенья двойного,

Мечта отвергала недвижимую сушу
И с моря ночного и с неба ночного
Целебную силою веяло в душу
Земные утраты, гнетущее горе,
По-своему каждый, мы оба забыли,
Как будто меня убаюкало море,
Как будто бы звезды тебя победили.
РВ

7 Мечта отвергала мертвящую сушу
9 Как будто из краю родного, святого
14 Как будто бы ты позабыла про горе
Автограф-тетр.

"Еще вчера на солнце млея..." (стр. 31)

2 Последним лес шумел листом
16 Туманно и бело кругом
13 Поля молчат, леса унылы *
Автограф-тетр., РВ

"Какая грусть! Конец аллеи..." (стр. 32)

Ранняя редакция
Ты здесь грустишь... Конец аллеи *
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.
На небе ни клочка лазури,
В степи всё гладко, всё бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.
А там в столицах — суетятся. —
Толпа прошла, толпа валит,
И кони фыркают и мчатся,
Швыряя снег из-под копыт.
Там ночи северной и вьюжной
Счастливым — злоба не страшна, —
Хор замер. — Над дубравой южной
Восходит южная луна.
И переполненный святыней,
В кругу жрецов и чистых дев,
Пред целомудренной богиней
Звучит молитвенный напев.
А здесь? — Но блеск однообразный
Былые раздражает сны, —
Я вижу в нем ковер алмазный 1
К нам подступающей весны.
Надеждой робкой сердце бьется 2;
Быть может, вновь, хоть невзначай,

Мне как изгнаннику придется
Увидеть запрещенный рай 3.
Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста,
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.
Автограф-тетр.
1 23б И вижу я ковер алмазный
2 25б Но все надеждой сердце бьется
3 28б Увидеть заповедный рай
4 8б Как немая смерть она *
Автограф-тетр.

У окна (стр. 33)

6 Под листья яркого банана
Автограф-тетр., Заря
8 И пыль жемчужного фонтана
Автограф-тетр.
11 Я рассмотрел хрустальный грот
Автограф-тетр., Заря

"Глубь небес опять ясна..." (стр. 34)

1 Глубь небес [давно] ясна *
Автограф (ГБЛ)
7-8 Спит и так же холодна *
Как в волшебный срок она
Автограф-тетр., автограф (РБЛ)
письмо Толстому ГМТ)
письмо Страхову (ГБЛ)

"Когда вслед весенних бурь..." (стр. 36)

4 И облаков игривый рой
5а Тогда легко и сладко мне
5б Как той порою сладко мне
6 Свергать земли [душистый] прах *
Автограф-тетр.

"Всю ночь гремел овраг соседний..." (стр. 37)

Ранняя редакция
С зари гремел овраг соседний,
Ночь развездилась, как в раю 1,
Весенних вод напор последний
Победу разглашал свою.

Воздушной негой утомленный,
Сном благодатным ты дышал,
Меня ж от ставни отворенной 2
Крик журавлей не отпускал.
Он звал, сулил, — былою ложью
До боли сердце шевеля,
И подо мной весенней дрожью 3
Ходила гулкая земля.
Куда лететь мечтою жадной?
К чему мгновенный сей недуг
Когда ты здесь, мой ненаглядный
Бедами искушенный друг.
1 1-26 Всю ночь гремел овраг соседний,
И было звездно, как в раю
2 76 Меня ж от ставни растворенной
3 116 И подо мною вешней дрожью
1й автограф-тетр.
2 Ручей спешил помочь ручью
Автограф (ПД)
2а Ручей [спешил помочь] ручью
2й автограф-тетр.
2б Ручей, звеня, бежал к ручью
2й автограф-тетр., РВ
9 Лететь к безбрежью, к бездорожью
2й автограф-тетр., РВ
13 Куда лететь душою жадной
15 Когда ты здесь, мой ненаглядный
Автограф (ПД)

"Пришла — и тает все вокруг..." (стр. 38)

2 Всё жаждет счастьем отдаваться *
7-8 И вздохи жизни принесло
Из распахнутых врат эдема
Автограф-тетр., РВ
11 Деревьев юный хоровод *
Автограф-тетр.
15 Как будто сказано и ей *
Автограф-тетр., РВ
17а Нельзя [за бренной суетой]
Автограф-тетр.
17б Нельзя ничтожности людской *
Автограф-тетр., РВ

"Я рад, когда с земного лона..." (стр. 39)

2 [Стремленью к свету] соприсущ *
Автограф-тетр.
4 Зарей кудрявый лезет плющ

Автограф (ГМТ)
5 И тут же, куст родной смущая
9 Не шевельнусь, не беспокою
Автограф-тетр.,
автограф (ГМТ), Огонек

Майская ночь (стр. 40)

Кудрявый их отрезок быстро тает *
Автограф-тетр.

"Я ждал. Невостою-царицей..." (стр. 41)

3-7 И небо светит багрянцей.
И всё ты отдаешь сторицей,
Что осень алчная взяла.
Я дождался. Ты победила, *
О тайне шепчет божество
Автограф-тетр.

"Сияла ночь. Луной был полон сад; лежали..." (стр. 42)

1 [Царила] ночь. Луной был полон сад, — лежали *
Автограф-тетр.
6 Что ты одна любовь и нет любви иной
Письмо (ГМТ)
7a И так хотелось жить, чтоб вечно, дорогая
Автограф-тетр.
7б И так хотелось жить, чтоб только, дорогая
Автограф-тетр., письмо (ГМТ)
11 И [раздается вновь] во вздохах этих звучных *
Автограф-тетр.
15 Как только веровать в ласкающие звуки
Автограф-тетр., письмо (ГМТ)

"Что ты, голубчик, задумчив сидишь..." (стр. 43)

3 То омрачишься, как в ветер река *
Автограф-тетр.
3 То потускнеешь, как в ветер река
Письмо. (ГМТ)
4 То улыбнешься, как в люльке дитя *
Автограф-тетр., письмо (ГМТ)
"В дымке-невидимке..." (стр. 44)
10 Соловей у розы
Автограф-тетр., письмо (ГМТ)

"Одна звезда меж всеми дышит..." (стр. 45)

2 Одна горит *
5 Не суждено нам в мире дружно *
9 [Мы не пойдем к лазурной дали] *
13-16 1-й вариант Чем мы горим, в нас тлеет вечно,*
Хотя б во мгле,
И счастья ищем мы, конечно,
Не на земле.
16б Не от людей
16в Не у других
13-16 2-й вариант Чем мы горим — светить готово
Средь этой тьмы,
И просим счастья иного
С тобою мы
15б И просим счастья земного
15в И просим счастья мирского
Список-тетр.

"Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури..." (стр. 46)

9 О, войди ж в этот мрак и рассмейся, волшебная фея! *
Автограф-тетр.

"Солнце ниже лучами в отвес..." (стр. 47)

3 [Под окраиной] ярких небес *
Автограф-тетр.
4 Распахни мне объятья свои
РВ
11а [Чтоб совсем] в этом море исчез
Автограф-тетр.
11б Чтобы я в этом море исчез
Автограф-тетр., РВ
13 Что раскинул твой влажный навес *
Автограф-тетр.
14 Распахни мне объятья свои
РВ
15 Густолистый, [раскидистый] лес *
Автограф-тетр.

"Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне..." (стр. 48)

4а Шаткие тени бегут укрываться в ложбине
Автограф-тетр.
письмо от 11 апр. (ГМТ)
4б Быстрые тени бегут укрываться в ложбине

Автограф-тетр.
письмо от 16 мая (ГМТ)
4в Быстрые тени вдали улеглись в ложбине
Автограф-тетр., РВ
4г Быстрые тени вдали утонули в ложбине
Автограф-тетр.
9 Можно ли, друг мой, вздыхать о тяжелой
кручине *
Автограф-тетр.,
письма (ГМТ), РВ

"Забудь меня, безумец исступленный..." (стр. 49)

3 Я создана твоей душой влюбленной
Автограф-тетр., письмо (ПД),
автограф (ГБЛ), Совр.
7 Чем ближе ты к мечте твоей воздушной
Письмо (ПД), Совр.
10-11 Луной, подъемля крик *
Бросается — и с влаги возмущенной *
Автограф-тетр.,
письмо (ПД). Совр.

"Как ясность безоблачной ночи..." (стр. 51)

6 Во сне, наяву ли объято
Автограф-тетр.

Romanzero (стр. 52-54)

II.
1a Встречу ль [ясную] в небе зарю
1б Встречу ль [томную] в небе зарю *
2б Ей я про тайну свою говорю*
Автограф-тетр.
III.
3a Стою и не слышу земли под собою
3б Стою как овеванный жизнью иною*
Автограф-тетр.

Горячий ключ (стр. 56)

9 Начато: [Вдруг притих]...
Автограф-тетр.
16 И напрасной *
Автограф-тетр., Заря

Осенью (стр. 58)

Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней,
И под окошком селянина
Церковный благовест слышней,
Когда немая тайна внятно
К нам в душу просится сама,
И так близка и так понятна
Пред нами вечность и зима.
Автограф-тетр.

"В душе, измученной годами..." (стр. 59)

4 В блаженство посылалось нам *
6 Про этот девственный тайник *
8 Чем разболтает мой язык *
Автограф-тетр., письмо (ПД)
Нежданный дождь (стр. 60)
5 Нависнул дождь, как легкий дым
11а Скажи со мною: воли нет
11б Чего ищу — того и нет
11в Чего мы ждем — того и нет
13 Раздвинул пеструю дугу *
Автограф-тетр.

Ключ (стр. 61)

1-4 Меж селеньем и лесом нагорным *
Вьется светлого лентой река,
А на храме за лугом узорным *
Яркий крест озарил облака *.
7 Точно вестью над влагой прохладной *
12 В реве стад и в плесканье вальков *
Автограф-тетр.

"Чем безнадежнее и строже..." (стр. 62)

1 [Чем безнадежней, отдаленней] *
4 Дитя! с тобой прожитый час *
9-10 Не в силах я унять мятежность
Ревнивых дум и скрыть печаль —
12 Глазам толпы покинуть жаль *
13 Я знаю, мир не даст ответа
Автограф-тетр.

Сонет (стр. 63)

4 [Людей] великих имена *
Автограф-тетр.
9 В тиши таинственного храма
Автограф-тетр., РВ
13-14 [За думой чистой и свободной*
Глубоким вздохом их дышать] *
Автограф-тетр.

"Толпа теснилася. Рука твоя дрожала..." (стр. 64)

3 "Я помню, завтра..." — ты невнятно прошептала
Автограф (ГБЛ), Заря

"Встает мой день, как труженик убогой..." (стр. 65)

4-6 Мы сердцем врозь — тебе не до меня
[Но всходит ночь, чтоб одолеть прохладу,*
И гасит сон в руке дрожащей дня] *
7-9а [Своим сияньем бледную лампаду.
Окружена живительным огнем,
Ты мне несешь участие и отраду]
7-9б [Своим сияньем тихую лампаду.*
Приветливым окружена огнем *
Сама меж нас ты рушаешь преграду]*
Автограф-тетр.

"Как нежишь ты, серебряная ночь..." (стр. 66)

3 О! окрыли и взлет ее упрочь *
4а Над бездной неизбежною могилы
4б Весь этот тлен холодный и унылый
7 Как океан сверкают небеса
Автограф-тетр.

"Блеском вечерним овеяны горы..." (стр. 67)

6 Сдвинулись кровель уютные гнезды
РВ
После 8 Грудь истомилась от дальней дороги,
Кости изныли и члены сомлели.
Уж донесите, усталые ноги!
Близок ваш отдых на мягкой постели.
Автограф-тетр., РВ
9-12 Кто же мне шепчет коварным смутьяном * 1
"В милую дверь постучишь ли удачно? *

Что, если там, в атом мире румянном, *
Станет, как здесь же, и сыро и мрачно?" *
Автограф-тетр.
1 9 [Кто же зловещим прокаркнул мне враном]
Автограф-тетр.

"Кому венец; богине ль красоты..." (стр. 68)

6-7 В пылинке он питает жизнь и множит;
И что один твой скажет райский взгляд
Автограф-тетр. РВ

"Напрасно..." (стр. 69-70)

1-5 Мне грустно!
Куда ни пойду я — встречаю везде неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязан изустно —
Тебе улыбаюсь, но внутренне горько я плачу:
Мне грустно!
8 А часто — нам выразить все их — достаточно
звука
13 Она-то продлит и она-то удвоит страданье
16-20 Не нами, —
Болезненным чувством речам установлены цены:
Те прожиты чувства, те сказаны речи веками...
Но очередь наша, и кончатся грустные смены
Не нами.
23 В душе человека до них бы добраться довольно, —
Москв.
Мне стыдно!
1-5 Куда ни пойду я, встречаю везде неудачу,
И пылкому сердцу во лжи сознаваться обидно.
Тебе улыбаюсь, а внутренне горько я плачу.
Мне стыдно.
16-22 Не нами.
Болезненным словом измерена степень страданий 1
Изведаны муки и найдены речи веками.*
Но очередь наша и кончится ряд испытаний *
Не нами.*
Но больно,*
Что жизни веленья наклонностям чистым враждебны *
Автограф-тетр.
1 176 Бессилье измерено слов к выраженью страданий
8 А часто, чтоб выразить все их — достаточно звука
24 Нет! Вырвать и бросить! Те раны, быть может целебны
Список-тетр.

Купальщица (стр. 71)

1 Веселый плеск в реке меня остановил *
3 Ее надменный лик, — он двигался, он плыл *
Автограф-тетр., БдЧ
4 Я голову узнал с тяжелою косою *
9 Она явилась мне на миг во всей красе *
Автограф-тетр.
10-12 Вся дрожью легкою объята и невольной, *
Так пышут холодом на утренней росе
Упругие листы у розы центифольной *
Автограф-тетр., ВдЧ

"Напрасно ты восходишь надо мной..." (стр. 72)

3 И, юностью блистая заревой
6 Над каменным погаснувшим Мемноном *
7 На страстные приветствия зари
Автограф-тетр.

Роза (стр. 73)

2 Соловьи давно пропели *
Автограф-тетр., РВ
19 Ни Киприда бы, ни Геба
РВ
21 И с бессмертьем на челе
Автограф-тетр., РВ
Тополь (стр. 74)
2 С унынием в душе [смотрю] вокруг *
Автограф (ГБЛ)
3 Последний лист растоптан под ногами *
Автограф (ГБЛ),
письмо (ГМТ), РС
5-6 Лишь ты один, со смертью общей споря, *
Темно-зеленый тополь, не увял *
Автограф (ГБЛ), РС

"Только встречу улыбку твою..." (стр. 75)

5-12а Говорят, золотая моя
вместо 5-8 Будто к розе немой без ответа
Вся весенняя страсть соловья —
Только вымысл безумный поэта.
Но над первою розой весны,
В жемчугах уходящего мая,
Так росисты полночные сны,
Так раскатиста песнь зарева.
5-8б Про певца по зарям говорят,

Будто розу влюбленную трелью
Прославлять неумолчно он рад,
Над душистой склонясь колыбелью.
Автограф-тетр.

"Ты видишь, за спиной косцов..." (стр. 76)

2-6а Сверкнула сталь в закате ярком,
И поздний дым от их котлов
Упитан праздничным приварком
Автограф-тетр., РВ
2-6б Сверкнула сталь лучом багровым *
И поздний пар от их котлов *
Упитан ужином здоровым *
Автограф-тетр.
7-8а Прощальных взрывов не тая,
За [лесом] тонет дня светило
Автограф-тетр.
7-8б Лиловым дымом высь поя,*
За рощей тонет дня светило *
Автограф-тетр., РВ
10 Цветов лежит душистой цепью
Автограф-тетр.

Псевдопозэту (стр. 77)

6 Там для стоголавого слепца *
Автограф-тетр.,
автограф (ЦГЛДИ), РВ
10 На этой смрадной площади
Автограф-тетр., РВ
14 По стогнам свой бездушный стих
Автограф-тетр.,
автограф (ЦГАЛИ), РВ
19-20 Где так легко и так привольно
Лишь вольной песне, да орлу
Автограф (ЦГАЛИ), РВ

"С какой я негою желанья..." (стр. 78)

7 Начато. [Так непорочно, так...]
Автограф-тетр.
10а Как сны неслись к душе моей
Автограф-тетр., РВ
10б Моим глазам дрожали в ней
Автограф-тетр.

"Я уезжаю. Замирает..." (стр. 79)

6 Я находить тебя привык *
8 Мой вдруг развяжется язык *
10 И на горе с тропы нагорной *
Автограф-тетр.

"Не избегай; я не молю..." (стр. 80)

3 Своей тоске [ищу] я воли*
5 Хочу душой к тебе лететь *
Автограф-тетр.

"В благословенный день, когда стремлюсь душою..." (стр. 81)

7 Я снова трепещу, тобою просветленный
Автограф-тетр., ОЗ
9 [Пусть] тайной сладостной душа моя мятется *
11 Мне ангел кротости и грусти улыбнется*
Автограф-тетр.

А. Ф. Бржескому (стр. 82)

6 К звездам мечты мои вознес *
8 В него роняла горечь слез *
9-10 Зачем по прихоти мгновенной *
Тревожить сон любви святой! *
Автограф-тетр.

А. Л. Б-ой (стр. 83)

10-11 По-прежнему готова мир обнять,
Напрасный жар! Никто не понимает; *
13 Одна лишь ты! Высокое волненье
Письма (ГБЛ и ГМТ),
Автограф-тетр., Огонек
17 Не жизни жаль! С томительным дыханьем
Огонек

Ей же (стр. 84)

1 Опять весна! Опять сквозят листы *
5 Весна! весна! о, как она живет
Автограф-тетр.
13-14 Прошедшего нельзя нам воротить,
Грядущее и на день неизвестно *

Автограф-тетр.,
письмо (ГМТ)
15 Хоть смерть [близка], а всё же нужно жить *
Автограф-тетр.
16 Рыдать умно и улыбаться честно *
Автограф-тетр.,
письмо (ГМТ)

Гр. Л. Н. Т-у (стр. 85)

15-16 В которых бьется и ключом кипит *
Та кровь, что мы зовем поэзией. — Спасибо.*
Список-тетр.
17 Полакомил ты старого певца
Письмо (ГМТ)

Гр. А. К. Т-у в деревне Пустыньке (стр. 86)

13 Царицу мысли и стыда
15 И пусть в тиши, вдали от света
Автограф (ГБЛ), список-тетр.

Федору Ивановичу Тютчеву (стр. 87)

1 [Спешу любимый мой] поэт *
Автограф-тетр.

Ему же (стр. 88)

4 [Опаляет тружеников нивы] *
5-6а [Рабы забот, мы вновь пришли
Склоняясь головой покорной]
Автограф-тетр.
5-6б Рабы заботы притекли
Склонять чело на труд упорный
Автограф-тетр., РВ
8 Врезает конь и вол [упорный] *
Автограф-тетр.

С. П. Х-о (стр. 89)

1а Я опоздал. Как я жалею!
1б Я опоздал. И сожалею!
4 Оно кидало к нам лучи
6 Не всю умчал отшедший день *
10 Как пред лицом его стою *

12 Его привет я узнаю *
Автограф-тетр.

Гр. С. А. Т-ой (стр. 90)

1-4a Когда случайно мне, бывало,
Привет свой кинешь наизусть,
Ты на минуту восторгала
Мою рассеянную грусть.
1-4б Когда так ласково кидала *
Привет очей своих мне ты, *
Хотя на миг спугнешь, бывало,
Мои угрюмые мечты.
6 Перед тобой в стенной глуши *
9a Опять тернистей жизни проза
9б Хотя тернистей жизни проза *
13 Пусть меркнет жизнь моя бесследно *
Автограф-тетр.

В альбом К-у (стр. 92)

5 Рассеян рой волшебных грез
Album
6 А в грусти стыдно сознаваться
Автограф-тетр.
7 Ужель остывшей каплей слез
Album

Прекрасная ночь (стр. 93)

14 Но и тысячи за ней *
Автограф-тетр.
Ранняя редакция
Оставляю домик милой,
Нежной девицы души
И спешу с душой унылой
Побродить в ночной глуши.
Лунные лучи пронзают
Свод древесный там и сям,
И березы воссылают
К небу сладкий фимиам.
Как здесь тихо и прохладно
Под навесами ветвей:
Здесь душе моей отрадно
И понятно счастье ей.
Ночь — восторг! — Но месяц ясный,
Тысячи возьми их прочь,
Если мне мой друг прекрасный

Подарит одну лишь ночь.
ЛП

Бертран де Борн (из Уланда) (стр. 97-99)

2 Аутафорт [поверж] во прах *
11 Что с него и половины *
23 Так, из-за кого гнев отчий *
24a Короля был так упорн
24b Короля пылал как горн *
64 Духа вздох лишь ощутил *
Автограф-тетр.

"Ты вся с жемчугах и в алмазах..." (из Гейне) (стр. 100)

6 Я создал волшебную рать *
Список-тетр.

"Дитя, ты детьми еще были..." (из Гейне) (стр. 101-102)

17 [Умели ее о] здоровьи *
23 И все сожалели, что лучше *
28 А денег [так] *
Автограф-тетр.
Ранняя редакция
Дитя, мы были дети
Веселая пара детей;
Мы лазили в курятник в солому, 1
Копались и прятались в ней.
Мы там петухами кричали,
Бывало, кто мимо идет, —
Кукуреку — он думал 2
Что это петух так поет.
На нашем дворе разубрали
Мы ящики всяким добром.
В них жили мы вместе с тобою
И пышный устроили дом.
Соседская старая кошка
Бывала из чистых гостей 3
Мы кланялись и приседали
Всегда с комплиментами ей.
Старались как можно любезней
Ее о здоровье спросить.
С тех пор приходилось нам тоже
Не раз старым кошкам твердить.
Как старые люди мы сами
Вели разговор иногда
Твердя с сожаленьем, что лучше

Все было за наши года. 4
Что веры, любви и чести
Не знает теперешний свет,
Что страшно стал дорог кофе,
А денег и вовсе нет.
Промчались детские игры,
Куда всё умчалось, бог весть —
И свет, и деньги, и время,
Любовь, и вера, и честь.
Автограф-тетр.
1 3-66 Любили в курятник и солому
Мы лазить и прятаться в ней.
2 76 Кукуреку — он уверен
3 146 Бывала одной из гостей
4 23-246 Вздыхая о том, что все лучше
Выпало за наши года.

Боги Греции (из Шиллера) (стр. 103-107)

84 До богов бессмертных мог дойти *
Автограф-тетр.

Подражание восточным стихотворцам (из Саади) (стр. 108)

6 Пройди молчаньем жизнь — она ничто *
Автограф-тетр.

"Если ты меня разлюбишь..." (из Рюккерта) (стр. 109)

5 Не в моей лишь было б власти *
7 И ее мне полюбить *
Автограф-тетр.

"Пусть бы люди про меня забыли..." (из Рюккерта) (стр. 109)

3 [Пусть] с тобой мы так же мирно жили *
4 Как я тебе желаю жить блаженно*
5 Чтоб мы им настолько ж были нужны *
Автограф-тетр.

"Как мне решить, о друг прелестный..." (из Рюккерта) (стр. 109-110)

2 Кто больше властью: я иль ты? *
Автограф-тетр.

Песни кавказских горцев I. "Станет насыпь могилы моей просыхать..." (стр. 112)

1 Станет [дерн на могиле] моей [подсыхать] *
Список-тетр.

II. "Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой..." (стр. 112)

4 [Я ль тебя не] топтал [под копытом] коня *
Список-тетр.

III. "Выйди, мать, наружу, посмотри на диво..." (стр. 112-113)

7-8a У всего на свете свой обычный срок
И тебе влюбленной чудится цветок
Список-тетр.
7-8б Говорить по правде, влюблена-то ты *
Так тебе зимою чуждятся цветы *
Автограф-тетр.

"Будь, Феокрит, о прелестнейший, мной упомянут с хвалою..." (Из Мерики) (стр. 125)

1 Будь, Феокрит, о прелестнейший, мной упомянут с хвалами *
5-7 Праздно сидят опять они в скудном доме поэта *
Грустно склоняя чело к сгибу холодных колен *
Или мне деву яви, когда иступленный стр[асте] *
9 Или воспой молодого Геракла, которому
[люлькой] *
12 Скромный же па[стырь] *
Автограф-тетр.

"Тот богоравный был избран судьбою..." (из Катулла) (стр. 126)

6-7 Смысл весь теряю, как только увижу *
Я тебя, Лезбия, речи напрасной *
8a Звук ненавижу
8б Слова не знаю *
9-10 Молкнет язык мой, нежное пламя *
Льется по членам и [нрзб] начинает *
Автограф-тетр.

Книга любви Овидия I. Элегия (стр. 127-128)

3 [Все были ровны стихи
Между 10 и 11 Кто представляет себе с копьем златовласого Феба.
Марса, напротив того, с лирой богинь Аонид?
Много, мальчик, и так у тебя огромных владений,

Что ж, честолюбец, тебе новых успехов искать?
Или все в мире твое? Твоя Геликона долина?
Может ли Феб называть даже в лиру своей?
Только что первым стихом достойно я начал страницу,
Тотчас же ты на втором силы ослабил свои.
Изд. 1863 г

II. Элегия (стр. 129-531)

17 Злее гораздо палит Амур ему непокорных
22 Я безоружен, меня покорить для тебя не хвала
26 Править запряженных птиц ловкой ты будешь рукой
Изд. 1863 г.

V. Элегия (стр. 132-133)

5 Сумерки также сквозят во след уходящему Фебу
11 Семирамида роскошная так проходила на ложе
Изд. 1863 г.

К. Горация Флакка О поэтическом искусстве К Пизонам (стр. 140-181)

3 Сборные члены; лето заключил бы гадкою черной
6 Верьте, Пизоны, такой картине чрезмерно подобна *
7 Книга, в которой пустые мечтанья как сны у больного *
9 В изображеньи одном. Живописцам равно и поэтам *
15 Тот ли, другой ли лоскут пурпуровый для большего блеска
23 Словом, что вздумаешь делать, да будет и просто и цельно. *
24 Большую часть певцов — о отец и достойные дети *
25 Призрак губит нас совершенства: стараюсь быть кратким *
27 Силу и душу; а этот не важен, а только напыщен *
32 Около школы Эмилия каждый художник сумеет *
35-37 С целым. Явиться таким же, задумав любое созданье *
Я не больше хотел бы, как жить с покривившимся носом *
Быв по черным глазам и по черному волосу взрачен *
42-43 Сила вся и заслуга порядка [коль я не в ошибке] *
В том, чтобы там и сказать, где это сказать было нужно *
46 Можешь понравиться тонким и точным слов сочетаньем *
53a Если в них греческий корень слегка изменен, почему же
Если в них греческий [склад] слегка изменен, почему же *
59a Вновь слова выводить, заклеянные новой печатью
Новое слово вводить, заклеянное новым чеканом *
62-63 А порожденные вновь — зеленеют, покрывшись цветами *
Смертны и мы и все наше: пускай и Нептун, что проникнул *
65-67 Царственный труд; — иль заставить болото, доступное веслам *
И бесплодное, — вдруг питать города и пахаться *
Иль указать реке, с вредоносным для нив направленьем *
78 Тот размер, которым описывать грустные войны *

76-77 Им поздней овладел и восторг исполнений молитвы *
Кто был первым создателем кратких элегий об этом *
79 Яростный гнев Архилоха снабдил оружием ямба *
81-82 Речь вести разговоров удобны — и в шуме народном *
Не теряться и всем соответствовать действию сцены *
84-87 Да кулачных борцов и коней на ристалище первых *
Да задушенное горе влюбленных и чистые вина *
Если я не знаю и удержать не умею *
Правил и плана задачи, за что же и слыть мне поэтом *
90 Оскорбительно также для вкуса будничным строем *
94 И раздраженного Храма уста изрыгают проклятья *
97 Отвергает слона двухаршинные пышного строю *
99 Мало стихам быть красивыми, пусть они сладостны будут *
100 И у слушателей [вполне] управляют по воле сердцами *
104a Телеф или Пелей! а дурно ты исполнишь ролю
Телеф или Пелей! а дурно исполнишь ты ролю *
Автограф-тетр.
106 С грустным совместно лицом,
Г. Ф.
113 Римские всадники и пе[шиходы] хохот подымут *
124 Ио беспомощна, грустен Орест, Иксион злонамерен *
128-130 Трудно всеобщее выразить лично. Ты с большим успехом *
Можешь песнь Илиады разбить на акты, чем вывести *
Первому то, о чем никто не слышал и не знает *
132 Если в [плоскости] пошл[ой] низко не будешь возвращаться *
138 Чем хвастун оправдает такой обещающий возглас? *
140 Как безупречен, напротив, тот, кто скромно вещает
147 Мелеагра, иль с парных яиц — Троянские битвы*
157 Лет подвижных и зрелых равно держаться оттенков *
164 Поздно полезное он провидит, деньги бросает *
179 Действия или выводит на сцену, иль только в рассказе *
181 Чем все то, что увидя глазами верными, зритель *
188 Хоть покажи ты мне все, — [не поверю тебе] *
293 Роли мужской значенье и место пусть занимает *
200 Пусть [сохр] он тайну *
202 Флейта еще не была изукрашена медью и звуком *
204-205 Было ей впору как раз вести и поддерживать хоры *
Звуки свои разнося еще до не тесных скамеек *
212-214 Что же и люд понимать селянин невежда и праздный *
Тут [слившись] в одно с гражданином, — низкий с достойным? *
Так искусству старинному придать движенье, и роскошь *
220a Прежний, из-за козла ничтожного, автор трагедий *
220b Прежний, кто на дрянного козла состязался в писаньи трагедий. *
227-228 Чтоб какой-либо Бог, иль герой, выходящий на сцену *
В царственно-золотой и пурпурной являясь одежде *
232-233 Как в хоровод по приказу гражданка, идущая в праздник *
Пусть и она застенчива между задорных Сатиров *
235 Я держаться одних обыденных слов и названий *
242a [Тоже замыслить]. Таково то значенье порядка и строя
242b То ж одолеть *. Таково то значенье порядка и строя
243 Вот до чего возвыситься может предмет обыденный *

247-249 И с другой стороны, не ругаться обидно и грязно *
Это тому, у кого состоянье, и предки, и конь есть *
Неприятно, и он, за то, что любитель гороху *
270 Прадеды ваши, однако ж, в стихах у Плавта хвалили *
274 Также правильный стих и по пальцам сочтем и услышим.
282 Вышла на свет; но свободу свою довела до [порочной] *
289-290 Верно Лациум был бы не менее речию славен
Чем сияньем доспехов и доблестью, если б поэтов
295-296 Ради того, что Искусство считал Демокрит [столь ничтожным] *
Пред вдохновеньем, [что] гнал с Геликона трезвых поэтов *
299-302 [Этим] уверен добиться [он] славы и званья поэта *
Если [неизлечимой] своей головы [не ввернет]*
[Никогда] брадобрею Лицину. О [как я безумен]
Что ежегодно [весенней порой] очищаюсь от желчи.
343 [Всех успевает увлечь], кто слил наслаждение с пользой *
353 Иль неизбежных в природе людской? [Какой же тут вывод?] *
Автограф-тетр.
354 Как виноват переписчик, который не раз исправляем,
Г. Ф.
361-363 Стихотворенье [как живопись], чем [ты] ближе к ино[му] *,
Тем он[о] нравится больше; друг[ое] же издали лучше *
Это[му] выгодна тень, а э[то] при свете показней *
365 [То] понравится раз, а [это] понравится десять *
378 Чуть не шли до высокого, в низкое тотчас впадают *
383 И не писать? он свобод[ен], — хорошего дома и всадник *
Автограф-тетр.
406 От долгодневных трудов. И так не думай стыдиться.
Г. Ф.
413 С детства [ноши] носил, потел, холодал и работал *
410 Не довольно сказать: "Я дивные песни слагаю" *
425 Был отличить в состояньи [верных] друзей от притворных *
433 Так и лукавая лесь пышней похвалы непритворной
457-458 Если ж, превыспренними стихами рыгая, [впадает] *
Он, как иной птицелов, на дрозда засмотревшийся в яму *
Автограф-тетр.
474 Чтеньем ужасных стихов невежд и ученых пугает
Г. Ф.
475 Если поймает кого, — то насмерть его зачитает *
Автограф-тетр.

I. Зевс (стр. 182)

9-10 Этот взор уж ненавидит, *
Эти крики властью дышат *
Автограф-тетр., письмо (ГБЛ)

II. "Сны и тени..." (стр. 183)

3 В сумрак трепетный манящие

13-14 [Вылетая из-под свода *]

Из-под свода...] *

Автограф-тетр.

III. К Сикстинской мадонне (стр. 184)

1-2 Вот сын ее. — Предвечный сын Еговы, *

Хранимый девы чистыми руками *

5-8 И, преклонясь, с Варварой мы готовы *

Молиться на коленях ей мы сами *

11 Здесь [пред тобой смолкает вся тревога] *

12 Такой тебе Рафаэль, [ангел]бога * 1

1 После 14 — черновой вариант; Царя царей с царицею небесной

Автограф-тетр.

IV. Восточный мотив (стр. 185)

2 Мы два конька, скользящих по реке

Автограф-тетр.

VI. Романс (стр. 187)

3 До зари в душе дрожала, ныла *

Автограф (ГБЛ)

ВЫПУСК ВТОРОЙ

"Не смейся, не дивися мне..." (стр. 189)

3-4 Что здесь под этим дряхлым дубом

Стою опять по старине

Автограф (ГБЛ)

5a Как скудно листья на челе *

Автограф-тетр., автограф (ГБЛ)

I. "День проснется — и речи людские..." (стр. 190)

2 Закипят громогласной волной *

6 Но в болтливых струях ты найдешь *

Автограф-тетр.

II. Добро и зло (стр. 191-192)

Ранний вариант

1-3 строфы Ты прав, когда из колыбели

Еще поднявшийся вчера,

Не признаешь ты в жизни цели

Помимо ясного добра.

Иди, куда влечет отвага,

Смири сомненья над трудом, 1
Хоть скудно мир раскроет блага, 2
Но быть не мысли божеством.
Когда в часы отдохновенья
Подъемлешь потное чело,
Не бойся горького сравненья:
Где есть добро, там есть и зло.
1-4б Ты прав, когда из колыбели
Воспрянув только что вчера
Одной ты в жизни веришь цели
И ищешь блага и добра.
1-й автограф-тетр.
1 6б Смири тревогу над трудом
6в Согнись над роковым трудом
2 7б Хоть скудно обретаешь блага
3 Один вмещает человека *
4а В другом парить желаю я
4б Другой ты сам и мысль твоя
4в Другой я сам и мысль моя *
9-12 Иди, куда влечет отвага, *
Смири сомненья над трудом, *
И мир свои раскроет блага, 1
Но не пленяйся божеством. *
1 11б В твоих руках земные блага
2-й автограф-тетр.

III. "Ты был для нас всегда вон той скалою..."

(стр. 193-194)

1 Для нас ты был всегда вон той скалою
РВ
1 Для нас всегда ты был вон той скалою
17-18 Откуда ж вдруг, — ты помнишь *
[Мы слышали как гром] *
Автограф-тетр.

IV. "С гнезд замахали крикливые цапли..." (стр. 195)

7-8 [Видно] весна [забирает] свое *
[Видно] и солнышко всходит мое*
Автограф-тетр.

V. "О, этот сельский день и блеск его красивый..." (стр. 196)

1-8 О, этих пышных кос блестящие извивы
В безмолвии я чту,
Не допускает к ним прильнуть мой глаз ревнивый
Безумную мечту.

Лелеяла б душа в неведении томном
Отрадную печаль,
Но так нескромно все в уединеньи скромном
Что стыдно мне и жаль.
Автограф-тетр.

VI. Ласточки (стр. 197)

2 Люблю, забывши [о другом] *
7а Стихией чуждой не [сгубила] *
7б Стихией чуждой не [смочила] *
Автограф-тетр.

VII. Осень (стр. 198)

11 И [увядающей] так пышно *
Автограф-тетр.

VIII. Бабочка (стр. 199)

Ранняя редакция
[Ты прав. Одним счастливым очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с пушистым одеяньем
Лишь два крыла.
Не спрашивай: откуда прилетела
Тебя прошу.
Нежданная на этот цвет я села
И вот дышу.
Надолго ли крылами без усилья
Дышать хочу?
Вот пышные опять раскину крылья
И улечу.]
Автограф-тетр.

IX. На книжке стихотворений Тютчева (стр. 200)

12 Томов бессчетных тяжелей
Автограф (ГБЛ)
12 Томов громады тяжелей *
Автограф-тетр.

X. Полонскому (стр. 201)

3-4 Когда еще за мыслью] пленной *
[Не укрывал ты от вселенной] *

7 [Забыт, покинутый] в тени *
Автограф-тетр.

ХП. А. Н. Майкову. На сочувственный отзыв о переводе Горация (стр. 203)

1-4 Кто так роскошно тогу эту *
Сам как певец умел носить, * 1
Кому ж, как не тебе, поэту *
И тень Горация почтить? *
Автограф-тетр., автограф (ГБЛ)
письмо (ПД)
5-8 [Когда вступлю в семью я ту же,
Хотя на миг ваш блеск займу,
Гордась, что сам хоть неуклюже, 2
Но вам обоим руку жму.]
Автограф (ГБЛ)
1 2 Сам как [поэт] умел носить
Автограф (ГБЛ)
2 76 И буду горд, что хоть несмело
Автограф (ГБЛ)

ХІІІ. "Учись у них — у дуба, у березы..." (стр. 204)

5-6a И злей да алей за каждою минутой
Рвет ураган последние листы
Автограф-тетр., автограф (ГБЛ)
5-6б Все злей Кура и с каждою минутой *
Злобнее рвет последние листы *
Автограф-тетр.

ХІV. Смерти (стр. 205)

4 Ночь безрассветная мятежной жизни цель *
Автограф-тетр., Ледоход
9 [Теперь] ты каждый миг моей покорна воле *
Автограф-тетр.

ХVІ. "Ты так любишь гулять..." (стр. 207)

8 [Просидела] всю ночь
Автограф (ГЕЛ)
12 Не [встречала]
Автограф-тетр., автограф (ГБЛ);
17 Черный, странный, сухой
Автограф (ГБЛ)
17a Дикий, черный, сухой
17б Ветхий, черный, сухой *

Автограф-тетр.
19-24 Я иду и дрожу, *
А туда погляжу *
Хоть украдкой *, 1
Так и кажется мне, *
Что стоит при луне *,
Все тот — гадкой *.
Автограф-тетр., автограф (ГБЛ)
1 20 Лишь украдкой
Автограф (ГБЛ)
20 [Лишь] украдкой
Автограф-тетр.

XVII. "Я видел твой млечный, младенческий волос..." (стр. 208)

11 Где (видишь), что радость не знает предела *
Автограф-тетр.

XVIII. "Говорили в древнем Риме..." (стр. 209)

4 В вечной юности живет
РВ
8 Только [избранные могут] *
Автограф-тетр,
13 Взор в свои вперяя очи
РВ
13 [Ты в глаза вперяя взоры] *
20 [Очарованного барда] *
Автограф-тетр.

XXI. Вольный сокол (стр. 212)

15-16 И [силе] их доверясь смело *
Ширясь [в воздухе] поплыл *
Автограф-тетр.

XXII. "Сад весь в цвету..." (стр. 213)

3 Так освежительно — [весело] мне *
Автограф-тетр.

XXIII. "Не вижу ни красы души твоей нетленной..." (стр. 214)

1 Не вижу [я твоей красы душевной] *
3-4 Я [мимо вдаль гляжу на жребий свой плачевный] *
И слышу приговор [бесчувственных] людей *

Автограф-тетр.

XXIV. "Страницы милые опять персты, раскрыли... (стр. 215)"

8 Да тени бледные [сих] лепестков сухих *
11 Без них — один укор, [бесплодное] терзание *
Автограф-тетр.

XXV. "Еще одно забывчивое слово..." (стр. 216)

3 И тосковать я стану сердцем снова
5а [Душа опять] готова вспыхнуть чище
5б [И вновь душа] готова вспыхнуть чище *
8 [Пугает ночь и собственная тень] *
Автограф-тетр.

XXVI. Теперь (стр. 217)

2 А для тебя наступит жизни май
Автограф (ЦГАЛИ)
11 Вневременной [дохнем мы] жизнью оба *
Автограф-тетр.

XXVIII. "Ныне первый мы слышали гром..." (стр. 210)

1 [Нынче] первый мы слышали гром *
2 [И] повеяло сразу теплом *
Автограф-тетр.
6 Ты безмолвно сидела одна
Автограф (ГБЛ), Русь
14 [Разрешился] весенний недуг *
Автограф-тетр.

XXX. "Молятся звезды, мерцают и рдеют..." (стр. 221)

2 Молится месяц, плывя [понемногу] *
4 С темной земли [доносить к ним тревогу] *
5 Видны им наши усилия и горе *
8 Все же безмолвны горят их молитвы
Автограф-тетр.

XXXI. Аваддон (стр. 222)

1 Вот пролетающий ангел трубит *
Автограф-тетр.

12 Вышла из дыму с коня саранча
20 Что на страданье все создал господь*
Автограф-тетр.,
автограф (ЦГАЛИ)

XXXII. 15 мая 1883 года (стр. 223)

2 Как солнце юное сияя *
Автограф-тетр.
6 И вокруг священного дворца *
Автограф-тетр., автограф (ГБЛ)
Новое время.
Студент (стр. 224-237)
16 Быть скромным, таков был наш девиз
16а Что было дальше, грустно говорить
Нива

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

II. "Жду я — тревогой объят..." (стр. 245)

10 Жук, ударяясь об ель.
ВЕ

III. "Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок..." (стр. 246)

3 Я высказывал все золотые мечты *
Автограф-тетр.
7 Я рвался, я твердил не о нашей вине
ВЕ
12 Ты и тут ничего не ответила мне *
14 Всю погасшую тайну искал я прочесть
Автограф-тетр.

IX. "В степной глуши над влагой молчаливой..." (стр. 252)

2 Где круглые раскинулись [цветы] *
4 На яркие плавучие [листы] *
8 [Незримую] их корни глубину*
Автограф-тетр.

XI. "Благовонная ночь, благодатная ночь..." (стр. 254)

3 Всё бы слушал тебя — и молчанье невмочь
10 Прямо смотрит в лицо мне, — он жгуч
Письма (ПД и ГМТ)
17 Словно всё и звенит, и горит заодно

Письмо (ГМТ)

ХII. "Если радует утро тебя..." (стр. 255)

5 Пусть полюбишь другого, — снесешь

Письмо (ПД)

6 Не одну ты житейскую прозу

РВ

ХIII. Осенняя роза (стр. 256)

7 Одна лишь ты, царица роза

Письмо (ГМТ)

ХIV. Ребенку (стр. 257)

2 Куда резвиться ни пойдешь ты

Список-тетр., письмо (ГМТ)

ХV. В лунном сиянии (стр. 258)

2 В лунном сиянии

4 В темном молчаньи

6 Травы в рыданьи

8 В лунном сиянии

9-10 Можно ль не ныть и не жить

Нам в обаянии

12 В лунном сиянии

Список-тетр.

ХХV. "Дул север. Плакала трава..." (стр. 268)

2 И ветви по недавнем зное *

Автограф-тетр., автограф (ГБЛ)

6 Стоял [пустым] тенистый сад *

Автограф (ГБЛ)

9 Прошла пора неясных грез

Автограф-тетр., автограф (ГБЛ)

10 Зачем о ней томиться тщетно

Автограф (ГБЛ)

11 И вдруг — один любовник роз

Автограф-тетр., автограф (ГБЛ)

ХХVI. "Я потрясен, когда кругом..." (стр. 269)

2-3 Под гул лесов и тяжкий гром *
В лицо огней гляжу я снизу *
13-15 И я пылаю и горю, *
И я срываюсь и парю *
В блаженстве тщетного усилья *
Список-тетр.

XXIX. "Долго снились мне, вопли рыданий твоих..." (стр. 272)

4 Как тебя умолил твой несчастный палач
7 Проходили года — приходилось и жить.
Список-тетр. письмо (ГМТ)

XXXI. Ек. Серг. Х-ой, приславшей мне цветы (стр. 274)

1-4 Цветы и песни полны чар *
В нерасторгаемом союзе, *
И ваш благоуханный дар *
Я прямо дал смиренной музе *.
8 Ей заслужить красу так трудно
Автограф-тетр.

XXXVI. "Нет, я не изменил. До старости глубокой..." (стр. 279)

6 И каждый день бреду томительно к другой
11 И юности былой я слышу дуновение
Письмо (ПД)

XXXVII. "Светил нам день, будя огонь в крови..." (стр. 280)

11 И что томить придет он нас вдвоем
Письма (ПД и ГМТ)

XXXIX. "Я тебе ничего не скажу..." (стр. 282)

3-4a Я не знаю, куда я гляжу;
Как расшелся наш жизненный путь
4б Так не сходен наш жизненный путь
3-4в И того, что я молча твержу
Не узнает совсем как-нибудь
4г Не узнает никто как-нибудь
4д Никому не узнать как-нибудь
3-4е И о том, что я молча твержу *
Не решусь я вовек намекнуть
4ж Не решусь никогда намекнуть *
7 Раскрываются тихо мечты *

Автограф-тетр.

XLIII. "Моего тот безумства желал, кто смежил..." (стр. 286)

10 Истомлюсь этой жизни избытком и лоском
Ледоход
12 Для других хоть остался бы тонким он воском
Письмо (ПД)

XLIV. "В вечер такой золотистый и ясный..." (стр. 287)

3-4 Не поминай ты, о друг мой прекрасный,
И о любви нашей робкой и бедной
6a Небу навстречу его воссылает
6б Небу она, развергаясь, вздыхает
7 Самое небо с прозрачным закатом *
11-12 Там где всего все и шире и краше,
Можно безумствовать или молиться
Автограф-тетр.

XLV. "Ты вся в огнях. Твоих зарниц..." (стр. 288)

7-8 Как уберечь мне образ тот,
Что порожден душой твоею.
Письмо (ГМТ)

L. "Сплю я. Тучки дружные..." (стр. 293)

9a [Вот и всё светло]
9б [Стало вдруг светло]
9в [Мне и всё светло]
9г [Разом всё светло] *
16a [Как мечта] заветная
16б [Но мечта] заветная*
Автограф (ГБЛ)

ЛП. Рыбак (стр. 295-296)

1-2 Шумит волна, растет волна *
Рыбак над ней сидит *
4 На уду он глядит *
Список-тетр.
16 И стал здоров вполне *
Список-тетр., ВЕ
21-24a Иль своды неба глубиной
Тебя не увлекут,

Иль не манишь ты облик твой
В роскошный наш приют?
21-24б Иль в зыби вторя небесам *
Тебя не увлекут. *
Иль не манит твой облик сам *
В роскошный наш приют? *
Список-тетр. (автоправка)
22 И блеск его красы *
Список-тетр. (автоправка)
30 Тут час его настал *
Список-тетр.
31а Она ль влечет, иль он идет
Список-тетр.
31б Она ль влекла, склонился ль он
Список-тетр. (автоправка)

ЛIII. Зимняя поездка на Гарц (стр. 297-300)

28 Как покойным придворным *
54 Дружно следящих зверей *
Список-тетр.
56 Жажды убийства
ВЕ
56 С жаждой убийства
Список-тетр.
57 Поздних мстителей зла *
Список-тетр., ВЕ
59 Бьется с дубинкой крестьянин *
Список-тетр.
78 Грозной вершины встанет ирод ним *
Список-тетр.
85-86 И озираешь ты с облак
Страны все и богатства
ВЕ

LV. "Я полон дум, когда, закрывши вежды..." (стр. 302)

7 И целый день, будь ясно ли, темно ли
12 Я жду тебя под сладкий шум фонтана.
И, потопа
Туда глаза, где крадется Диана, —
Я жду тебя.
Москв., Изд. 1850 г.
LVI. Геро и Леандр (стр. 303-304)
25 Где ж он, Гера? с бездной споря
27 Он свиданьем дорожит!
Изд. 1850 г.

LVIII. "Младенческой ласки доступен мне лепет..." (стр. 306)

7 Что я понимаю, на что намекает
Изд. 1850 г.

LIX. Соловей и роза (стр. 307-312)

18-19 Побегов, вращающих спицы,
Минуют летучие гости
МГЛ, Изд. 1880 г.

39 Склонялась на ветке упругой
МГЛ

47 Чужды ваши мне цветы
МГЛ, Изд. 1850 г.
Вместо 57-73

Он
Ты роза долины, я ночи певец;
И чувство в нас братское то же;
Нам месяц кристальный готовит венец,
А солнце пурпурное ложе;
Росою на песни, на песни росой
Дала отвечать нам природа,
И наши все звуки, все блески, как рой
Горят у небесного свода.
Там ангел лазурный, востока жилец,
Их огненном метит рукою,
Ты роза долины, я ночи певец:
Мы вечные братья с тобою

Она
Мой друг, мой брат, мой милый, мой любовник
На милую внимательней взгляни:
За розу ты не принял ли шиповник,
Смиренное подобие родни.
И если есть во мне благоуханье,
Оно лишь тем коснется до тебя,
Что скромное, безвестное созданье,
Стремясь к тебе, так предало себя.

Он
На востоке небо чисто,
Как сапфир твоих очей;
В рощах пальмовых тенисто,
Лунный луч дрожит теплей.
На востоке есть у бога
Заповедные места:
Сердцу снится та дорога;
Полетим с тобой туда.
Ни фазанов позлащенных,
Ни павлинов не сомнем,
Ни плодов мы запрещенных
Тихомолком не сорвем:

Мы, как лотос, богомольно
Заглядимся в ручеек...
Сердцу станет сладко, больно —
Полетим же на восток.
Она
Мой милый, где сердце — там грезы,
Где вера, там царство весны;
Где очи, там жаркие слезы,
Где думы, там чудные сны...
Во сне мое спящее око
Небесный измерило круг,
От запада вплоть до востока,
Узрело и север и юг...
Ни дна; только, в бездне рождаясь,
Горят и сверкают ключи,
И, силою вечной вращаясь,
Дрожат золотые лучи,
И вся эта сила стремилась
К одной отдаленной звезде:
А я всё молилась, молилась,
Чтоб ты был мне верен везде.
МГЛ, Изд. 1850 г. 1

1 В Изд. 1850 г. этот текст шел не вместо строк 57-73, а наряду с ними со следующей последовательностью строф:

- 1 Ты так нежна, как утренние розы
- 2 Мой друг, мой брат, мой милый, мой любовник
- 3 Ты роза долины, я ночи певец
- 4 Ты поешь, когда дремлю я
- 5 На востоке небо чисто
- 6 Мой милый, где сердце — там грезы
- 7 Дева-роза, доброй ночи

Кроме того, с текстом ВО имеются следующие разночтения:

58 Едва раскрыв малиновый шипок

69-72 Но и радость и мученье

Мудро нам судьба дала:

Ты не пел бы без стремленья.

Я б без страсти не цвела.

Изд. 1850 г.

85 Закрывается милое око

87 Ветер, ветер, мой ветер востока

89 Я сама не дышу, не ласкаю

91 И кудрями его не играю

104 Спал до этих пор

106-107 Листик шелестит,

У меня в тени лавровой

МГЛ, Изд. 1850 г.

LX. На смерть Александра Васильевича Дружинина.

19 января 1864 года (стр. 313)

12 Ты чистым донесен в могилу *
Автограф-тетр.,
автограф (ПД) Моск. вед.
15 И муза [чистая] кладет *
Автограф-тетр.
16 Тебе на гроб венец лавровый
Автограф-тетр., Моск. вед.
LXI. Памяти Василия Петровича Боткина.

16 октября 1869 года (стр. 314)

4 На безмятежном сем челе *
5-8а Ужель добра поклонник страстный *,
Со всей борьбой надежных сил
Ты обозвал мечтой напрасной *
Чему всю жизнь не изменил? *
6б Перед лицом враждебных сил *
9 И им сказал: за вами поле *
10а Вы правы! тщетен наш союз
10б [Редает] верный наш союз
10в Расторгнут верный наш союз
12 Ни гордых дум, ни вещей муз! *
Автограф-тетр.
1-16 Прости! разверстая могила
Тебя отдаст родной земле.
Скажи, что смерть изобразила
На безмятежном сем челе?
Ужель добра поклонник страстный,
Заслыша смутный толк невежд,
Ты обогнал мечтой напрасной
Любимый строй живых надежд?
О нет! стремясь к иной потребе
В наш оскудевший, бледный век,
Ты не забыл, что не о хлебе
Одном жив будет человек.
Ты, покидая жизнь земную,
Сомненьем духа не смущал,
И тихо лепту трудовую
Трем старшим музам завещал.
РВ

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

I. Оброчник (стр. 316)

6 Что воем может быть ответят диким звери
РО
8 Что диким может быть ответят воем звери
Письма (ПД)
8 Усталый, я дойду до вожденной двери

II. Его императорскому высочеству в. к. Константину Константиновичу (стр. 317)

1 Сплывают льда былые своды
4 И распростившись со столицей
8-9 Ужель затихли незаметно
И бури и недуга злость?
13 Весна нежданно сладко веет
Письмо (ПД)

IV. "Одним толчком согнать ладью живую..." (стр. 319)

7 Дать сердцу жизнь, дать сладость тайным мукам
РВ

V. "Устало все кругом, устал и цвет небес..." (стр. 320)

8 Отменою борьбы и смертною истомой
Письма (ПД)

VI. Их императорским высочествам в. к. Константину Константиновичу и в. к. Елизавете Маврикиевне (стр. 321)

11-12 Навеет райских сновидений
И чистоты нагорных рос
Письмо (ПД)

VII. Она (стр. 322)

6 Приносит свет, что лишь один
Письмо (ПД), Сборник "Нивы"

VIII. "Людские так грубы слова..." (стр. 323)

6 Дохнуло моленье немое
9-12 Чтоб, нежа дыханье и взор,
Склоняясь бы, роза увяла,
И свой благовонный убор
К ногам бы твоим разроняла 1
Письма (ПД), Сборник "Нивы"
1 126 К твоим бы ногам разроняла
Письмо Полонскому (ПД)

IX. На качелях (стр. 324)

1 Опять в полусвете ночном
Моск. иллюстрированная газетка

XII. На пятидесятилетие музыки (стр. 327)

7 Не то, чем был он, озаряет
Гусляр

XIII. На пятидесятилетие музыки 29 января 1889 года (стр. 328)

3-4 И песни вдруг вослед за первой песней
Весь сердца пыл на волю понесли.
10 И вот они нашли живой приют
15 И всей душой, всей силою любовной
Письмо (ПД)

XIV. "Чужа внушенный другими ответ..." (стр. 330)

1 Сердцем предвидя невольный ответ
Письма (ПД)
3-4 Только понятнее мне говорит
Всё озаривший румянец ланит
Письма (ПД)
Моск. иллюстрированная газетка
6 Этот ночной серебристый покров
Письмо Полонскому (ПД)

XV. Угасшим звездам (стр. 331)

5-8 Что как под вашими нет вас огнями,
Что погасила иная эпоха;
Смертный и я понесусь к вам стихами
К призракам звезд только призраком вздоха
Ледоход

XVI. На бракосочетание их императорских высочеств в. к. Павла Александровича и в. к. Александры Георгиевны (стр. 332)

9 И прихотливую мечту
Письма (ПД)

XVIII. К ней (стр. 334)

5 День смолкает, к закату клонясь
7 Вот он сам, молодой Аполлон
12 Окрыляющий душу зарею
Письмо (ПД)

XIX. Во сне (стр. 335)

10 Восторженный волшебною игрой
Письмо (ПД)

XXII. "Была пора, и лед потока..." (стр. 338)

5 Слетели дни, весны дыханье
9 Настанет день, когда все блага
Письмо (ПД)

XXIII. "Хоть счастье судьбой даровано не мне..." (стр. 339)

9-10 Участья не прошу, — притворная и грусть
Способна возбудить в тоскующем отвагу
Письмо (ПД)

XXIV. Графине С. А. Т-ой (во время моего 50-тилетнего юбилея) (стр. 340)

5 Я знаю, уносим волною
7 Что ты вдали горишь со мною
Письмо (ГМТ), Нива

XXV. "Сегодня все звезды так пышно..." (стр. 341)

1-я редакция
Сегодня все звезды так пышно
Полны голубого огня,
А ты, ты проходишь неслышно
И словно не видишь меня.
Но, верно, недаром так страстно
Хотел на тебя я взглянуть,
И сладкой мечтой не напрасно,
Моя согревалась грудь.
Не спать мне, наверное, снова,
Всю ночь под окном просидеть
И жадно до света дневного
На крупные звезды глядеть.
Ледоход
2-я редакция
3 А ты проходила неслышно

5-8 Недаром хотелось так страстно
Тебя увидеть на мгновенье,
И теплой зари не напрасно
Я слышу в лицо дуновенье.

10 Что дышит и мощно, и нежно
Ледоход

3-я редакция

1-8 Сегодня все звезды так пышно
Горели торжественным хором,
А ты промелькнула неслышно
С нарочно опущенным взором.
Зачем же всё в мире забыто
И меркнет на это мгновенье,
Недаром и теплой зари-то
Я слышу в лицо дуновенье.

Ледоход

4-я редакция

5-8 Зачем же так громко, нестройно
Мне слышится сердца биенье,
И вдруг налетело так знойно
В лицо мне зари дуновенье?
Письмо (ПД), РВ

XXVII. "Руку бы снова твою мне хотелось пожать..." (стр. 343)

5 В светлой аллее, где лист под ногами шумит
7 Ежели наши стопы попирают устало
РО

XXVIII. "Гаснет заря в забытьи, в полусне..." (стр. 344)

2 Что-то отрадное шепчешь ты мне
Гусяр
3-4 Слух я и Ум понапрасну тружу,
"Знаю, ах, знаю", — тебе я твержу.
Письмо (ПД)
4 "Знаю, ах, знаю", — и сам я шепчу.
Гусяр

XXIX. "В полуночной тиши бессонницы моей..." (стр. 345-346)

9 Стоят усердные, прекрасные друзья
РО, ВО
9 Богини прежние опять мои друзья
Письмо (Иллюстр. прилож. к газ. "Новое время")

XXXI. "Только что спрячется солнце..." (стр. 348)

9 Как бы за легким вниманьем
11 Вслед за его состраданием
Нива

XXXII. На юбилей А. Н. Майкова. 30 апреля 1888 года (стр. 349)

9-16 Воспевать я того не берусь,
Кто челом преклониться заставил:
Полстолетия на целую Русь
Сам себя, вдохновенный, прославил.
Хоть не вечно земному и жить,
Хоть во прахе нас скоро забудут,
Но его в небесах уносить
Лебединые крылья всё будут.
Ледоход
12-14 Громкозвучных стихов жемчугами?
Нам умолкнуть, отстать, замолчать
И восторженных скоро забудут
Письмо (ПД)

XXXIII. "Роями поднялись крылатые мечты..." (стр. 350)

ба [Искать незримое, к неизвестному стремиться]
бб К незримому лететь, к неизвестному стремиться
Письмо (ПД)
8 Туда перенестись и в томной неге скрыться
РО

XXXVII. "Как трудно повторять живую красоту..." (стр. 354)

11 Но сердца бедного смиряется полет
РО

XXXVIII. "От огней, от толпы беспощадной..." (стр. 355)

6 Как бы счастье, отдав, сохранить?
Письмо (ПК), Ледоход, Гусяр
7 От людей-то укрыться возможно
Ледоход

XL. Л. И. О-й при посылке портрета (стр. 357)

3 И сердце светлым впечатленьем
Нива

XLI. "Как красив на утренней заре..." (Из Мерики) (стр. 358)

8 Мысль любви об избранной своей
Гусляр

XLII. Графине С. А. Толстой (Алексей) (стр. 359)

10-12 И та гряда,
Где распушилась, чуть заметна,
Лишь борозда.
Письма, (ПД), Нива

XLII1. Quasi una fantasia (стр. 360)

11-12 В плеске крылий
Подлетать
Письмо Полонскому (ПД)

XLV. "Прости! во мгле воспоминанья..." (стр. 362)

12 В груди я нес твоё тепло?
Письмо (ПД), РО

XLIX. Графине Н. М. С-ъ (стр. 366)

10 Лишь Вы внушите робкой лире
Сб. "Парфенон"

ДОПОЛНЕНИЯ ВЫПУСК ПЯТЫЙ
I. "Из тонких линий идеала..." (стр. 373)

4 И неё ты вдруг приобрела
РО
6 [Хоть ты безмолвна и тиха]
Литограф (ГВЛ)
II. Сентябрьская роза (стр. 374)
4 В день бысролетный октября
10 Расставшись с мертвенной грядой
Письмо (ПД)

V. "На кресле отваясь, гляжу на потолок..." (стр. 377)

5 Осенний цвет зари в мерцанье этом есть
7 Не в силах улететь и не дерзая сесть

Письмо (ПД)

VII. "Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал..."

(стр. 379)

3 Я б боялся тебя возмутить, оскорбить

Автограф (ГМТ), письма (ПД)

VIII. "Весь вешний день среди стремленья..." (стр. 330)

9 Кто разгадает мне хоть малость

11 Еще недавняя усталость

Письмо (ПД)

IX. "Безобидней всех и проще..." (стр. 381)

12 От восторга и усилья

Письмо (ПД)

XI. "Завтра — я не различаю..." (стр. 383)

5 Где владеть собой, как глазки

Письмо (ПД)

XIV. "Качаяся, звезды мигали, лучами..." (стр. 386)

6 Смотрел я в тот блеск, разгорайся в неге

11 И этих летучих огней вереница

Письмо Полонскому (ПД)

XVIII. "Мы встретились вновь после долгой разлуки..." (стр. 390)

5-6 Но цепи свои налагать неужели

Забыли людские умы?

Письмо (ПД)

XX. "За горами, песками, морями..." (стр. 392)

3 Там овеяны чудными снами

Письмо Полонскому (ПД)

XXIII. "Я говорю, что я люблю с тобою встречи..." (стр. 395)

5 О эти все слова, цветы, жучки, каменья

Письмо (ПД)

XXIV. Фонтан (стр. 396)

12 Правде мраку не помочь
Письмо (ПД)

XXV. На смерть Бражникова (стр. 397)

5 Как печаль нам уверить свою
14 Ты дрожащею слышишь трубу
Письмо (ПД)

XXVIII. "О, как волнуюсь я мыслию больною..." (стр. 400)

Нет, мне не верится, чтоб ты была послушна
Безумствам, что везде преследуют меня,
Когда с балкона ты способна равнодушно
Смотреть на отблески минующего дня.
В затишье замер сад. Внизу лишь тополь дальний
Всё грезит в вышине и ставит лист ребром
И зыблет, уловя денницы блеск прощальный
И чистым золотом, и мелким серебром.
О, эта тишина приходит не напрасно,
Одеяна кругом прощальной красотой,
Она всё чистое в нас будит самовластно,
Она молитвенно беседует с душой.
Ледоход

XXXI. "Опять осенний блеск денницы..." (стр. 403)

5-6 И страстью умереть готовой
Больное сердце радо ныть
Письмо Полонскому (ПД)

XXXII. Месяц и роза (стр. 404)

8 С красотой твоих лучей
Нива

XXXIV. "Ель рукавом мне тропинку завесила..." (стр. 406)

1 Ель рукавом мне тропу занавесила
7 Чу, как отрадно, хоть дальний вдруг слышится
12 Тонко приветствуешь ты
Письма (ПД)

XXXV. Почему (стр. 407)

4 У тебя говорит за меня?
Письмо (ПД)
5 Почему ясной речи значенья
Письмо (ПД), РВ

XL. На серебряную свадьбу Екатерины Петровны Щукиной. 4 февраля 1874 года (стр. 408-410)

4 Где столько меркнет радужных надежд
Автограф-тетр., список (ГБЛ)
16 И свадьбы день серебряный настал
Список (ГБЛ)
16 И свадьбы день торжественный настал *

"Du sagst: ein schöner Tag mit Pomp und Regen..." (стр. 408)

13 Er hat erkannt, was jeder Geist bewundert *
Автограф-тетр.

XLII. "Не отнеси к холодному бесстрастью..." (стр. 412)

12 Отрадней нам замолкнувших в цветке
Письма (ПД)

XLIII. "Не могу я слышать этой птички..." (стр. 413)

4 Как войдешь, хоть тайно не вздохнуть
Письма (ПД)
11 Невозможно без дождей такую
Письмо Полонскому (ПД)
11 Без рассветных туч нельзя такую
Письмо К. Р. (ПД)
11а Невозможно без дождей такую
11б Беззаветно же нельзя такую
11в Невозможно без борьбы такую
11г Без дождливых бед нельзя такую
11д Без рассветных туч нельзя такую

XLV. "Рассыпаясь смехом ребенка..." (стр. 415)

10 Исполняясь веры — не лгу
Письмо (ПД)
Алмаз (стр. 425)

5-8 Нет! в переменах жизни тленной,
Среди явлений мрачных, ты
Все лучезарней, неизменный
Хранитель вечной чистоты.
Сборник Нивы

СОСТАВ И ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

В настоящем издании впервые соединены вместе четыре выпуска последних прижизненных сборников стихов Фета, вышедших под общим названием "Вечерние огни" в 1883, 1885, 1889 и 1891 гг. и с тех пор не переиздававшихся.

Из переписки Фета известно, что в подготовке их к печати принимали ближайшее участие некоторые его друзья и особенно большое — философ и критик Н. Н. Страхов, а также философ и поэт В. С. Соловьев, которому, как свидетельствует дарственная надпись Фета ("зодчему этой книги"), очевидно, принадлежит композиция I выпуска "Вечерних огней". Во время подготовки III выпуска, 5 июля 1887 г., Страхов и Соловьев приехали в имение Фета Воробьевку. 6 июля в письме к К. Р. (великому князю Константину Константиновичу, подписывающему свои стихи этими инициалами — Константин Романов) Фет писал о том, что три дня "велись беседы" его "...с тонким знатоком поэзии В. С. Соловьевым, с одной стороны, и тончайшим критиком Н. Н. Страховым, который и на этот раз улучил время для просмотра сорока пяти моих стихотворений, предназначенных осенью к напечатанию отдельным, третьим, выпуском "Вечерних огней". При этом он так был строг, что вынудил во многих местах Соловьева заступиться за меня, грешного. Излишне прибавлять, как глубоко я им признателен" Переписка Фета с К. Р. за 1886-1889 гг. хранится в Отделе рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома), ф. 137, № 75; за 1890-1892 гг. — ф. 137, № 76; письма Фета к Я. П. Полонскому 1887-1892 гг. хранятся там же, шифр: 11.8436 LXIX б. 2; письма Полонского к Фету — там же, шифр: 11.843 а/1 LXIX б. 2; 11.843 а/3 — LXIX б. 2; письма Фета к Страхову 1877-1880 гг. — в Отделе рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 315. 4.25; письма Страхова Фету за 1877-1883 гг. — там же, ф. 315. 11.27 — 31, за 1884-1892 гг. — в Отделе рукописей Пушкинского дома, шифр: 20.290/С XXX VIII б/1 — 20.290 С XXX VIII б/IV; переписка Страхова и К. Р. за 1887-1894 гг. — там же, ф. 137, № 74.. После выхода III выпуска в ответ на замечание Я. П. Полонского в ряде грамматических неточностей Фет писал ему 23 января 1888 г.: "...что касается <...> моих неряшеств, то приписываю их главным образом недосмотрам дорогого Николая Николаевича Страхова, без проверки которого ничего не печатаю". Летом 1890 г., когда Фет готовил к изданию IV выпуск "Вечерних огней", в Воробьевку приехали Н. Н. Страхов и давний друг Фета Я. П. Полонский. 8 августа Фет писал К. Р.: "Несмотря на обуявшую Страхова лень, я принудил его рассмотреть пятьдесят моих стихотворений, предназначенных в 4-й выпуск "Вечерних огней". Стихотворений шесть мы окончательно вычеркнули; зато многие при помощи поправок получили определенность и ясность". 14 октября Фет сообщал ему же, что Страхов "... не оставил ни одного почти стихотворения без исправления". Однако все многочисленные исправления, внесенные Страховым (пунктуационные, стилистические и тем более смысловые), сделаны с ведома и одобрения поэта, а при чтении корректуры были им оставлены и тем самым авторизованы. Поэтому все стихотворения печатаются нами по тексту "Вечерних огней" с соблюдением особенностей пунктуации этих изданий и лишь с исправлением имеющих явных опечаток по рукописным и печатным источникам, что оговаривается каждый раз в примечаниях (сохраняются по тексту издания "Вечерних огней" также рисунок стиха и строфика).

Отсутствие автографа в примечаниях не указывается.

В настоящем издании полностью соблюдается композиция выпусков: в первом

стихотворения разбиты на тематические разделы, а в последующих идут подряд с общей нумерацией. Воспроизводятся и имеющиеся в "Вечерних огнях" авторские даты; там, где они отсутствуют, датировка дана в примечаниях. Большей частью она подсказывается датой письма, при котором стихотворение было послано друзьям поэта. Однако нередки случаи, когда время написания не поддается точному определению. По справедливому замечанию новейшего исследователя и редактора наиболее авторитетных советских изданий Фета Б. Я. Бухштаба: "Хронологию стихов Фета надо признать одной из самых темных проблем его изучения" "Литературное наследство", т. 22-24. М., 1935, стр. 601.. Сам Бухштаб сделал попытку датировать стихи по месту нахождения их в рукописных тетрадах Фета. Однако поэт не записывал стихотворений в хронологической последовательности. Например, одна из его рукописных тетрадей велась начиная с 1859 г. и кончая 1885 г. Двадцать шесть лет Фет вписывал в нее стихотворения, по многу раз и в разные годы возвращаясь к ним, переделывая, внося новые стихотворения в оставшиеся пустыми страницы, заполнял чистые обороты. Эти многослойные и разновременные записи, в которых подчас сонет 60-х годов соседствует с переводом 80-х годов, — не могут служить твердым основанием для датировки. К III тому Полного собрания стихотворений под ред. Б. В. Никольского Полное собрание стихотворений А. А. Фета. Под ред. Б. В. Никольского, тт. — I-III. СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1901; 2-е изд. — 1910 г. приложен хронологический указатель стихотворений. В нем много ошибок и неточностей (см. об этом в статье Н. Н. Черногубова "К хронологии стихов Фета") "Северные цветы на 1902 г.". М., стр. 215-224.. Но при составлении указателя Никольский имел возможность пользоваться утерянными ныне тетрадами Фета и указаниями секретаря поэта Екатерины Владимировны Федоровой. Поэтому при отсутствии других данных для датировки нами дается в примечаниях ссылка на этот указатель.

В настоящем издании печатаются стихотворные переводы Фета, которые включены поэтом в сборники "Вечерних огней", в том числе и те, которые не вошли ни в одно советское издание стихотворений поэта: "Послание к Пизонам" Горация, "Дюпон и Дюран" Мюссе, "Филемон и Бавкида" из книги "Метаморфоз" Овидия.

В качестве "Дополнения" публикуется "пятый" выпуск "Вечерних огней", готовившийся поэтом к изданию, но в печати не появившийся. История его создания такова.

После выхода последнего, IV, выпуска "Вечерних огней" в 1891 г. (цензурное разрешение 31 октября 1890 г.) Фет начинает собирать вновь создаваемые им стихотворения для следующего выпуска. 4 ноября 1891 г. он сообщал К. Р., что набирает "новую тетрадку "Вечерних огней". Одновременно поэт готовил издание собрания своих стихотворений. Однако болезнь и смерть помешали осуществлению обоих замыслов. Сразу же после кончины поэта (умершего 21 ноября 1892 г.) Н. Н. Страхов и К. Р. начинают работу по собиранию рукописных материалов для издания посмертного собрания его стихотворений (см. переписку Страхова с К. Р., хранящуюся в Отделе рукописей Пушкинского дома в Ленинграде). Вдова поэта Мария Петровна Шеншина пересылает для этого К. Р. все рукописи поэта последних лет, в том числе две неизданные тетради стихотворений, намечавшихся к изданию в качестве нового выпуска "Вечерних огней", и авторский список произведений, которые Фет намеревался включить в собрание стихотворений. После большой подготовительной работы Страхов и К. Р. издают в 1894 г. "Лирические стихотворения А. Фета" "Лирические стихотворения А. Фета", ч. I и II. СПб., 1894.. Положив в основу план издания, составленный Фетом, редакторы изменили его композицию. Перенеся по своему усмотрению стихотворения Фета из одного отдела в другой, они выделили "Вечерние огни" в особый отдел, также изменив в нем порядок стихотворений и расположив их в хронологической последовательности. Кроме четырех выпусков "Вечерних огней", они образовали отдел "Из пятого выпуска", который, как пишет Страхов в предисловии, "уже был подготовлен для издания самим Фетом". 14 марта 1894 г. К. Р. сообщал Страхову: "...ввиду того, что пятый выпуск "Вечерних огней", хоть и был подготовлен к печати, но на свет еще не появлялся, я полагаю, что в нем следовало бы

расположить стихотворения в хронологическом порядке. Для этого следовало бы IX стихотворение (стр. 211) поставить на место IV (перенеся его на стр. 206), а от IV вплоть до VIII-го включительно все пять пьес в том же порядке поместить под цифрами V, VI, VII, VIII и IX". Из письма К. Р. Страху от 23 апреля 1894 г. видно, что кроме того составители посмертного собрания сочинений Фета перенесли ряд стихотворений из "Вечерних огней" в другие разделы (см. примеч. к стих. "Барашков буря шлет своих..."). Значительной правке Стрхова подверглась и авторская пунктуация. 27 октября 1893 г. К. Р. писал Страху: "Благодаря исправленным вами знакам препинания многие стихотворения, которых я просто не понимал, получили для меня свою надлежащую прелесть...".

Тетради с подготовленным Фетом новым выпуском "Вечерних огней" не сохранились, и потому мы не располагаем точными данными, какие стихотворения хотел он в него включить. Издание полного собрания стихотворений Фета, осуществленное в 1901 г. В. В. Никольским, никак не может приниматься во внимание при изучении состава "Вечерних огней". Никольский произвольно разбил стихи поэта на новые разделы и придумал для них свои названия ("Сны", "Бессонница", "Сердце" и т. п.). В "Вечерние огни" он внес все философские стихи поэта, распределив их по одиннадцати разделам. До сих пор представление об этом последнем выпуске читатели имели только по выборочной публикации Стрхова в издании 1894 г., где он состоял из следующих стихотворений: I. "Алмаз"; II. "Теснее и ближе сюда!"; III. "Из тонких линий идеала..."; IV. "Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал..."; V. "Весь вешний день среди стремленья..."; VI. "Безобидней всех и проще..."; VII. "Завтра я не различаю..."; VIII. "Я слышу — и судьбе я покоряюсь грозной..."; IX. "За горами, песками, морями..."; X. "Роящимся мечтам лететь дав волю..."; XI. "Я говорю, что я люблю с тобою встречи..."; XII. "Давно в любви отрады мало..."; XIII. "Месяц и роза"; XIV. "Ель рукавом мне тропинку завесила..."; XV. "Почему"; XVI. "Не отнеси к холодному бесстрастью..."; XVII. "Не могу я слышать этой птички..."; XVIII. "Рассыпался смехом ребенка..."; XIX. "Когда, смущенный, умолкаю..."; XX. "Она ему — образ мгновенный..."; XXI. "Тяжело в ночной тиши..."

Однако известно, что, во-первых, Стрхов и К. Р. опубликовали не все подготовленные Фетом стихотворения, а лишь часть их (так же, как они публиковали стихотворения "Из первого выпуска "Вечерних огней", "Из второго..." и т. д.); во-вторых, как мы уже говорили, расположили их в одном хронологическом ряду. Между тем хронология стихов никогда не была для самого Фета композиционным принципом, и все стихотворения в прижизненных выпусках "Вечерних огней" располагались им отнюдь не в порядке их написания. В настоящем издании сделана попытка восстановить состав и композицию V выпуска "Вечерних огней" по сохранившемуся оглавлению для собрания стихотворений, составленному в 1892 г. Фетом См. о нем: Б. П. Бухштаб. Судьба литературного наследства А. А. Фета. Обзор. — "Литературное наследство", т. 22-24. М., 1935, стр. 582-583.. В Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве имеются три оглавления, написанные: рукой секретаря Фета — Е. В. Федоровой, Вл. Соловьевым и К. Р. Первый список представляет собой оглавление, составленное, очевидно, самим Фетом для предполагавшегося издания его стихотворений отдельной книгой. Список стихотворений, написанный рукой К. Р., — более поздний и представляет собой черновой план готовившегося им посмертного издания 1894 г. Это оглавление было составлено на основании изучения всех рукописных материалов, переданных К. Р. М. П. Шеншиной, в том числе тетрад с неизданными стихотворениями, предназначавшимися для V выпуска "Вечерних огней", а также двух вышеупомянутых оглавлений.

В оглавлении, написанном рукой Е. В. Федоровой (назовем его условно "списком Фета"), стихотворения разбиты на отделы: "Море", "Мелодии", "Гадания" и др. без выделения "Вечерних огней" в особый отдел. Стихотворения из выпусков "Вечерних огней" рассредоточены по другим отделам. Около каждого стихотворения помечено, из какого выпуска "Вечерних огней" или сборника (например, издания 1863 г. "Стихотворения А. А.

Фета", ч. I-II. М., изд. К. Солдатенкова, 1863.) взято данное стихотворение. Около стихотворений последних лет стоят пометки "Из неизданного". К. Р., изучая Фетовский список, около каждого стихотворения поставил своей рукой страницы сборников, где они были опубликованы. Около же стихотворений, помеченных неизданными, он ставит римские цифры, взятые, по-видимому, из неизданных тетрадей и, следовательно, обозначающих порядковый номер расположения их для издания V выпуска "Вечерних огней" (предыдущие три выпуска также шли под номерами). В списке, составленном К. Р., также помечены порядковые номера, совпадающие, за исключением двух случаев, с номерами из оглавления Фета. (Сопоставив номера стихотворений, включенных Страховым и К. Р. в раздел "Из пятого выпуска "Вечерних огней" в издании 1894 г., с теми номерами, которыми помечены эти же стихотворения в списке Фета, можно наглядно увидеть перестановки, которые были сделаны издателями.)

Следовательно, отобрав в списке неизданные стихотворения из разных отделов и расположив их в порядке помеченных К. Р. номеров, — мы получим примерный состав и композицию подготовленного Фетом V выпуска "Вечерних огней". Естественно, что восстановленный таким образом состав его будет все же приблизительным, поскольку, во-первых, у нас нет уверенности, что выпуск должен был состоять только из указанных в списке пятидесяти пяти, а не большего количества стихотворений. Возможно, что не все стихотворения, предназначавшиеся для последнего выпуска "Вечерних огней", Фет намерен был поместить в собрание сочинений. Часть из них поэтому могла не войти в оглавление и осталась в не дошедших до нас тетрадях. Во-вторых, в восстановленном по пометкам К. Р. оглавлении "Вечерних огней" не хватает пяти номеров: XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX и XLVII. Возможно, К. Р. забыл пометить пять стихотворений номерами, возможно же, что эти стихотворения сознательно не были включены Фетом в готовившееся им собрание стихотворений. Изучив указанные оглавления, издание 1894 г. и переписку издателей, можно сделать некоторые предположения относительно двух отсутствующих стихотворений. Так, 21 февраля 1893 г. К. Р. обратился за разъяснением к вдове поэта: "Пересматривая данное мне вами, — сообщал он, — писанное рукою Екатерины Владимировны оглавление, я напал на следующие пять стихотворений, помеченных неизданными и ненапечатанными: "Бедный мальчик", "Как вешний день, твой лик", "Сердце желанием", "Алмаз" и "Теснее и ближе". В оставленных вами у меня двух тетрадях неизданных стихотворений упомянутых пяти пьес нет" Отдел рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома).. Ответ М. П. Шеншиной нам неизвестен. Однако ясно, что первое из них просто шло под другим названием: "Дай-ка няне" и было после ответа вдовы поэта помечено К. Р. номером LII. Второе стихотворение было неверно помечено Федоровой, как ненапечатанное. Оно вошло в IV выпуск "Вечерних огней". Стихотворение "Сердце желанием" было действительно не напечатано. Однако в издании 1894 г. Страхов и К. Р. поместили его не в разделе "Вечерних огней", а в отделе "Посланий", под заголовком: "Великому князю Константину Константиновичу и вел. княгине Елисавете Мавришские при взгляде на их портреты". В списках под номером LIII значится стихотворение "Великому князю и Елисавете Мавришские". Ненапечатанных стихотворений, им посвященных, имеется два: "Сердце желанием встречи томимо..." и "Когда дыхание множит муки..." Какое из них должно было войти в V выпуск — неизвестно. Условно мы помещаем второе из них, так как "Сердце желанием..." было написано 4 июня 1889 г., т. е. до выхода еще IV выпуска "Вечерних огней". Последние же два стихотворения: "Алмаз" и "Теснее и ближе..." в оглавлении так и остались не помеченными номерами. Оба эти стихотворения, в отличие от остальных, вошедших в V выпуск и написанных поэтом в последние два года его жизни, созданы им в 1887 г., но не были включены ни в III, ни в IV выпуски. Однако в издании 1894 г. оба стихотворения были введены в раздел V выпуска "Вечерних огней". Не видя тетради Фета с V выпуском, мы не можем сказать, является ли включение их в "Вечерние огни" в посмертном издании 1894 г. произволом редакторов или сам поэт предполагал включить их в

последний выпуск. В настоящем издании мы условно помещаем их в конце выпуска без номеров (хотя в издании 1894 г., где все стихотворения расположены в хронологическом порядке, "Алмаз" шел под № 1, а "Теснее и ближе..." под № 2).

Наша публикация является первой попыткой восстановить утерянный выпуск последних стихотворений поэта. Сложная текстологическая проблема V выпуска "Вечерних огней" требует дальнейшего изучения.

Тексты стихотворений V выпуска печатаются нами по изданию 1894 г., так как его составители располагали утерянными ныне тетрадями Фета с последними прижизненными пометами поэта. Не видя этих тетрадей, мы не можем знать, какие исправления, по сравнению с сохранившимися автографами или более ранними публикациями стихотворений, принадлежат Страхову, а какие являются последней правкой самого поэта.

В разделе "Другие редакции и варианты" даются разночтения всех сохранившихся рукописных и печатных источников. В настоящем издании впервые все тексты сверены с автографами или авторизованными списками стихотворений, регулярно посылаемых поэтом в письмах своим друзьям: Л. Н. Толстому, Н. Н. Страхову, Я. П. Полонскому, К. Р. "Не только живые люди могут засвидетельствовать, с какой признательностью я ловлю все замечания по поводу моих работ, — писал Фет 17 февраля 1891 г. Полонскому, — но и покойный Тургенев неоднократно выставлял на вид это мое качество". Из 314 стихотворений, входящих в выпуски "Вечерних огней", для 98 сохранились письма с текстами этих стихотворений. К сожалению, многие письма Фета утеряны (например, письма к Страхову конца 80-х годов). Все разночтения ранних редакций стихотворений, посланных в письмах, помещены в настоящем издании в разделе "Другие редакции и варианты"; критические замечания друзей, с учетом которых Фет в дальнейшем перерабатывал свои произведения, даны в примечаниях. Нами приводится большое количество как опубликованных, так и никем и нигде не опубликованных выдержек из писем, хранящихся в архивах. Тем самым наиболее полно воссоздается творческая история стихотворений (Печатные прижизненные отзывы о стихотворениях, содержащиеся в рецензиях на выход в свет отдельных выпусков "Вечерних огней" мы не имеем возможности отразить в настоящем издании. См. библиографию в кн.: В. С. Федина. А. А. Фет. Материалы к характеристике. Пг., 1915 г.).

В последние годы жизни Фета его друзья часто жаловались на неразборчивость почерка поэта. Поэтому большинство писем написаны его секретарем Екатериной Владимировной Федоровой. Своей рукой поэт дописывал лишь заключительные строки писем. Тексты стихотворений, посылаемых в письмах и также переписанных Федоровой (возможно написанных иногда и под диктовку), мы называем в примечаниях "авторизованным текстом", а не списком. Научно-справочный аппарат включает кроме примечаний, библиографию музыкальных произведений на стихи Фета, входящих в "Вечерние огни". Тексты стихотворений и примечания к ним подготовлены М. А. Соколовой при участии Я. Я. Грамолиной (переводы Фета. Из Гете: "Прекрасная ночь", "Ночная песня путника", "Границы человечества"; из Уланда: "Бертран де Ворн"; из Гейне: "Ты вся в жемчугах и в алмазах...", "Дитя, мы детьми еще были..."; из Шиллера: "Боги Греции"; из Саади: "Подражание восточным стихотворцам"; из Рюккерта: "Если ты меня разлюбишь...", "Пусть бы люди про меня забыли...", "Как мне решить, о друг прелестный...", "У моей возлюбленной есть украшение...", "И улыбки и угрозы...", "Не хочу морозной я..."; "Песни кавказских горцев"; из Мюссе: "Дюпон и Дюран"; из Мерики: "Будь Феокрит, о прелестнейший, мной упомянут с хвалою..."; из Катулла: "Тот богоравный был избран судьбою..."; из Овидия: "I элегия", "II элегия", "V элегия"; "Филемон и Бавкида"; К. Горация Флакка. "О поэтическом искусстве. К Пизонам"; из Гете: "Рыбак", "Зимняя поездка на Гарц"; из Мерики: "Как красив на утренней заре...")

М. А. Соколова

ПРИМЕЧАНИЯ
ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

1

"Окна в решетках, и сумрачны лица..." (Стр. 7)

Впервые — ВО1, стр. 3

Написано не позднее декабря 1882 г. (Цензурное разрешение выпуска: 28 декабря 1882 г.).

Элегии и думы

2

"Не первый год у этих мест..." (Стр. 8)

Впервые — РВ, 1864, № 3, стр. 138. В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 21 — ранняя редакция стихотворения с правкой трех слоев: при написании, при подготовке к публикации в РВ и для ВО. В Хрон. указ. датируется 1863 г.

3

"Томительно-призывно и напрасно..." (Стр. 9)

Впервые — "Заря", 1871, № 3, стр. 32. В ВО1 помещено с значительными отличиями от первой редакции. Автограф в Тетр. II, стр. 77 представляет собой раннюю редакцию (совпадающую с текстом первой журнальной публикации) с более поздней правкой.

Написано не позднее марта 1871 г.; в Хрон. указ. датируется ошибочно 1879 г.

4

"Ты отстрадала, я еще страдаю..." (Стр. 10)

Впервые — РР, 1879, № 5, стр. 78, под заглавием: "Отошедшей". В ВО1 вошло с изменениями. Автографы: в Тетр. II, стр. 124 об., с заглавием "Отошедшей" и датой: "4 ноября 1878" и в письмах Фета к Л. Н. Толстому от 4 ноября 1878 г. и 2 января 1879 г. (ГМТ). В письме от 4 ноября Фет писал: "...посылаю только что оконченное сегодня стихотворение. Прочтите его графине, — и что скажете оба? Без вашего общего суда не напечатаю. — Я им лично доволен. Обратите внимание на технику и фактуру. Видно, что свое, не выдуманное" (Толстой. Переписка, стр. 376). 22 ноября Л. Н. Толстой ответил: "...стихотворение ваше прекрасно-роженое, как все ваши прекрасные вещи. Я бы желал переменить "властительному маю", но знаю, что это нельзя. С женой мы о вас, как человеке и друге и как о поэте, всегда вполне совпадаем" (Толстой, т. 62, стр. 453). 2 января 1879 г. Фет вторично послал Толстому стихотворение уже с заглавием "Отошедшей" и с измененной по замечанию писателя 7-й строкой: "всевидающему" маю вместо: "властительному". С Л. Н. Толстым и его женой Фета связывала многолетняя дружба, начавшаяся через несколько лет после знакомства (в 1855 г.). Поэт часто наезжал с женой в Ясную Поляну. Фет "искренно любил Льва Николаевича не только как художника, но и как человека", — вспоминал сын Толстого Сергей Львович. С. Л. Толстой отмечал, что Лев Николаевич ценил и любил очень немногих поэтов и "к числу этих немногих он относил Фета". Обширная переписка Фета с Толстым показывает, что, посылая Льву Николаевичу свои стихи, Фет внимательно прислушивался к его указаниям. В свою очередь Толстой ценил замечания поэта о его

произведениях, прося делать их "поправдивее, т. е. порезче" (Толстой, т. 61, стр. 125). Подробнее об их взаимоотношениях в разные годы см. в кн.: Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., Изд. АН СССР, 1963; в кн.: С. Л. Толстой. Очерки былого. Тула, 1965, гл. "А. А. Фет", стр. 346-353; в кн.: Толстой. Переписка. Вступ. статья С. Розановой, стр. XX-XXVIII.

5

Alter ego (Стр. 11)

Впервые — "Огонек", 1879, № 8, от 12 февраля, стр. 163; затем РР, 1879, № 4, стр. 79. В ВО1 вошло с изменениями. Автографы: в Тетр. П, стр. 116 об., в ГВЛ (ф. 502, л. 14), с пометой: "Огонек" № 7", представляющий собой редакцию, совпадающую с журнальным текстом, и в письме к Л. Н. Толстому от 19 января 1878 г. (ГМТ). "Между прочим, по обычаю посылаю стихотворение, — писал Фет, — не знаю, как написавшееся, но которое прошу прочесть графине Софье Андреевне, так как, по-моему, из живущих оно более всего подходит к ней. Вы знаете, что я в вашей критике ищу правду и не только вашим, но и ничьим мнениям не обижался" (Толстой. Переписка, стр. 352). 27 января Толстой благодарит поэта за стихотворение. "...Оно прекрасно! На нем есть тот особенный характер, который есть в ваших последних — столь редких стихотворениях. Очень они компактны, и сиянье от них очень далекое <...> В подробностях же вот что. Прочтя его, я сказал жене: "Стихотворение Фета прелестное, но одно слово нехорошо". Она кормила и суежилась, но за чаем, успокоившись, взяла читать и тотчас же указала на то слово, которое я считал нехорошим: "как боги" (Толстой, т. 62, стр. 385). 31 января Фет ответил Толстому: "...Что касается: "как боги", то я, писавши, сам на него наткнулся, но тем не менее оставил. Знаю, почему оно вам претит — напоминает неуместную мифологию. Но вы знаете, что мысль всякую, а тем более в искусстве трудно заменить. А чем вы выразите то, что я хотел сказать словами: как боги? Словами: *так властно*, как черти с расширенными ноздрями, не только наслаждаясь, но и чувствуя свое исключительное господство, *как в раю*? Односторонне и бледно. Я подумал: ведь Тютчев сказал же: "По высям творенья как бог я шагнул" и позволил себе: "Как боги". И ужасно затрудняюсь заменить эти слова. О напечатании и не помышляю" (Толстой. Переписка, стр. 354-355).

Видимо, в середине января 1879 г. Фет послал несколько своих стихотворений Н. Н. Страхову, который опубликовал их в "Огоньке" ("А. А. Бржеской", "Смерть", "Никогда"). 23 января 1879 г. он писал Фету: "... Я теперь хожу всегда с вашими стихотворениями в кармане и читаю их всегда, где только можно <...> действие стихов неотразимо, и что всего сильнее действует "Alter ego", как тому и следует быть" (ГБЛ). 24 февраля Страхов сообщил, что журнал "Огонек" напечатал стихи, "хотя и поставил "лилия" вместо "лилея". Фет поблагодарил Страхова за хлопоты, а 23 марта писал: "Огонек" получен и о лилии сокрушаюсь..." (ГБЛ).

С Николаем Николаевичем Страховым (1826-1896), литературным критиком и философом, Фет познакомился в 1876 г. в Ясной Поляне. В период создания "Вечерних огней" он стал основным советчиком, критиком и редактором стихотворений поэта. Его перу принадлежат рецензии на выпуски "Вечерних огней", написанные сразу же после выхода сборников (см. "Русь", 1883, № 24; "Новое время", 1889, № 4633) и несколько биографических очерков (в книгах: А. А. Фет. Издание 1894 г.; Фет А. А. Полное собр. стих., т. I. Пб., изд. А. Ф. Маркса, 1901 г.).

Написано не позднее 19 января 1878 г. (на основании письма Фета к Толстому).

Alter ego — второе я (лат.).

Смерть (Стр. 12)

Впервые — "Огонек", 1879, № 9, стр. 195. Автографы: в Тетр. II, стр. 126 об., с датой: "1878. 8" и в письме к Л. Н. Толстому от 2 января 1879 (ГМТ). Оценку стихотворения Толстой дал в письме от 31 января — 1 февраля 1879 г. (Толстой, т. 62, стр. 469). Страхов намеревался поместить стихотворение Фета в "Русской речи", однако, как сообщает он Фету 24 февраля, редактор журнала А. А. Навроцкий просил изменить слово "простерть". Возмущенный поэт отвечал Страхову 3 марта: "Другие люди благодарили бы меня слезно, что я возобновил державинское совершенное "простерть". Протягивать — протянуть. Простирать — не значит "простереть" — "простерть". Кто же, как не стихотворцы, должны усекать неповоротливые слова. Стихотворная речь и адвокатская — только у ослов одна и та же" (ГБЛ).

Среди звезд (Стр. 13)

Впервые — РВ, 1876, № 12, стр. 781. Автограф в письме к Л. Н. Толстому от 22 ноября 1876 г. (ГМТ), в котором Фет писал: "Посылаю мое сегодняшнее стихогрешение" (Толстой. Переписка, стр. 325). Список стихотворения с авторской правкой — в Тетр. II, стр. 111.

Толстой высоко оценил "философски поэтический" характер стихотворения, и считал лучшей в нем последнюю строфу — см. Толстой, т. 62, стр. 294 и 303.

Датируется на основании письма к Толстому, 22 ноября 1876 г.

I. "Измучен жизнью, коварством надежды..." (Стр. 14-15)

Впервые — ВО1, стр. 13. Автограф в Тетр. II, стр. 34 об. — 36, — ранняя редакция, где данное стихотворение (впоследствии названное первым) и следующее (названное вторым) представляли собой одно стихотворение со следующим порядком строф: 1) 1-я строфа из I стих.; 2) 1-я строфа из II стих.; 3) 2-я строфа из II стих.; 4) 3-я строфа из I стих.; 5) 4-я строфа из I стих.; 6) 5-я строфа из I стих.; 7) 3-я строфа из II стих.; 8) 6-я строфа из I стих. Эпиграф написан внизу страницы. При переработке Фет, зачеркнув 2-ю и 3-ю строфы, заменил их новой: "Еще темнее мрак жизни вседневной..." Впоследствии же, готовя к изданию "Вечерние огни", он, добавив к двум вычеркнутым строфам третью (бывшую 7-ю), создал самостоятельное стихотворение (II).

В Хрон. указ. датируется 1864 г.

Эпиграф к стихотворению взят из книги Шопенгауэра "Parerga und Paralipomena", т. II, 29: "Равномерность движения времени во всех головах доказывает больше, чем что-либо другое, что мы все погружены в один и тот же сон, что все видящие этот сон, являются единым существом" (нем.).

II. "В тиши и мраке таинственной ночи..." (Стр. 16)

Впервые — ВО1, стр. 15. Автограф в Тетр. II, стр. 34 об. — 36 (см. прим. к стихотворению "Измучен жизнью, коварством надежды...").

В Хрон. указ. датируется 1864 г.

10

26 мая 1880 года К памятнику Пушкина (Стр. 17)

Впервые — ВО1, стр. 16. Автографы: в ЦГАЛИ (ф. 515. 1. 2) с заглавием: "На 26 мая 1880 года. К памятнику А. С. Пушкина" и в письме Фета от 12 мая 1880 г. на имя московского Общества любителей российской словесности (ГБЛ, ф. 315. 4. 8), в котором поэт писал: "Сердечно благодарю Общество за память обо мне и не имея, по нездоровью, возможности присутствовать на его заседаниях, приношу к подножию великого поэта мое старческое слово". Далее следуют два первые катрена стихотворения, написанного в честь открытия в 1880 г. памятника Пушкину в Москве. По случаю смерти императрицы праздник был перенесен с 26 мая (годовщины рождения Пушкина) на 6 июня. 7 и 8 июня на торжественных заседаниях Общества любителей российской словесности с речами о Пушкине выступили Тургенев, Достоевский и другие видные писатели. Стихотворение же Фета, полемически заостренное против революционно-демократической, гражданской поэзии, прочитано не было. 12 июня Страхов писал Фету: "... я ездил в Москву на праздник Пушкина, все видел и слышал, и составил описание всего торжества ... Читал ваши чудесные стихи, написанные против праздника. Мне стало понятно, отчего их там публично не читали" (ГВЛ).

7 ...*вавилонский крик*. — По библейской легенде, чтобы помешать жителям древнего Вавилона построить столп до небес, бог смешал все языки и люди перестали понимать друг друга.

12 *Кому печной горшок всех помыслов предел* — использован образ из стихотворения Пушкина "Поэт и толпа": "Печной горшок тебе дороже..."

11-14 *И плюет на алтарь ~ незыблемый треножник* — перефразировка последних строк сонета Пушкина "Поэту":

И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

11

1 марта 1881 года (Стр. 18)

Впервые — РВ, 1881, № 4, стр. 726, без заглавия. Автограф в Тетр. II, стр. 134.

Написано по поводу постановления С.-Петербургской думы от 6 марта 1881 г. "соорудить на общественный счет храм на месте убиения императора" Александра II 1 марта 1881 г.

Написано не ранее 6 марта 1881 г.

12

"Когда Божественный бежал людских речей..." (Стр. 19)

Впервые — ВО1 стр. 18. Список с авторской правкой в Тетр. II, стр. 110 об.

Написано, по-видимому, в конце ноября — начале декабря 1876 г. Впервые о стихотворении Фет сообщал Толстому 6 декабря 1876 г. (см. прим. к стих. "Среди звезд"). Тогда же поэт послал стихотворение в редакцию "Русского вестника", однако напечатано там оно не было.

В основе стихотворения — евангельский эпизод: Иисус Христос, постившийся в

пустыне 40 дней и ночей, "напоследок взалкал". Дьявол возносит его на вершину горы и, показывая все царства мира, предлагает: "Все это отдам тебе, если, поклонись мне". Однако Иисус прогоняет его ("Евангелие от Матфея", 4, 1-11).

13**Ничтожество (Стр. 20-21)**

Впервые — ВО1, стр. 19-20. Автограф в Тетр. II, стр. 132 об. — 133.

Стихотворение было послано в недошедшем до нас письме Страхову, который ответил Фету 14 сентября 1880 г.: "Стихотворение ваше для меня драгоценно, но для публики, я думаю, неудачно. Куплет "Что ж ты? Зачем?" и пр. удивителен. А стих "Я, рухнув, силой хоть младенца обладал" очень плох" (ГВЛ). Эту строку Фет впоследствии переделал.

Судя по письму Страхова, стихотворение было написано в начале сентября 1880 г.

Ничтожество — здесь употреблено в значении: небытие.

14**"Ее тем, господь, могуч, непостижим..." (Стр. 22)**

Впервые — РР, 1879, № 10, стр. 78. В ВО1 вошло с изменениями.

Автографы: черновой на письме Фету В. И. Кологривова от 3 марта 1879 г. (ГБЛ, ф. 315, л. 14) и в Тетр. II, стр. 131 об., с позднейшей правкой, совпадающей с текстом ВО.

Написано не ранее 3 марта 1879.

15**Никогда (Стр. 23-24)**

Впервые — "Огонек", 1879, № 9, стр. 191. В ВО1 вошло с изменениями. Автографы: в Тетр. II, стр. 128 об. — 129, в ЦГАЛИ (ф. 212.1.276) и в письме к Толстому от 21 января 1879 г. (ГМТ).

16 января 1879 г. Фет писал Страхову: "Вчера прорвало новым стихотворением, которое прилагаю" (ГВЛ). (Посланный текст стихотворения не сохранился.) 21 января Фет послал стихотворение Толстому, который в ответном письме от 31.1-1.II писал, что не согласен с философским содержанием стихотворения, "...я бы не захотел опять в могилу. Для меня и с уничтожением всякой жизни, кроме меня, все еще не кончено. Для меня остаются еще мои отношения к богу, то есть отношения к той силе, которая меня произвела, меня тянула к себе и меня уничтожит или видоизменит" (Толстой, т. 62, стр. 469). Однако Фет не согласился с Толстым и в письме от 3 февраля 1879 г. подробно защищает "концепцию всего стихотворения" (см. Толстой. Переписка, стр. 383-385).

Датируется 15 января 1879 г. на основании письма к Страхову.

16**"Жизнь пронеслась без явного следа..." (Стр. 25)**

Впервые — РВ, 1865, № 3, стр. 278. В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 41.

Написано, по-видимому, в конце 1864 г. и было послано Тургеневу в не дошедшем до нас письме. 2 января 1865 г. Тургенев отвечал поэту: "Присланное стихотворение очень и

очень мне понравилось. Тонкое и верное сравнение. Но каким образом: все тише, все ясней в первой строфе ладит с мраком во второй? Тут есть маленькое отсутствие гармонии и поэтического равновесия. Я думаю — это весьма легко исправить (Тургенев, т. V, стр. 321-322). В Тетр. II строка "Сбирается во мраке и в тиши" исправлена карандашом на "Сбирается в серебряной тиши" и в РВ стихотворение опубликовано уже в исправленном, по замечанию Тургенева, виде.

И. С. Тургенев, с которым Фет сблизился в 1853 г., был около 10 лет основным литературным критиком и придирчивым редактором поэта, к советам которого Фет внимательно прислушивался (см. статью Д. Д. Благого "Тургенев — редактор Фета" — "Печать и революция", 1923, кн. 3, стр. 45-64). "Я очень его люблю, и мы переписываемся и ссоримся в каждом письме", — писал Тургенев о Фете в 1868 г. Полонскому (Тургенев, т. VII, стр. 26). После разрыва, происшедшего в 1874 г., дружба писателя и поэта прервалась, и переписка, возобновившаяся через несколько лет, носила уже иной характер. "Одно время Фет был близок с Тургеневым, — писал в своих воспоминаниях С. Л. Толстой, — но не думаю, чтобы он был дружен с ним: он не без удовольствия критиковал произведения Тургенева и его самого <...> Тургенев не выносил реакционного направления Фета и его статей в "Русском вестнике" и в "Московских ведомостях" (С. Л. Толстой. Очерки былого. Тула, 1965, стр. 351-352).

17

Море Буря (Стр. 26)

Впервые — ВО1, стр. 27. Автографы: в Тетр. I, стр. 89 об. (ранняя редакция стихотворения с позднейшей карандашной правкой, совпадающей с текстом ВО) и в письме к Некрасову от 27 июня 1854 г. (ГБЛ, М. 5765.61). В публикации письма в "Архиве села Карабиhi" (М., К. Некрасов, 1916, стр. 217), в строке 10-й стихотворения допущено ошибочное прочтение и вместо "во мгле" опубликовано "волной".

Датируется предположительно июнем 1854 г. на основании письма к Некрасову.

18

После бури (Стр. 28)

Впервые — "Заря", 1871, № 2, стр. 252. В ВО1 вошло с исправлением. Автограф в Тетр. II, стр. 76. По-видимому, 8-я строка изменена поэтом (см. "Другие редакции и варианты") под влиянием Толстого, писавшего ему 1 декабря 1870 г.: "Стихотворенье, которое вы мне прислали, одно из прекрасных; но последняя строфа, прекрасная по мысли, не готова. Утлый челн и паруса несогласно. Я уверен, что вы уже перелили эту строфу" (Толстой, т. 61, стр. 244).

Датируется предположительно ноябрем 1870 г. — на основании письма Толстого.

19

"Вчера расстались мы с тобой..." (Стр. 29)

Впервые — БдЧ, 1865, № 3, стр. 98. Автограф в Тетр. II, стр. 34, под заглавием "Волна". В Хрон. указ. датируется 1864 г.

20

Впервые — РС, 1860, № 4, стр. 66. В ВО1 вошло в новой редакции. Автограф в Тетр. II, стр. 3 представляет собой самую раннюю (I) редакцию стихотворения с двумя видами правки — для публикации в журнале (II редакция) и следующий слой правки — промежуточный между журнальной редакцией и текстом ВО. Первая редакция стихотворения была написана Фетом в ноябре — декабре 1859 г. и послана Тургеневу, который в письме от 7-25 декабря отметил, как "непостижимо-непонятный" стих: "Бросаясь навстречу движения двойного . Движение волн улавливается чувствами; но один разве сказочный богатырь, который слышал , как трава росла, — может видеть , как ночь двигаясь одевается" (Тургенев, т. III, стр. 392). Публикуя стихотворение в журнале, Фет изменил "Бросаясь навстречу" на "Любуясь раздольем".

21

Снега "Еще вчера, на солнце млея..." (Стр. 31)

Впервые — РВ, 1865, № 4, стр. 585. В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 40 — ранний вариант стихотворения с позднейшим исправлением строки 13-й.

В Хрон. указ. датируется 1864 г.

22

"Какая грусть! Конец аллеи..." (Стр. 32)

Впервые — ВО1, стр. 34. Автограф в Тетр. II, стр. 11-11 об. ранняя редакция со следами переработки. Так, строфы 3-6-я вычеркнуты, 7-я заменена новой строфой (4-й в редакции ВО), в которой 3-я строка имела несколько вариантов — сначала: "И полетит в заветный край", потом: "И воспарит в заветный край", и, наконец, "Опять родной увидит край". Переделка, по-видимому, была сделана под впечатлением отзыва Тургенева, которому Фет послал стихотворение в первой половине марта 1862 г. В письме к В. П. Боткину от 14 марта Тургенев писал: "От Фета получил милейшее письмо со стихами — из которых первые 6 очень милы, — а там пошел Трубадур — да еще какой! Совершенно ничего понять нельзя" (Тургенев, т. IV, стр. 356. Тургенев намекает на ненапечатанное и, по-видимому, утерянное стихотворение Фета "Трубадур" или "Мщение трубадура", о котором с иронией писал Л. Н. Толстому А. В. Дружинин 31 декабря 1859 г., а Б. И. Чичерин вспоминал, что в нем "с первой строки до последней не было ни малейшего смысла и ничего нельзя было понять". — Б. И. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929, стр. 145). В ответном письме Фету 19 марта Тургенев писал, что "стихов" "я со второй строфы — до судороги не понимаю. Там есть такой: "хор замер" — от которого шестидневный мертвец в гробу перевернется" (Там же, стр. 362).

Датируется предположительно концом февраля — началом марта 1862 г. на основании письма Тургенева к Боткину.

23

У окна (Стр. 33)

Впервые — "Заря", 1872, № 1, стр. 250, под заглавием: "У морозного окна". В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 79, имеет заглавие "У окна" и совпадает с журнальным текстом.

Печатается с исправлением по тексту "Зари": 8-я строка "жемчужную" вместо: "жемчужною". Возможно окончание "ою" в ВО явилось результатом неразобранного в рукописи окончания "ого".

В Хрон. указ. датируется 1870 г.

24

Весна "Глубь небес опять ясна..." (Стр. 34)

Впервые — "Огонек", 1879, № 18, стр. 369. Автографы: в Тетр. II, стр. 130 с датой: "1879-тый марта 22"; черновой — в ГБЛ (ф. 315.15) и в письмах; Страхову от 23 марта 1879 г. (ГБЛ), где Фет сообщал: "Вчера написал стихи и посылаю на рецензию к вам", и Толстому от 28 марта (ГМТ). Получив стихотворение, Страхов писал Фету 12 апреля: "В вашем стихотворении (бесподобном!) мне показался неясным только один стих: "Как в волшебный срок она". Срок — это конец, минута исполнения известного времени" (ГБЛ). 16 апреля Фет отвечал Страхову: "... Хотя не спорю, что это слово означает, собственно, термин, но для понятия период — не знаю русского и дерзнул употребить. Но во избежание недоразумения я уже переправил стих так: "Как немая смерть она". Едва ли это не лучше, так как есть уже слово *очарованная*, указывающее, в чем дело" (ГБЛ). Однако на следующий день Фет сообщил Страхову, что вновь перделал стихотворение, и новый вариант 2-й строфы был тем окончательным текстом, который вошел в публикацию ВО. Датируется 22 марта 1879 г. на основании письма к Страхову.

25

"Еще, еще! Ах, сердце слышит..." (Стр. 35)

Впервые — ВО1 стр. 40. Автограф — в письме к Толстому от 23 апреля 1877 (ГМТ). В Тетр. II, стр. 115 — список с поправками Фета.

Датируется предположительно апрелем 1877 г.

26

"Когда вослед весенних бурь..." (Стр. 36)

Впервые — ВО1, стр. 41. Автограф в Тетр. II, стр. 43, под заглавием "Весна". В Хрон. указ. датируется 1865 г.

27

"Всю ночь гремел овраг соседний..." (Стр. 37)

Впервые — РВ, 1873, № 1, стр. 94. В ВО1 вошло с изменениями. Автографы двух редакций стихотворения — ранней и совпадающей с журнальным текстом — в Тетр. II, стр. 82 и 83. Имеется автограф и промежуточной редакции в ПД (архив Полонского, 11.438. LXVIIб) с поправкой Полонского и его пометой: "Написано Фетом в квартире Полонского 1872 декабрь 23".

28

"Пришла, — и тает все вокруг..." (Стр. 38)

Впервые — РВ, 1866, № 6, стр. 794, под заглавием "Весна" и датой: "Мая 20-го". В ВО1 вошло с изменениями. Автограф и Тетр. II, стр. 56 (промежуточная редакция: журнальный вариант с позднейшей правкой).

29

"Я рад, когда с земного лона..." (Стр. 39)

Впервые — "Огонек", 1880, № 18, стр. 346. В ВО1 вошло с изменениями. Автографы: в Тетр. II, стр. 76 об., с датой "1879" и текстом, совпадающим с журнальной публикацией, и черновой с датой рукой С. А. Толстой: "1879 года 12 декабря" (ГМТ, фонд Л. Н. Толстого).

30

Майская ночь (Стр. 40)

Впервые — "Заря", 1870, кн. IX, стр. 87. Автограф в Тетр. II, стр. 72. Получив посланное Фетом в недошедшем до нас письме стихотворение, Толстой писал поэту 11 мая 1870 г.: "...стихотворение одно из тех редких, в которых ни слова прибавить, убавить или изменить нельзя; оно живое *само* и прелестно. Оно так хорошо, что, мне кажется, это не случайное стихотворение, а что это первая струя давно задержанного потока <...> "Ты нежная", да и все прелестно. Я не знаю у вас лучшего. Прелестно все" (Толстой, т. 61, стр. 235). В письме же от 13-14 июня Толстой вновь сообщал Фету: "Впечатление мое о вашем стихотворении не случайное, я его теперь помню наизусть и часто говорю сам себе" (Там же, стр. 237).

Датируется предположительно началом мая 1870 г. на основании письма Толстого.

Печатается с исправлением по автографу и журналу: строка 3-я — "прозрачный" вместо: "призрачный".

31

"Я ждал. Невостою-царицей..." (Стр. 41)

Впервые — ВО1, стр. 46. Автограф раннего варианта — в Тетр. II, стр. 6, с заглавием: "Весна".

В Хрон. указ. датируется 1861 г.

32

Мелодии "Сияла ночь. Лукой был полон сад; лежали..." (Стр. 42)

Впервые — ВО1, стр. 49. Автографы: в Тетр. II, стр. 115 об. — 1 — 116 (ранняя редакция стихотворения), и в письме к Толстому от 3 августа 1877 г. (ГМТ), с заглавием "Опять". "Посылаю вам вчера написанное стихотворение", — писал Фет (Толстой. Переписка, стр. 344). 10-11 августа 1877 г. Толстой сообщал Страхову: "Фет прислал письмо с прелестным любовным стихотворением" (Толстой, т. 62, стр. 336).

Сестра С. А. Толстой Т. А. Кузминская в своих воспоминаниях подробно рассказывает историю создания стихотворения. Она описывает вечер, проведенный в имении Д. А. Дьякова Черемошне. "В одно из майских воскресений в Черемошне собралось довольно много гостей..." После обеда, во время которого "Афанасий Афанасьевич оживлял весь стол

рассказами", началась музыкальная часть вечера. Кузминская пела, в том числе "Крошку" Булахова на слова Фета. Жена поэта — Марья Петровна "суетливо подходила ко многим из нас и говорила: "Вы увидите, что этот вечер не пройдет даром голубчику Фету, он что-нибудь да напишет в эту ночь..." "Было два часа почи, когда мы разошлись, — вспоминает далее Кузминская. — На другое утро, когда мы все сидели за чайным круглым столом, вошел Фет и за ним Марья Петровна с сияющей улыбкой. Они ночевали у нас. Афанасий Афанасьевич, поздоровавшись со старшими, подошел молча ко мне и положил около моей чашки исписанный листок бумаги, даже не белой, а как бы клочок серой бумаги. — Это вам в память вчерашнего эдемского вечера. — Заглавие было — "Опять" (Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1964, стр. 404-405). По воспоминаниям Кузминской, это было в мае 1866 г. В письме к Г. П. Блоку от 9 декабря 1920 г. (ГМТ) Т. А. Кузминская ошибочно отнесла этот вечер к 1865 г. Однако стихотворение, как указано выше, было послано Толстому, как "вчера написанное" 3 августа 1877 г. Б. Я. Бухштаб высказал предположение, что Кузминская ошиблась. "Воспоминание об описанном ею вечере вдохновило Фета, очевидно, когда он, через много лет, вновь услышал пение Кузминской. Этому соответствуют и слова: "И много лет прошло, томительных и скучных" (Изд. 1959, стр. 740). То, что "эдемский" вечер действительно был в 1866 г., подтверждается письмом Толстого к Т. А. Вере и Д. А. и А. Д. Дьяковым от 25 мая 1866 г.: "Фет мне пишет, что он провел у вас по его словам "эдемской" вечер с гитарой и соловьями и что на этом эдемском вечере Таня пела от 8 до 2-х часов" (Толстой, т. 61, стр. 142). Однако стихотворение, по-видимому, было написано все же не тогда, а в 1877 г., когда также был вечер, на котором Кузминская снова пела. Стихотворение, таким образом, было навеяно как воспоминаниями о встрече в Черемошне в 1866 г., так и только что состоявшемся пении Кузминской. Стихотворение сразу же было послано Фетом Толстому, а Софья Андреевна переслала его Кузминской. Это видно из письма Т. А. Кузминской к мужу — А. М. Кузминскому от 11 сентября 1877 г.: "Соня посылает мне стихи Фета и пишет: "Отгадай на чей счет они писаны?" Нетрудно было отгадать черемошанскую ночь и теперешнее пение, когда играли в карты" Письмо любезно предоставлено нам одним из составителей книги "Толстой в кругу родных" А. С. Мелковой (ред. В. А. Жданов), готовящейся в Гос. Музее Л. Н. Толстого.. Текст стихотворения, который приводит Кузминская, отличаясь от позднейшего варианта, напечатанного в "Вечерних огнях", полностью совпадает с текстом, посланным Толстому. "Стихи понравились Льву Николаевичу, — писала Кузминская, — и однажды он кому-то читал их при мне вслух. Дойдя до последней строки: "Тебя любить, обнять и плакать над тобой", — он нас всех насмешил: эти стихи прекрасные, — сказал он, — но зачем он хочет обнять Таню... человек женатый... Мы все засмеялись, так неожиданно смешно у него вышло это замечание" (Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, стр. 406).

33

"Что ты, голубчик, задумчив сидишь..." (Стр. 43)

Впервые — ВО1, стр. 50. Автографы: в Тетр. II, стр. 93 (с правкой для издания ВО) и в письме к Толстому от 15-20 февраля 1875 г. (ГМТ), в котором Фет писал: "В Мценске в ночь перед съездом вдруг написал стих, кот<орый> посылаю вам" (Фет был мировым судьей третьего участка Мценского округа). 22 февраля Толстой ответил Фету: "Ваше стихотворение мне кажется эмбрионом прекрасного стихотворения; оно, как поэтическая мысль, мне совершенно ясно, но совершенно неясно как произведение слова" (Толстой, т. 62, стр. 149). В ответном письме 8 марта Фет объяснял Толстому: "... Я хотел набросать эскиз, и потому 2 вторых стиха в куплетах не рифмованы. За достоинство стихов не стою" (Толстой. Переписка, стр. 309). 3-ю и 4-ю строки Фет все же изменил для публикации в ВО.

Датируется 11 февраля 1875 г. на основании сообщения Фета в письме к Толстому о

том, что написано стихотворение "в ночь перед съездом" (Заседание мирового съезда происходило в Москве 12 февраля).

Первая строка стихотворения — подсказана песней на слова А. Ф. Мерзлякова: "Ах, что ж, ты, голубчик, невесел сидишь..."

34**"В дымке-невидимке..." (Стр. 44)**

Впервые — РВ, 1874, № 2, стр. 481. Автографы: в Тетр. II, стр. 88 и в письме к Толстому от 30 апреля 1873 г. (ГМТ).

11 мая 1873 г. Толстой писал Фету: "Стихотворение ваше крошечное прекрасно. Это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли от красоты, выражено прелестно <...> Одно — не из двух ли разных периодов весны 1) соловей у розы и 2) плачет старый камень, в пруд роняя слезы. Это первая весна — апрель, а то — май, конец. Впрочем, это, может быть, придирка" (Толстой, т. 62, стр. 26). Учтя замечание, Фет исправил 10-ю строку.

Датируется концом апреля 1873 г. на основании даты письма к Толстому.

35**"Одна звезда меж всеми дышит..." (Стр. 45)**

Впервые — ВО1, стр. 52. Список с поправками Фета в Тетр. II, стр. 84 (ранний вариант стихотворения с позднейшей правкой).

В Хрон. указ. датируется 1874 г.

36**"Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури..." (Стр. 46)**

Впервые — ВО1, стр. 53. Автограф в Тетр. II, стр. 71 (ранний вариант стихотворения с правкой для издания ВО).

В Хрон. указ. датируется предположительно 1869 г.

37**"Солнце ниже лучами в отвес..." (Стр. 47)**

Впервые — РВ, 1863, № 11, стр. 260. В ВО1, вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 24.

10 декабря 1863 г. В. П. Боткин писал Фету: "Стихотворение твое принадлежит к лучшим. Мне кажется неопределенным: "И дрожат испарений струи // У окраины ярких небес..." У какой окраины? Испарения могут подниматься с земли, — у какой же окраины небес они могут дрожать? Как я ни думал об этом и ни старался представить себе определенно — ничего не выходило. Значит, нет ли неясности в твоём рисунке? Кроме этого все стихотворение прекрасно" (Мои восп., ч. I, стр. 448). При переиздании Фет оставил стихотворение без изменений.

Написано не позднее 3 декабря 1863 г. (дата цензурного разрешения журнала РВ).

38

"Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне..." (Стр. 48)

Впервые — РВ, 1863, № 5, стр. 188, под заглавием: "Мелодия". В ВО1 вошло с изменениями. Автографы: в Тетр. II, стр. 19 — ранний вариант с позднейшей правкой и в письмах к Толстому от 11 апреля и 16 мая 1863 г. (ГМТ). Забыв о том, что он посылал Толстому стихотворение в апреле, Фет второй раз посылает его 16 мая. "Вот новое стихотворение. Как вам? Может быть, уже писал вам сей стих <...> не помню" (ГМТ).

Датируется началом апреля 1863 г. на основании письма к Толстому.

39

"Забудь меня, безумец исступленный..." (Стр. 49)

Впервые — Совр., 1856, № 1, стр. 158. В ВО1 вошло с изменениями. Автографы: в Тетр. I, стр. 15, под заглавием: "Не нам" (с позднейшей правкой, совпадающей с текстом ВО) и в письме к Некрасову от 25 декабря 1855 г., в котором Фет писал: "На обороте посылаю вам "Луну"..." (ЛН, т. 51-52. М., 1949, стр. 536-537). С текста письма стихотворение набиралось для "Современника". Автограф первых двух строф имеется в Тетр. ГВЛ.

Датируется предположительно декабрем 1855 г. на основании письма к Некрасову.

40

"Прежние звуки, с былым обаяньем..." (Стр. 50)

Впервые — РВ, 1863, № 1, стр. 204, под заглавием: "Романс". Без заглавия, в разделе "Разные стихотворения" помещено в Изд. 1863 г., ч. I, стр. 250.

Автограф в Тетр. II, стр. 17 с тем же заглавием.

Написано не позднее 25 января 1863 г. (дата цензурного разрешения РВ).

41

"Как ясность безоблачной ночи..." (Стр. 51)

Впервые — ВО4, стр. 58. Автограф в Тетр. II, стр. 15.

В Хрон. указ. датируется предположительно 1862 г.

42

Romanzero I. "Знаю, зачем ты, ребенок больной..." (Стр. 52)

Впервые — ВО1, стр. 59. Автограф в Тетр. II, стр. 77 об., без заглавия и с датой: "22 июля 1882 г."

43

II. "Встречу ль яркую в небе зарю..." (Стр. 53)

Впервые — ВО1, стр. 60. Автограф в Тетр. II, стр. 117 об., под заглавием "Тайна" и с датой "15 июля 1882 г."

44

III. "В страданье блаженства стою пред тобою..." (Стр. 54)

Впервые — ВО1, стр. 61. Автограф в Тетр. II, стр. 78 об., без заглавия и с датой: "2 августа 1882".

45

IV. "Вчерашний вечер помню живо..." (Стр. 55)

Впервые — ВО1, стр. 62. Автограф в Тетр. II, стр. 136, без заглавия и с датой: "5 августа 1882".

Разные стихотворения

46

Горячий ключ (Стр. 56)

Впервые — "Заря", 1871, № 1, стр. 86. В ВО4 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 7878 об., с правкой для издания ВО.

Написано не позднее 4 февраля 1871 г. (даты выхода № 1 "Зари").

47

"Отчего со всеми я любезна..." (Стр. 57)

Впервые — ВО1, стр. 67. Автограф в Тетр. II, стр. 135 об.

В Хрон. указ. датируется предположительно 1881 г.

48

Осенью (Стр. 58)

Впервые — ВО1, стр. 68. Автограф раннего варианта в Тетр. II, стр. 75.

В Хрон. указ. датируется 1870 г.

49

"В душе, измученной годами..." (Стр. 59)

Впервые опубликовано — ВО1, стр. 69 и ошибочно повторено на стр. 93. Автографы: в Тетр. II, стр. 61 (ранняя редакция с исправлениями, совпадающими с текстом ВО) и в письме к Я. П. Полонскому от 22 сентября 1867 г. (ПД), в котором Фет писал: "Для курьеза насылаю последний сочиненный стих". Несколькими днями ранее стихотворение было послано в не дошедшем до нас письме Тургеневу, который в ответном письме от 21 сентября указывал на плохие рифмы: "заглохнет" и "иссохнет" и неудачный оборот: "судьбина дает не "в рыло", а в "блаженство" (Тургенев, т. VI, стр. 316). Учтя замечание Тургенева, Фет переделал 4-ю строку.

Датируется предположительно серединой сентября 1867 г. на основании письма к Полонскому.

50

Нежданный дождь (Стр. 60)

Впервые — ВО2, стр. 70. Автограф в Тетр. II, стр. 59 — ранний вариант стихотворения с позднейшей правкой.

В Хрон. указ. датируется 1866 г.

51

Ключ (Стр. 61)

Впервые — "Заря", 1870, № 11, стр. 88. Автограф в Тетр. II, стр. 73 — ранний вариант с правкой, совпадающей с текстом ВО.

В Хрон. указ. датируется 1870 г.

52

"Чем безнадежнее и строже..." (Стр. 62)

Впервые — ВО1, стр. 72. Автограф в Тетр. II, стр. 8 — ранний вариант с позднейшей правкой. В Хрон. указ. датируется 1861 г.

53

Сонет (Стр. 63)

Впервые — РВ, 1866, № 1, стр. 34, без заглавия. Автограф в Тетр. II, стр. 42.

В Хрон. указ. датируется 1864 г.

54

"Толпа теснилася. Рука твоя дрожала..." (Стр. 64)

Впервые опубликовано — РВ, 1868, № 8, стр. 494, в повести Ольги Н (С. В. Энгельгардт) "Не одного поля ягоды", под заглавием "После бала". В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. ГВЛ, стр. 149.

В повести описывается литературный вечер, на котором Фет "открыв книжку, исписанную его рукой", прочитал стихотворение, переведенное "им накануне с французского из альбома одной из его приятельниц". О каком альбоме идет речь и является ли стихотворение переводом — неизвестно. Данных для установления точной даты написания не имеется. По Хрон. указ. — ошибочно 1882 г. В Изд. 1959 г. по месту в тетради стихотворение датируется 1860 годом.

55

"Встает мой день, как труженик убогой..." (Стр. 65)

Впервые — ВО1, стр. 75. Автограф в Тетр. II, стр. 44.

В Хрон. указ. датируется 1865 г.

Написано строфами "Божественной комедии" Данте — терцинами.

56

"Как нежишь ты, серебряная ночь..." (Стр. 66)

Впервые — ВО4, стр. 76. Автограф в Тетр. II, стр. 45 — ранний вариант с позднейшей правкой.

В Хрон. указ. датируется 1865 г.

Печатается с исправлением по автографу и по смыслу: 2-я строка — "Расцвет" вместо: "Рассвет".

57

"Блеском вечерним овеяны горы..." (Стр. 67)

Впервые — РВ, 1866, № 5, стр. 87. В ВО1 стр. 77 вошло в сокращенном виде: без 3-й строфы. Автограф в Тетр. II, стр. 46 — первоначальная редакция с позднейшей правкой.

В Хрон. указ. датируется 1865 г.

58

"Кому венец: богине ль красоты..." (Стр. 68)

Впервые — РВ, 1865, № 11, стр. 70. В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 53.

В Хрон. указ. датируется 1865 г.

59

"Напрасно..." (Стр. 69-70)

Впервые — Москв., 1852, № 6, кн. 2, стр. 94 вместе со стихотворением "Снова птицы летят издалека...", под общим заглавием; "Две мелодии" и датой: "1848 года", стоящей после второго стихотворения. В ВО1 вошло в новой редакции. Автограф в Тетр. I, стр. 90 и список с авторской правкой в Тетр. II, стр. 65 об. — 66, представляют собой промежуточные редакции стихотворения: в Тетр. I — раннюю, а в Тетр. II — более позднюю, близкую к тексту издания ВО, но без 4-й строфы.

60

Купальщица (Стр. 71)

Впервые — БдЧ, 1865, № 4, стр. 32. В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 39 — ранний журнальный вариант с правкой, совпадающей с текстом ВО.

В Хрон. указ. датируется 1864 г.

Печатается с исправлением по автографу в журналу: строка 11-я — "росе" вместо: "заре".

61

"Напрасно ты восходить надо мной..." (Стр. 72)

Впервые — ВО1, стр. 82. Автограф в Тетр. II, стр. 48 — ранний вариант стихотворения. В Хрон. указ. датируется 1865 г.

6-8 *Над каменным угаснувшим Мемноном ~ только стоном.* — В Фивах имеется колоссальная статуя египетского царя Аменофиса III. Во время землетрясения в 27 г. до н. э. верхняя часть ее была разрушена, и статуя при первых лучах солнца издавала звук, напоминавший звук лопнувшей струны. Согласно легенде, это сын Зари — Мемнон отвечал на приветствие своей матери.

62

Роза (Стр. 73)

Впервые — РВ, 1865, № 3, стр. 277, без заглавия. В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 30.

В Хрон. указ. датируется 1864 г.

19 *Киприда* (миф.) — одно из имен Афродиты — богини любви и красоты, данное ей по острову Кипру, считавшемуся ее родиной. *Геба* (миф.) — богиня юности.

63

Тополь (Стр. 74)

Впервые — РС, 1860, № 4, стр. 67. В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. ГБЛ, стр. 149 об. — журнальный вариант с позднейшей правкой, совпадающей с текстом ВО. Имеется автограф раннего варианта и в письме Фета к Толстому от 1 ноября 1859 г. (ГМТ).

29 октября 1859 г. стихотворение было прочитано Фетом в Обществе любителей Российской словесности ("Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском Университете". М., 1811, стр. 295). Тургенев писал поэту 13 ноября 1859 г.: "Тополь" — хорош. По мне ужасно жаль сироток рифм: "споря" и "не увял"; куда делись их подружки? И потому я, для удовлетворения своего уха, читаю так: "Пускай мрачней, мрачнее дни задоря // И осени, тлетворной веет бал"; Смысла нет — зато есть гармония" (Тургенев, т. III, стр. 370). Несмотря на это замечание Тургенева, стихотворение было опубликовано в РС без изменения, но позднее, готовя издание ВО, Фет изменил 5-ю и 6-ю строки так, чтобы была отсутствующая ранее рифма.

Написано не позднее 29 октября 1859 г.

64

"Только встречу улыбку твою..." (Стр. 75)

Впервые — ВО1, стр. 86. Автограф в Тетр. II, стр. 90 — первоначальная редакция стихотворения, состоящего из 4-х строф, с позднейшей правкой, где 2-я и 3-я строфы заменены одной новой. По-видимому, в начале октября 1873 г. стихотворение было послано Фетом А. К. Толстому, который в письме от 12 октября благодарит за него поэта. "Вы знаете, как я и жена, мы вас высоко ценим и как человека и как поэта, и вы можете себе вообразить, какое удовольствие доставили нам ваши строки" (А. К. Толстой. Собр. соч., т. IV. М., "Художественная лит-ра", 1964, стр. 412).

Печатается с исправлением по рукописи: строка 12-я: "песен" вместо: "песень".

Датируется предположительно началом октября 1873 г. на основании письма А. К.

65

"Ты видишь, за спиной косцов..." (Стр. 76)

Впервые — РВ, 1864, № 1, стр. 216. В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 22 — журнальная редакция стихотворения с правкой, являющейся промежуточным вариантом между публикацией в журнале и текстом ВО.

В Хрон. указ. датируется 1863 г.

66

Псевдопоэту (Стр. 77)

Впервые — РВ, 1867, № 2, стр. 618, под заглавием "Лже-поэту". В ВО1 вошло с изменениями. Автографы: в Тетр. II, стр. 57, под заглавием "Pseudo-поэту" и в ЦГАЛИ (ф. 515.1.7) с текстом, идентичным публикации РВ. Стихотворение направлено против поэтов революционной демократии во главе с Некрасовым.

В Хрон. указ. датируется 1866 г.

67

"С какой я негою желанья..." (Стр. 78)

Впервые — РВ, 1863, № 4, стр. 792. В ВО1, стр. 89 вошло с изменением. Автограф в Тетр. II, стр. 20.

В Хрон. указ. датируется 1863 г.

68

"Я уезжаю. Замирает..." (Стр. 79)

Впервые — ВО1, стр. 90. Автограф в Тетр. I, стр. 20 — ранний вариант стихотворения с позднейшей правкой, совпадающей с текстом ВО.

В Хрон. указ. датируется 1854 г.

69

"Не избегай; я не молю..." (Стр. 80)

Впервые — ВО1, стр. 91. Автограф в Тетр. II, стр. 13.

В Хрон. указ. датируется 1862 г.

70

"В благословенный день, когда стремлюсь душою..." (Стр. 81)

Впервые — ОЗ, 1857, № 2, стр. 649. В ВО1, стр. 92 вошло с изменением.

Автограф в Тетр. I, стр. 32, под заголовком "Благословенной тени", исправленным затем на "Благодатной тени" (журнальный вариант стихотворения).

В Хрон. указ. датируется 1854 г.

Послания

71

А. Ф. Бржескому (Стр. 82)

Впервые — ВО1, стр. 97. Автограф в Тетр. II, стр. 58, под заглавием: "Алексею Федоровичу Бржескому".

С помещиком и поэтом Алексеем Федоровичем Бржеским (1818-1868) и его семьей Фет познакомился летом 1845 г. на Украине, в Херсонской губ., будучи на военной службе (См. Г. Блок. Фет и Бржеская. — "Начала", 1922, № 2). Вспоминая впоследствии Бржеского, Фет писал: "О мой дорогой, мой лучший друг поэт! Могу ли я без умиления вспомнить годы нашей встречи и дружбы?" (Ранние годы, стр. 302). Дружескую переписку с его женой, Александрой Львовной, поэт поддерживал и после смерти Бржеского.

Б. Я. Бухштаб высказал предположение, что стихотворение Фета является ответом на послание А. Ф. Бржеского Фету, записанное в альбоме А. Л. Бржеской (ПД) — см. Изд. 1959 г., стр. 781.

В Хрон. указ. датируется 1866 г.

5 *И та, чей нежный зов участья* — речь идет, по-видимому, о Лазич (см. о ней стр. 505-513).

18 *...Хваля харит...* — Хариты (миф.) — три богини, спутницы Афродиты, олицетворявшие изящество, красоту, радость жизни.

72

А. Л. Б-ой (Стр. 83)

Впервые — "Огонек", 1879, № 8, стр. 163. В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 129 об. — ранний журнальный вариант стихотворения с позднейшей правкой, частично совпадающей с текстом ВО. Первоначально стихотворение состояло из 4-х строф (1-й, 2-й, 3-й и 5-й). Настоящая 4-я строфа написана внизу страницы с датой: "28 января 1879 года" и пометой: "4 куплет". Имеется автограф ранней редакции стихотворения и в письме Фета к Н. Н. Страхову от 28 января 1879 г., где четвертый куплет также приписан позднее внизу страницы (ГБЛ). Посылая стихотворение, Фет писал: "Сегодня утром, по получении вашего <...> письма, написал стихотворение, котор<ое> прилагаю на цензуру". Страхов ответил 24 февраля: "Ваше последнее стихотворение — какая прелесть!

Кто скажет нам?..

...

И в ночь идет, и плачет, уходя.

Как это тепло и трогательно! Один знакомый нашел только, что огонь не может плакать. Тонкое замечание! Посмотрите пунктуацию ваших стихотворений: я ее делал — хорошо ли?" (ГБЛ).

Фет возразил 3 марта: "Не говорят ли — солнце на закате плачет. А что оно, как не огонь" (ГБЛ). Публикуя стихотворение в 1883 г., Фет оставил эти строки без изменения. Пунктуация 17-18-й строк, которые в письме к Страхову были написаны следующим образом: "Не жизни жаль, с томительным дыханьем // Что жизнь и смерть? А жаль того огня", была в "Огоньке" изменена Страховым: "Не жизни жаль! С томительным дыханьем / Что жизнь и смерть!? — А жаль того огня..." И хотя в письме от 23 марта Фет писал

Страхову: "Огонек" получен <...> вашу интерпункцию "с болезненным дыханьем, что жизнь и смерть?" нахожу гениальной, а потому правильной", — тем не менее в издании ВО страховская пунктуация этой строки была изменена.

В том же письме к Страхову Фет писал об опечатке в публикации "Огонька": "Вероятно, по моей вине напечатано: "Далекий друг, прими мои страданья", а следовало: пойми" (В автографе и в письме к Страхову стоит "прими").

Сохранился автограф раннего варианта стихотворения и в письме к Л. Н. Толстому от 3 февраля 1879 г. (ГМТ), в котором Фет сообщал: "У меня есть одинокий теперь товарищ юности Бржеская <...> и она иногда во мне роит давно прошедшее с "Alter ego" и т. д." (Толстой. Переписка, стр. 384). Толстой нашел стихотворение "прекрасным" (см. его ответное письмо от 15-16 февраля — Толстой, т. 62, стр. 472-473).

Стихотворение обращено к Александре Львовне Бржеской (1821-?) — жене А. Ф. Бржеского.

73**Ей же (Стр. 84)**

Впервые — ВО1 стр. 99. Автограф в Тетр. II, стр. 131 — ранний вариант стихотворения с позднейшей правкой, совпадающей с текстом ВО. В письме к Толстому от 19 апреля 1879 г. Фет сообщал: "Вчера получил письмо от Бржеской <...> Я ответил <...> весенним стихом, кончающимся..." — и далее поэт цитирует последнюю строфу в первой редакции (Толстой. Переписка, стр. 400). Датируется 18 или 19 апреля 1879 г. на основании письма к Толстому.

74**Гр. Л. Н. Т-у (Стр. 85)**

Впервые — РВ, 1876, № 1, стр. 173, под заглавием "Графу Льву Толстому". В Тетр. II, стр. 110 список с авторской правкой. Авторизованный текст — в письме к Толстому от 4 ноября 1875 г. (ГМТ). В ответном письме от 8-9 ноября Толстой назвал стихотворение "прекрасным" (Толстой, т. 62, стр. 216). Печатается с исправлением опечатки по рукописи и журнальной публикации: 6-я строка: "пищу" вместо: "птицу". В списке, находящемся в Тетр. II, рукой Фета исправлено "птицу" на "пищу".

14 Так бросил мне кавказские ты песни — в письме от 26 октября 1875 г. Толстой сообщал Фету, что читает "Сборник сведений о кавказских горцах" (вып. 1. Тифлис, 1868 г.), в котором имеются "предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необычайные" (Толстой, т. 62, стр. 219). В этом же письме Толстой послал Фету несколько "образчиков" песен кавказских горцев. Один из отрывков Фет положил в основу своего стихотворения ("Догоняет на крыльях и ловит свою добычу кривыми когтями белый ястреб. Он ловит ее и тут же клюет — сырою").

Написано между 26 октября и 4 ноября 1875 г. (на основании переписки с Толстым).

75**Гр. А. К. Т-у. В деревне Пустыньке (Стр. 86)**

Впервые — ВО1, стр. 101. Список — в Тетр. II, стр. 113. Черновой автограф — на отдельном листке, без заглавия — в ГБЛ (ф. 315.1.32). В Хрон. указ. датируется приблизительно — 1864-1875 гг.

С поэтом и драматургом Алексеем Константиновичем Толстым (1817-1875), к которому обращено стихотворение, и его женой Софьей Андреевной (урожд. Бахметьевой) Фет познакомился в их усадьбе Пустыньке в 1864 г. Впоследствии Фет вспоминал: "Однажды, когда я вернулся домой, Василий Петрович <Боткин> встретил меня словами: "Здесь был граф Алексей Константинович Толстой, желающий с тобою познакомиться. Он просил нас послезавтра по утреннему поезду в Саблино, где его лошади будут поджидать нас, чтобы доставить в его Пустыньку. Вот письмо, которое он тебе оставил". В назначенный день коляска по специальному шоссе доставила нас из Саблина версты за три в Пустыньку <...> Меня граф и графиня несказанной приветливостью и истинно высокой простотою сумели с первого свидания поставить в самые дружеские к себе отношения" (Мои восп., ч. II, стр. 25). 12 мая 1869 г. А. К. Толстой писал Фету: "Не думаю, чтобы во всей России нашелся кто-либо, кто бы ценил вас, как я и жена. Мы намеренно считали, кто из современных и русских писателей останется и кто забудется. Первых оказалось немного, но когда было произнесено ваше имя, мы в один голос закричали: "Останется! Останется навсегда!" (А. К. Толстой. Собр. соч., т. IV, стр. 292). После смерти А. К. Толстого Фет писал его вдове: "Дорогие мои отношения к покойному графу Алексею Константиновичу храню в числе самых отрядных, истинно человеческих воспоминаний..." (ВЕ, 1908, кн. 1, стр. 223).

76**Федору Ивановичу Тютчеву (Стр. 87)**

Впервые — ВО4, стр. 102. Автограф в Тетр. II, стр. 10, под заглавием "Федору Ивановичу Тютчеву. С просьбой о фотографии". Тютчев в ответ прислал свой портрет и стихотворение "А. А. Фету", датированное 14 апреля 1862 г. Написано не позднее 14 апреля 1862 г.

К какому времени относится начало знакомства Фета с Федором Ивановичем Тютчевым (1803-1873) — не установлено. Уже в 1859 г. Фет выступил в журнале "Русское слово" со статьей о творчестве Тютчева. "Мой обожаемый Тютчев" называл его Фет и в письме К. Р. 23 июля 1889 г. (ПД). По его собственным словам, Тютчев был для него "одним из величайших лириков, существовавших на земле" (Мои восп., ч. II, стр. 3).

77**Ему же (Стр. 88)**

Впервые — РВ, 1866, № 2, стр. 852. В ВО1 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 54 — ранний вариант с правкой, совпадающей с журнальным текстом.

25 марта 1866 г. Тургенев писал Фету, что его стихотворение "к Тютчеву прекрасно — от него веет старым, или, лучше сказать, молодым Фетом" (Тургенев, т. VI, стр. 65). Несмотря на то, что В. П. Боткин в письме к Фету от 1 февраля 1866 г. назвал последнюю строфу стихотворения слабою ("Зов единый" эпитет слишком неопределенный и ничего не говорящий" — Мои восп., ч. II, стр. 81), Фет оставил ее без изменения.

Написано не позднее 1 февраля 1866 г.

78**С. П. X-о (Стр. 89)**

Впервые — ВО1, стр. 104. Автограф в Тетр. II стр. 135 об., под заглавием "Софье Петр.

Хитрово", — ранний вариант стихотворения с более поздней правкой, частично совпадающей с текстом ВО. Промежуточный вариант стихотворения был послан Фетом в письме от 10 июня (как предполагает Б. Я. Бухштаб, 1882 г.) жене А. К. Толстого С. А. Толстой. Как видно из письма, С. А. Толстая приезжала вместе со своей племянницей С. П. Хитрово в имение к Фету, но, не застав его дома, уехала. Посылая стихотворение, Фет писал: "Моего сожаления о том, что не застал ни вас, ни прелестной С. П. в Воробьевке, описывать нельзя, его надо петь, что я и делаю" (ВЕ, 1908, № 1, стр. 222).

Датируется 10 июня 1882 г. на основании письма к Толстой.

Софья Петровна Хитрово (ум. в 1910 г.), урожденная Бахметьева, жена дипломата и поэта-любителя М. А. Хитрово. Знакомство с нею Фета произошло, по-видимому, в доме ее тетки Толстой. С. П. Хитрово Фет посвятил поэму "Студент" (см. стр. 224-237).

79

Гр. С. А. Т-ой (Стр. 90)

Впервые — ВО1, стр. 105. Автограф в Тетр. II, стр. 55 — ранняя редакция стихотворения с двумя слоями позднейшей правки (поздняя, карандашная, совпадает с текстом ВО).

Стихотворение посвящено жене Л. Н. Толстого и послано в не дошедшем до нас письме. 10-20 мая 1866 г. Толстой отвечал поэту: "За стихи Соня, краснея от удовольствия, благодарит вас" (Толстой, т. 61, стр. 137). По-видимому, в начале марта стихотворение (вместе со стихотворением "Федору Ивановичу Тютчеву") было послано и Тургеневу, который ответил Фету 25 марта. Считая, что стихотворение "тоном и некоторыми подробностями" напоминает "Я помню чудное мгновенье" Пушкина и тютчевское "Еще томлюсь тоской желаний", Тургенев писал: "...что такое: "Кинуть привет *наизусть!*" О, как это некрасиво! Как можно — "восторгать грусть"? "Вею чистоту твоей души", "Звезда и роза" — вялая проза. И, наконец: "На темном небе и *в воде*" — уж лучше прямо "и в рукомыльнике" (Тургенев, т. VI, стр. 65-66). По замечаниям Тургенева Фет переделал лишь 1-ю строфу стихотворения.

Написано не позднее 25 марта 1866 г. (даты ответного письма Тургенева). К Софье Андреевне Толстой (1844-1919) Фет питал дружеское расположение, а в последние годы жизни переписывался охотнее и чаще с ней, чем с Львом Николаевичем. Т. А. Кузминская, описав первое знакомство Фета с Софьей Андреевной и то сильное впечатление, которое она произвела на поэта, замечала: "Во всю свою жизнь Фет сохранил к сестре моей не то дружбу, не то известное обожание". "Уже в преклонных годах, проводя зиму в Москве, где жили и Толстые, Афанасий Афанасьевич любил бывать у них по воскресеньям вечером (в их приемный день). Он садился обыкновенно у самовара около сестры и с блаженной улыбкой говорил: "Мне ничего не надо, ни выездов, ни театров, ни обедов, я люблю длинный стол, самовар, а за самоваром хозяйку с приятной для меня беседой" (Письмо к Г. П. Блоку от 9 декабря 1920 г. Публикация Н. П. Лузина "Т. А. Кузминская об А. А. Фете" — "Русская литература", 1968, № 2, стр. 174). С. Л. Толстой вспоминал: "Особенно любезен он был с моей матерью. Мы даже шутя говорили, что он был к ней неравнодушен" ("Очерки былого", стр. 348).

80

В альбом К-у (Стр. 92)

Впервые опубликовано "Album do madame Olga Kozlow". М., 1883, стр. 37, без заглавия с датой: "Москва, 9 января 1880". В ВО1, стр. 106 вошло без изменения. Автограф в Тетр. II,

стр. 82 об. с заглавием: "В альбом Козлову" и датой "1879 года декабря".

Козлов Павел Алексеевич (1841-1891) — поэт и переводчик (Байрона, Шекспира).

Переводы

81

Из Гете Прекрасная ночь (Стр. 93)

Перевод стихотворения Гете "Die schone Nacht". Впервые — BO1, стр. 109. Автограф в Тетр. II, стр. 111. Имеется первая редакция перевода, опубликованная впервые в ЛП, стр. 89.

Вторая редакция датируется концом января — началом февраля 1878 г. на основании письма Фета Н. В. Гербелю от 9 февраля 1878 г.: "На днях я снова перевел из Гёте "Die schone Nacht", "Wanderer Nachtlid" (ГПБ).

82

Из Гете Ночная песня путника (Стр. 94)

Перевод стихотворения Гете "Wandrer's Nachtlid". Впервые — BO1, стр. 110. Автограф в Тетр. II, стр. 112.

Датируется концом января — началом февраля 1878 г. на основании письма к Н. В. Гербелю (см. прим. к предыдущему стихотворению).

83

Из Гете Границы человечества (Стр. 95-96)

Перевод стихотворения Гете "Granzen der Menschheit". Впервые — в "Собрании сочинений" Гете под ред. Н. В. Гербея, т. I. СПб., 1878, стр. 67. Список в Тетр. II, стр. 81-81 об. В письме Н. В. Гербелю от 27 декабря 1877 г. Фет писал: "Ввиду печатания лирических стихотворений Гете, позволю себе предложить вам мой еще не напечатанный перевод: Granzen der Menschheit — Границы человечества" (ГПБ).

Датируется предположительно 1877 г. на основании письма к Гербелю.

84

Из Уланда Бертран де Борн (Стр. 97-99)

Перевод стихотворения Людвиг Уланда "Bertran de Born". Впервые — BO1, стр. 113-115. Автограф в Тетр. II, стр. 123.

В Хрон. указ. датируется 1878 г.

Бертран де Борн (1140-1215) — провансальский трубадур, знаменитый поэт французского средневековья, владелец замка Ауафорт, в графстве Перигор. Участник распри английского короля Генриха II с его сыновьями; выступал на стороне последних. Генрих II разгромил Ауафорт, но пощадил Бертрана де Борна как друга своего сына.

19-20 *Что возжег единой песнью Перигор и Вертадорн* — По преданию графы Вентадурский и Перигорский, возбужденные пламенными речами и песнями Бертрана де Борна, приняли участие в войне с Генрихом II.

25 *Дочь твоя сидела в зале...* — Дочери Генриха II, Матильде, Бертран де Борн посвящал свои любовные стихи.

39-40 *Тут стрелою он пронзенный у Монфортских пал ворот.* — По преданию, Генрих

85

Из Гейне "Ты вся в жемчугах и в алмазах..." (Стр. 100)

Перевод стихотворения Гейне "Du hast Diamanten und Perlen" из цикла "Die Heimkehr" ("Опять на Родине"), Впервые — ВО1, стр. 116; Список, с пометой "1874 года 12 апреля" в с правкой Фета в Тетр. II, стр. 83 об.

86

Из Гейне "Дитя, мы детьми еще были..." (Стр. 101-102)

Перевод стихотворения Гейне "Mein Kind, wir waren Kinder..." из цикла "Die Heimkehr" ("Опять на Родине"). Впервые — ВО1, стр. 117-118. Автограф в Тетр. II, стр. 113 об. — 114. В Тетр. I, стр. 71 об. — первая редакция перевода, относящаяся к 1857 г. и опубликованная впервые в изд.: А. А. Фет. Полн. собр. стихотворений. М., "Советский писатель". 1937, стр. 683-664.

Данных для точной датировки второй редакции не имеется. В Хрон. указ. отсутствует.

87

Из Шиллера Боги Греции (Стр. 103-107)

Перевод стихотворения Шиллера "Die Gotter Griechenlands". Впервые — ВО1, стр. 119-124. Автограф в Тетр. II, стр. 118-120 об.

Датируется концом января — началом февраля 1878 г. на основании письма Фета — Н. В. Гербелю от 9 февраля 1878 г.: "Между прочим, на днях, перелистывая ваше издание, я полюбопытствовал увидеть перевод любимой моей пьесы "Die Gotter Griechenlands" и увидел невозможный перевод Бенедиктова с бессмысленным хвостом, точно на смех. Это побудило меня попытаться и я перевел, как всегда, размером подлинника — и почти буквально" (ГПВ).

8 *Аматузия* — эпитет Венеры, данный ей по названию посвященного богине города Аमतунта (Кипр).

20 *Гелиос* — бог солнца.

21 *Ореады* — горные нимфы.

22 *Дриады* — лесные нимфы.

23 *Наяда* — речная нимфа.

25 *Этот лавр стыдливость девы прячет.* — В лавр была превращена нимфа Дафна, спасавшаяся от преследующего ее влюбленного Аполлона.

26 *Дочь Тантала в камне там молчит.* — Дочь Тантала Ниоба обратилась в камень после того, как Артемида и Аполлон умертвили ее детей.

27 *В тростнике вот здесь Сиринкса плачет.* — Сиринкса — наяда, которую преследовал Пан; боги превратили ее в тростник, из которого Пан вырезал пастушескую свирель.

28 *Филомела* — свояченица фракийского царя Терей, обещанная им и превратившаяся в соловья.

29-30 *Церера и Персефона.* — Церера (Деметра) — богиня растительности и плодородия. Дочь ее, Персефону, с согласия Зевса, но тайно от матери, похитил Аид, бог подземного царства, и сделал своей женой. Чтобы утешить тоскующую по дочери Деметру,

Зевс повелел Аиду отпускать ежегодно на некоторое время Персефону на землю, к матери. Природа вместе с Деметрой всегда радуется возвращению Персефоны и замирает, оплакивая ее уход в царство Аида.

31-32 *...вотще Цетера друга нежного звала.* — Цетера (Кифера) — одно из прозвищ Афродиты, оплакивающей смерть своего любимца Адониса, погибшего на охоте.

33, 36 *...порожденным от Девкалиона; ...пирриным дочерям.* — Девкалион, сын Прометея, и его жена Пирра, были единственными людьми, спасшимися во время всемирного потопа. Возрождая род человеческий и следуя совету оракула, Девкалион и Пирра бросали через плечо камни. Камни, брошенные Девкалионом, превращались в мужчин, камни, брошенные Пиррой, — в женщин.

35 *...сын Латоны* — Аполлон.

51 *...Истмийские игры* — греческий праздник в честь бога моря Посейдона, отмечавшийся раз в два года на Истме (Коринфский перешеек).

52 *...тирсоносец* — носитель тирса, жезла бога Диониса — посоха, увитого плющом и виноградом.

52 *Эвое* — возглас радости и восхищения.

59 *Младой герой* — Геракл.

61 *Менады* — спутницы Вакха.

70 *Смертной внук* — в Орке суд вершили не боги, а смертные, в частности, Эак, Минос и Радамант (Радаманф).

72 *Ириннии (Эриннии)* — богини мщения.

73 *Елисей (Элизий)* — блаженный мир, куда после смерти попадают праведники.

77 *Для Линоса Лира вновь отрада.* — Линос, сын Аполлона, вступил с отцом в музыкальное состязание и был им убит.

78 *Пред Алцестой дорогой Адмет* — Жена царя Адмета — Алцеста (Алкестида) сошла в загробный мир вместо мужа. Геракл, посетивший своего друга Адмета в дни траура, решил возвратить ему его супругу. Он вывел ее из царства Аида, сразившись у врат с самим богом.

79 *Узнает Орест опять Пилада.* — Орест и Пилад — верные друзья.

80 *Стрелы друга Филоктет.* — Филоктет получил от умершего друга Геракла его лук и стрелы.

87-88 *И над кормчим светочи мерцают // Олимпийских близнецов.* — Олимпийские близнецы Кастор и Поллукс (Полидевк) считались покровителями моряков.

88

Из Саади Подражание восточным стихотворцам (Стр. 108)

Впервые — ВО1, стр. 125, под заглавием "Подражание восточным стихотворцам". Автограф с пометкой "Из Саади" — в Тетр. II, стр. 47. По-видимому, переведено из книги Шопенгауэра "Мир как воля и представление" (т. II, гл. 8), где цитируется, как "Стихи взятые из персидского стихотворения Анвари Сохейли". "Анвар-и-Сухейли" — персидская переработка знаменитого арабского сборника "Калила и Димна". принадлежащая Хусейну Кашифи (ум. 1505 г.).

В Хрон. указ. датируется 1865 г.

89

Из Рюккерта I. "Если ты меня разлюбишь..." (Стр. 109)

Перевод стихотворения Рюккерта "Wenn du auch nicht mehr mich liebtest..." Впервые — ВО1 стр. 126. Автограф с пометой карандашом: "подражание восточ(ному)" в Тетр.

II, стр. 49.

По Хрон. указ. этот и следующие переводы из Рюккерта датируются 1865 г.

90

II. "Пусть бы люди про меня забыли..." (Стр. 109)

Перевод стихотворения Рюккерта "Dass die Leute mein vergessen konnten..." Впервые — BO1, стр. 126. Автограф в Тетр. II, стр. 49.

91

III. "Как мне решить, о друг прелестный..." (Стр. 109-110)

Перевод стихотворения Рюккерта "Ich wusste, wenn ich's vergliche..."
Впервые — сборник "Утро". М., 1866, стр. 421. Автографы (2) — в Тетр. II, стр. 50 и ПД (Дашковское собр., ф. 93.3.1313).

92

IV. "У моей возлюбленной есть украшение..." (Стр. 110)

Перевод стихотворения Рюккерта "Meine Liebste hat ein..." Впервые — BO1, стр. 127-128. Автограф в Тетр. II, стр. 51.

93

V. "И улыбки, и угрозы..." (Стр. 111)

Перевод стихотворения Рюккерта "Sie Lachle eder Erbose..." ("Gesammelte Gedichte von Fr. Ruckert". Bd. I. Erlangen, 1840, S. 292).
Впервые — BO1, стр. 128. Автограф в Тетр. II, стр. 52.

94

VI. "Не хочу морозной я..." (Стр. 111)

Перевод стихотворения Рюккерта "Gottes keine frostige..." Впервые — BO1, стр. 128-129. Автограф в Тетр. II, стр. 52.

Песни кавказских горцев

Стихотворные переложения прозаических переводов песен кавказских горцев, посланных Фету Л. Толстым в письме от 26 октября 1875 г. (см. прим. к стих. "Гр. Л. Н. Т-у").

95

I. "Станет насыпь могилы моей просыхать..." (Стр. 112)

Стихотворное переложение чеченской песни "Высохнет земля на могиле моей..." ("Сборник сведений о кавказских горцах", вып. 1. Тифлис, 1868 г., стр. 27). Впервые — РВ, 1876, № 1, стр. 174. Список с поправками Фета в Тетр. II, стр. 108 об.

96

II. "Ты, горячая пуля, смерть носишь с собой..." (Стр. 112)

Впервые — РВ, 1876, № 1, стр. 174. Список с поправками Фета — в Тетр. II, стр. 109.

97

III. "Выйди, мать, наружу, посмотри на диво..." (Стр. 112-113)

Стихотворное переложение аварской песни "Выйди, мать, наружу, посмотреть на диво..." ("Сборник сведений о кавказских горцах", вып. 1, стр. 34). Впервые — РВ, 1876, № 1, стр. 174. Список с поправкой Фета — в Тетр. II, стр. 109. Под текстом — помета "29-го октября 1875".правка для публикации была сделана Фетом по указанию Толстого, который в письме от 8-9 ноября 1875 г. писал по поводу последних строк стихотворения: "Мало отрублено противопоставление, то что не цветок растет, а ты влюблена" (Толстой, т. 62, стр. 216).

98

Дюпон и Дюран (Стр. 114-124)

Диалог (Из Альфреда Мюссе)

Перевод сатиры Мюссе "Dupont et Durand. Dialogue". Впервые — РВ, 1881, № 11, стр. 352-360.

Написано не позднее 2 декабря 1881 г. (даты выхода № 11 РВ).

Печатается с исправлением: 108-я строка — "представить" вместо: "Представь".

В переводе стихотворения Мюссе "Дюпон и Дюран" отразились реакционные стороны мировоззрения Фета. Стихотворение Мюссе, напечатанное в "Revue de deux Mondes" 15 июля 1838 г., относится к тому периоду творчества Мюссе, когда он, испуганный мещанским опошлением романтизма, стал отходить от этого направления. В прозаических "Письмах Дюпюи и Котоне" (1836-1837) Мюссе положил начало критике вульгаризации романтизма, которая впоследствии заняла важное место в творчестве Гюстава Флобера ("Госпожа Бовари", "Бювар и Пекюше") и других французских писателей середины XIX в.

В 30-е годы Мюссе вместе с критикой романтических крайностей и опошления романтизма иногда довольно зло посмеивался и над социальными утопиями романтиков. Это были годы расцвета мелкобуржуазного социализма во Франции, впоследствии подвергнутого сокрушительной критике в "Коммунистическом Манифесте" и в других произведениях Маркса и Энгельса. Однако Мюссе в своей полемике с представителями социального утопизма не стоял на научных позициях и порою бывал плоско рационалистичен. В некотором роде осмеяние мещанского романтизма велось с мещанских же позиций. Фет, знакомый со стихотворением Мюссе скорее всего по изданию "Poesies nouvelles" (Paris, 1854 или последующих лет), довел до крайностей как раз отрицательные стороны стихотворения Мюссе. Вероятно, Фет по аналогии стремился задеть прогрессивные взгляды русских шестидесятников, не понимая, что он сам попал в плен вульгаризаторских представлений и что такая критика мелкобуржуазного социализма в конечном счете объективно способствовала утверждению не реакционной, а прогрессивной идеологии.

15 *Фликото* — владеец небольшого ресторана, расположенного недалеко от Латинского квартала. Фликото был другом и покровителем бедных студентов и литераторов.

23-26 *Висетр* — Бисетр (Bicetre) и Шарантон (Sherantone) — французские исправительные дома. Побывать там — значило прослыть сумасшедшим.

47 *Варнава* — Барнав Антуан Пьер, *Демулен* — ораторы, публицисты эпохи первой французской революции.

48 *Сен-Жюст* Луи Антуан (1767-1794) — виднейший деятель франц. буржуазной революции, последователь Робеспьера.

70 *Баимачник Сакс* — Ганс Сакс из Нюрнберга (1494-1576), один из самых плодovitых литераторов своей эпохи, автор около 10 тысяч произведений разных жанров.

82 *Латинский квартал* — район Парижа, особенно любимый студентами.

96 *Фурье* (1768-1837), основатель школы социалистов-утопистов.

179 *Тюиль* — владеец известного парижского кабаре.

202 *Мармонтель* — французский писатель эпохи Просвещения. *Боссюэт* — французский писатель XVII в. Автор статей на политические и исторические темы.

248 *К Прокопу*. — Прокоп, владеец кафе и название его. Открытое в XVIII в. рядом с театром "Comedie Francaise", кафе стало местом встреч артистов и писателей.

99

Из Мерике "Будь, Феокрит, о прелестнейший, мной упомянут с хвалою..." (Стр. 125)

Перевод стихотворения Мерике "Theokrit". Впервые — ВО1, стр. 147. Автограф в Тетр. II, стр. 33.

На Мерике Фету впервые указал Тургенев в 1860 г., как на поэта, в котором "много грации и чувства" (Мои восп., ч. I, стр. 336). В 1864 г., по возвращении из-за границы Тургенев подарил Фету сборник стихов Мерике с надписью: "Врагу моему А. А. Фету на память пребывания в Петербурге в январе 1864 года" (Мои восп., стр. 160). Вероятно, перевод стихотворения был сделан Фетом в этом же году.

Феокрит — греческий поэт III в. до н. э., автор многих идиллий.

8 *Юноши видя обман, ищет Гекату она...* — Геката — богиня, властвующая над привидениями и чудищами в царстве Аида. Ее призывают как помощницу в колдовстве. Она же посылает на землю ужасы и тяжкие сны (Из идиллии Феокрита "Колдунья").

10 *Или воспой молодого Геракла... где он и змей задушил.* — Имеется в виду идиллия Феокрита "Геракл-младенец". Геракл в колыбели задушил двух змей, подосланных к нему женой Зевса — Герой.

11 *Каллиопа* — старшая из девяти муз — богиня песнопений. В классическую эпоху считалась музой эпической поэзии.

100

Из Катулла XLIX (LI) "Тот богоравный был избран судьбою..." (Стр. 126)

Перевод стихотворения Катулла. Впервые — ВО1, стр. 148. Вторично с комментариями Фета опубликовано в издании "Стихотворения Катулла в переводе и с объяснениями А. А. Фета". СПб., 1886, стр. 45-46, с заглавием "К Лезбии" (Подражание Саффо). Автограф в Тетр. II, стр. 84 об.

Данных для точной датировки не имеется. В Хрон. указ. отсутствует. В своем комментарии к этому переводу Фет писал: "Настоящий, по обычаю древних, весьма вольный перевод саффической оды исполнен, может быть, действительно, как мы уже говорили в жизнеописании, вследствие вдохновенного разговора поэта с Клодией о Саффо. Видно, что

поэт чувствует роковую власть Клодии над ним, но еще думает спастись посредством серьезного труда.

Напрасно некоторые считали последнюю строку досужей припиской переписчика или отрывком от другого стихотворения. Такой знаток, как Вестфал, с этим не согласен. Конечно, с таким окончанием стихотворение, хотя и под влиянием Клодии (Лезбии), не могло быть написано для нее, а составилось само собой, когда за переводом строф, соответствовавших сердечному расположению Катутлла, у него еще хватило силы иронии к самому себе" (Изд. 1886, стр. 45). Фет отмечает, что 8-й строки ("Слов уж не знаю") в подлиннике Катутлла нет, она позднее восстановлена согласно тексту Саффо.

101**I. Книга Любви Овидия I. Элегии (Стр. 127-128)**

Перевод элегии Овидия из первой "Книги любви" ("Amores"). Впервые — Изд. 1863 г., стр. 189-190. В BO1 вошло без строк 11-18.

Данных для точной датировки не имеется. В Хрон. указ. отсутствует.

1 Строгим размером — т. е. гекзаметром.

6 Пиериды — музы.

7 Церера — Деметра.

10 Дева с колчаном — Диана.

102**II. Элегия (Стр. 129-131)**

Перевод элегии из первой "Книги любви" ("Amores"). Впервые — Изд. 1863 г., стр. 190-192. В BO1 вошло с изменениями.

Данных для точной датировки не имеется. В Хрон. указ. отсутствует.

23 У матери взявши голубок... — Колесница Венеры была запряжена белыми голубями.

24 Вотчим — вероятно, возлюбленный Венеры Марс.

27 Юношей пленных во след и дев поведут за тобою... — За колесницей полководца-триумфатора в Риме, по обычаю, вели пленных.

51 Цезарь, родственник твой... — Это может быть и Гай Юлий Цезарь и Октавиан Август, гордившиеся происхождением своим от Венеры.

103**V. Элегия (Стр. 132-133)**

Перевод пятой элегии из первой "Книги любви" ("Amores"). Впервые — Изд. 1863 г., стр. 192-193 без строк 24-й и 25-й. В BO1 вошло с изменениями.

Данных для точной датировки не имеется. В Хрон. указ. отсутствует.

11 Семирамида — грецизированная форма имени ассирийской царицы IX в. до н. э. Шаммурамат. Семирамиду наделяли чертами богинь любви и плодородия.

104**Филемон и Бавкида (Стр. 134-139)**

Перевод метаморфозы Овидия "Philemon et Baucis" из восьмой книги "Превращения" ("Metamorphoseon"). Впервые — ВО1 стр. 156-163. Вторично — в сборнике "Публия Овидия Назона XV книг превращений в переводе и с объяснениями А. Фета". М., 1887, стр. 401-407, с небольшим подстрочным комментарием Фета. Вероятно, перевод "Филемона и Бавкиды" относится к числу самых первых переводов из "Метаморфоз" Овидия (см. стат. "Учащемуся юношеству". — Там же, стр. 1).

Более точных данных для датировки не имеется. В Хрон. указ. отсутствует.

Восьмая книга "Метаморфоз" Овидия состоит из восьми новелл. Отсчет строк ведется с самого начала. Перед "Филемоном и Бавкидой" — шесть новелл, поэтому данный рассказ начинается с 613-й строки.

615 *Иксионом рожденный...* — Сын Иксиона — царь мифического племени лапифов, живших в Фессалии и воевавших с кентаврами. *Тезей* — аттический герой, сын афинского царя Эгея.

616 *Ахелой* — речной бог. От его лица велся предыдущий рассказ "Метаморфоз" — "Ахелой. Эхинады. Перимела".

619 *Лелекс* — сын Юпитера.

624 *Питтей* (Питфей) — знаменитый своей мудростью царь Аргολиды (Пелопоннес), дед Тезея.

625 *Пелопса земля* — Пелопоннес. По комментарию Фета, "область Пелопса во Фригии, полученная им от отца Тантала" (Изд. Овидия, 1887, стр. 402).

629 *Атлантид жезлоносец* — Меркурий.

668 *Ягоды Минервы* — маслины. Минерве было посвящено масличное дерево; она научила людей сажать и выращивать оливки.

705 *Сатурний* — Юпитер.

721 *Тиании житель*. — По комментарию Фета, — "Тиана — город в Каппадокии, а не во Фригии, но такие географические неточности не должны нас удивлять у Овидия" (Изд. Овидия, 1887, стр. 406-407).

105

К. Горация Флакка О поэтическом искусстве К Пизонам (Стр. 140-181)

Впервые — Г. Ф., стр. 447-485. Автограф в Тетр. II, стр. 95-106 об. Автографа подстрочного комментария к переводу не обнаружено, так же, как и правки 140-й, 289-290-й строк, данных в тексте в редакции, совершенно отличной от автографа. Вероятно, правка была сделана Фетом непосредственно в корректуре издания 1883 г.

В своих мемуарах Фет писал: "Еще в 60-х годах мною переведено было послание к Пизонам. Оно, в то время просмотренное Л. М. Леонтьевым, было набрано для "Русского вестника", но издатели не решились напечатать такую классическую вещь, страха ради иудейского" (Мои восп., ч. II, стр. 387).

Квинтилиан (предисловие) — знаменитый римский педагог и литературный критик (I в. н. э.). *Нума* — легендарный римский царь. *Тацит* — знаменитый римский историк (I в. н. э.). *Юлий Флор* — писатель, потомок древнеримского рода Юлиев (I в. н. э.).

54 *Плавт* — крупнейший римский драматург (ум. 184 г. до н. э.), не любимый Горацием.

55 *Варий, Вергилий* — современные Горацию римские поэты, мастерством которых Гораций восхищался.

75 *...неровным двустихьем...* — элегическим дистихом.

94 *Хрем* — персонаж комедии Теренция "Самоистязатель".

162 *Марсово поле* — часть Рима на левом берегу Тибра, первоначально предназначенное для военных и гимнастических игр.

175 *im homme sur son retour* — человек на склоне лет.

249-250 ...любитель гороху да каленых орехов — простой народ.

259 *Акций, Энний* — древнеримские поэты (II в. до н. э.).

275 (комм.). *Пизистрата* — Пизистрат. Щедрый и справедливый правитель Афин, время правления которого часто называют "золотым веком".

276 *Феспис* — драматург, введший в пьесу в VI в. до н. э. первого актера — "ответчика" хору.

281 *Времена Перикла...* — С именем Перикла, известного афинского государственного деятеля, связано представление о расцвете греческого искусства и литературы (V в. до н. э.).

181 (комм.) *Менандр* — греческий драматург, представитель "новой" аттической комедии.

289 *Лациум* — область средней Италии, на севере которой находится Рим.

296 *Геликон* — в переносном смысле, место поэтического вдохновения.

375 *Мак на сардинском меду...* — сардинский мед отличается горьковатым привкусом.

371 (комм.) *Касцеллий Авл* — знаменитый юрист, современник Цицерона.

Дополнения

106

I. Зевс (Стр. 182)

Впервые — BO1, стр. 217. Автографы: в неоконченном письме к А. В. Дружинину (ГБЛ) от 5 ноября <1859> (ранний карандашный набросок) и в Тетр. II, стр. 1, с датой "15 ноября". Этим стихотворением открывается Тетрадь II, подаренная Фету И. Борисовым 14 ноября 1859 г.

4 *Корибанты* (миф.) — жрецы богини Реи, матери царя богов Зевса.

8 *Амальтея* (миф.) — коза, выкормившая младенца Зевса.

107

II. "Сны и тени..." (Стр. 183)

Впервые — BO1, стр. 218. Автографы: в Тетр. II, стр. 4. Датируется предположительно 1859 г. на основании письма Тургенева к Фету от 7-25 декабря этого года, в котором он писал: "Сны и тени" — есть — извините за выражение — совершенный сумбур" (Тургенев, т. III, стр. 392).

108

III. К Сикстинской мадонне (Стр. 184)

Впервые — BO1, стр. 219. Автографы: в Тетр. II, стр. 32 — первоначальный вариант стихотворения с позднейшей правкой и на отдельном листе в ПД (ф. 627.2.29).

В Хрон. указ. датируется 1864 г.

Печатается с исправлением по рукописи опечатки: 11 строка: "угасает" вместо: "угаснет".

В стихотворении описывается известная картина Рафаэля "Сикстинская мадонна" (Дрезден). *Варвара* и *Сикст* — святые, изображенные на картине.

109

IV. Восточный мотив (Стр. 185)

Впервые — ВО1, стр. 220. Автограф, в Тетр. II, стр. 89, без заглавия.
В Хрон. указ. датируется предположительно 1873 г.

110

V. Шопену (Стр. 186)

Впервые — ВО1, стр. 221. Автограф в Тетр. II, стр. 136 об. Как предполагает Л. М. Сухотин (в его книге "Фет и Елена Лазич". Белград, 1933 г.), стихотворение связано с воспоминаниями о Лазич, которая была хорошей музыканткой.

Написано не позднее декабря 1882 г. (ценз. разреш. I вып. ВО — 28 декабря).

111

VI. Романс (Стр. 187)

Впервые — ВО1, стр. 223. Автограф в ГБЛ (ф. 315. 1.24). Написано не позднее декабря 1882 г.

112

VII. Музе (Стр. 188)

Впервые — ВО1, стр. 224. Автограф в Тетр. II, стр. 127, без заглавия.
Написано не позднее декабря 1882 г.

ВЫПУСК ВТОРОЙ

113

"Не смейся, не дивися мне..." (Стр. 189)

Впервые — ВО1, стр. 3. Автограф в ГБЛ (ф. 315. 1.24) и список в Тетр. II, стр. 29 об.
Написано не позднее 25 октября 1884 г. (даты ценз. разреш. II вып. ВО).

114

I. "День проснется — и "речи людские..." (Стр. 190)

Впервые — ВО2, стр. 5. Автограф в Тетр. II, стр. 20 об. Написано не позднее 25 октября 1884 г.

115

II. Добро и зло (Стр. 191-192)

Впервые — ВО2, стр. 6. В Тетр. II — два автографа с правкой. Первый — на стр. 26 об. представляет собой раннюю редакцию стихотворения, состоявшую не из шести, а из пяти строф, где первые три строфы неоднократно переделывались и имеют несколько вариантов, а 4-я и 5-я строфы совпадают с 5-й и 6-й окончательной редакции. Автограф на стр. 27 об.

имеет также несколько слов исправлений, но представляет собой редакцию, уже приближающуюся к тексту ВО.

По-видимому, в середине сентября 1884 г. Фет послал в не дошедшем до нас письме стихотворение Страхову, который отвечал 24 сентября этого года: "Добро и зло" — один из ваших перлов. Это смело до края, это гегелизм и мистика во всю высоту. Но вы правы — форма еще несовершенна; если оставить только последние три куплета, противоположение не будет ясно. Нужно впереди еще куплет или два, которые бы яснее соответствовали концу — истинно великолепному. "Пари, всезрящий и всеильный" — это бесподобно! Но первый куплет — просто неудачен — говорю о 3-м и четвертом стихах, и не о смысле, а о форме" (ПД).

В Хрон. указ. датировано 14 сентября 1884 г., по-видимому, на основании письма Фета к Страхову.

116

III. "Ты был для нас всегда вон той скалою..." (Стр. 193-194)

Впервые — РВ, 1883, № 11, стр. 94-95. В ВО2 вошло с исправлениями. Автограф в Тетр. II, стр. 1 об., под заголовком "Обвал?" (сбоку карандашом приписка Фета: "крымский") и датой: "2 июня 1883".

В Изд. 1894 г. указывается, что стихотворение относится к обвалу, происшедшему на южном берегу Крыма, недалеко от Байдарских ворот, во время которого был снесен в море и уничтожен участок с садом.

117

IV. "С гнезд замахали крикливые цапли..." (Стр. 195)

Впервые — ВО2, стр. 10. Автограф в Тетр. II, стр. 9 об.

В Хрон. указ. датируется 1883 г.

118

V. "О, этот сельский день и блеск его красивый..." (Стр. 196)

Впервые — ВО2, стр. 11. Автограф в Тетр. II, стр. 12 об. — 13, где первые две строфы имеются в двух редакциях — ранней и более поздней, совпадающей с текстом ВО.

В Хрон. указ. датируется предположительно 1883 г.

119

VI. Ласточки (Стр. 197)

Впервые — ВО2, стр. 13. Автограф в Тетр. II, 28 об.

Стихотворение, по-видимому, было послано Страхову в середине сентября 1884 г. в недошедшем до нас письме. 24 сентября Страхов отвечал: "Ласточка" — тоже чистая жемчужина" (ПД).

Написано не позднее 24 сентября 1884 г.

120

VII. Осень (Стр. 188)

Впервые — РВ, 1884, № 1, стр. 385, без заглавия. Автографы: в Тетр. II, стр. 4 об. и в ГБЛ (ф. 315. 1.23).

В Хрон. указ. датируется 8 октября 1883 г.

121

VIII. Бабочка (Стр. 199)

Впервые — ВО2, стр. 5. Автографы: в Тетр. II, стр. 13 об. и 14 об. (ранний, черновой, зачеркнутый вариант стихотворения и поздний, совпадающий с текстом издания ВО) и в ЦГАЛИ (ф. 515.1.12).

Написано не позднее 25 октября 1884 г. (даты ценз. разр. II вып. ВО).

122

IX. На книжке стихотворений Тютчева (Стр. 200)

Впервые — ВО2, стр. 16. Автографы: в Тетр. II, стр. 15 об., под заглавием: "К книжке Тютчева" и черновой на обороте типографского счета, выписанного от 9 декабря и оплаченного Фетом 21 декабря 1883 г. (ГБЛ, ф. 315.1.13).

Стихотворение написано на выход книги "Стихотворения Федора Ивановича Тютчева". М., Изд. "Русского архива", 1883. Примерная дата написания — декабрь (не ранее 21) 1883 — начало 1884 г. (Извещение "Русского архива" о продаже книги Тютчева, опубликовано в последней книжке (№ 6) журнала за 1883 г.)

5 В сыртах не встретишь Геликона... — Сырты — высокие горные долины, залегающие менаду хребтами (здесь — уральскими); Геликон — в древнегреческой мифологии священная гора, считавшаяся местопребыванием Аполлона и муз.

123

X. Полонскому (Стр. 201)

Впервые — ВЕ, 1883, № 7, стр. 332, под заглавием: "Я. П. Полонскому. В ответ" и с указанием на то, что стихотворение является ответом Я. П. Полонскому на его стихотворение "Вечерние огни", опубликованное в ВЕ, 1883, № 5 и посвященное Фету. Автограф в Тетр. II, стр. 18 об., под заглавием: "Ответ Полонскому".

Написано между 1 мая и 1 июля 1883 г. (датами выхода номеров ВЕ со стихотв. Полонского и ответом Фета).

Дружбу с поэтом Яковом Петровичем Полонским (1819-1898), начавшуюся в студенческие годы в доме Ап. Григорьева, Фет возобновил в зрелые годы. В последние несколько лет жизни Фета Полонский сделался одним из самых близких его друзей, регулярная переписка с которым продолжалась до смерти Фета. Посылая друг другу свои стихотворения и давая им оценку, поэты внимательно прислушивались к взаимным критическим замечаниям, исправляли подмеченные промахи и радовались успехам друг друга (см. 10. Никольский. История одной дружбы. — "Русская мысль", 1917, № 5-6).

124

XI. Графу Льву Николаевичу Толстому. При появлении романа "Война и мир" (Стр.

Впервые — ВО2, стр. 18. Автограф в письме к Толстому от 23 апреля 1877 г. (ГМТ), под заглавием: "Дорогому другу, графу Льву Николаевичу Толстому". Список в Тетр. II, стр. 114 об., с тем же заглавием, как и в письме, и датой "23 апреля 1877 года".

Посылая стихотворение Толстому, Фет не связывал его с выходом романа, а писал: "Яснее этого я не сумел высказать впечатление, производимое на меня, не говорю вашими произведениями, а всем вашим существом, как скоро я его соприкасаюсь в области серьезной духовной жизни, Все равно в какой точке" (Толстой. Переписка, стр. 339). Подзаголовок: "При появлении романа "Война и мир" был вставлен Фетом при подготовке выпуска "Вечерних огней" и, по-видимому, был связан с выходом 5 издания собр. соч. Толстого, 5-8 томы которого содержали "Войну и мир" и вышли 24-31 октября 1885 г. (ценз. разр. II вып. "Вечерних огней" — 25 октября).

10 Жестокийная — непокорная.

125

ХII. П. А. Майкову На сочувственный отзыв о переводе Горация (Стр. 203)

Впервые — ВО2, стр. 19. Автографы: в ГБЛ (ф. 315. 1.24) — черновик ранней редакции, без заглавия; в письме к Майкову от 15 октября 1884 г. (ПД, архив Майкова, 16. 977, CVIII6 5) — текст ранней редакции и в Тетр. II, стр. 53 об. — ранняя редакция с позднейшей правкой для ВО.

Поэт Аполлон Николаевич Майков (1821-1897) содействовал в получении Фетом Пушкинской премии за перевод Горация. Узнав о благоприятном решении, Фет писал Майкову: "Вчера Страхов сообщил мне ответ похода из-за моего Горация. Как ни радуется успех похода, но говорю от души: я несказанно более рад, что известный поэт Майков так благородно пододвинулся к моему сердцу, как человек. В первую же минуту вчера я изобразил следующие вирши" (ПД).

126

ХIII. "Учись у них — у дуба, у березы..." (Стр. 204)

Впервые — ВО2, стр. 20. Автографы: в ГВЛ (ф. 315. 1.23) и в Тетр. II, стр. 19 об., с датой: "31 декабря" «1883» и правкой двух строк.

По-видимому, в середине января 1884 г. Фет послал в не дошедшем до нас письме стихотворение Страхову, который в своем ответе 20 января, называя его "алмазом чистейшей воды, с бесподобно отшлифованными гранями", добавлял: "...не всеми, или, по крайней мере, с пятнами и царапинками. Я сгоряча принялся даже дошлифовывать. Зачем "И злей да злей за каждую минуту". Нужно: "И злей да *злее* с каждой минутой". Зачем: "Рвет ураган"? Не лучше ли: "Палит мороз последние листы". Простите, простите! Но, кажется, творец алмазов может позволить другому их шлифовать" (ПД). 5-я и 6-я строки после замечания Страхова были Фетом переделаны заново. 18 марта 1884 г. Страхов сообщал Фету: "Стихи ваши я читаю всем посетителям, которые того стоят; некоторые заучил наизусть, например, "Учись у них", и читаю там, где сам бываю посетителем" (ПД).

127

XIV. Смерти (Стр. 205)

Впервые — ВО2, стр. 21. Автограф в Тетр. 11, стр. 23 об. Б. Садовской приводит по не дошедшей до нас тетради вариант 4-й строки (см. "Другие редакции и варианты").

Датируется концом февраля — началом марта 1884 г. по письму Страхова к Фету от 18 марта этого года, в котором он писал: "А как хороши ваши стихи: "Ко смерти!" Вот философский поворот мысли!" (ПД).

128**XV. "С бородою седою верховный я жрец..." (Стр. 208)**

Впервые — ВО2, стр. 22. Автограф в Тетр. II, стр. 22 об.

Написано не позднее 25 октября 1884 г. (по дате ценз. разрешения II вып. ВО).

129**XVI. "Ты так любишь гулять..." (Стр. 207)**

Впервые — 602, стр. 23. Автографы: в Тетр. II, стр. 17 об. и черновой в ГБЛ (ф. 315. 1. 33). На обороте последнего — текст телеграммы Н. Н. Страхову по поводу стихотворения "15 мая 1883" (см.). Написано не ранее 15 мая 1883 г.

130**XVII. "Я видел твой млечный, младенческий волос..." (Стр. 208)**

Впервые — ВО2, стр. 25. Автограф в Тетр. II, стр. 16 об.

По-видимому, в середине сентября 1884 г. Фет послал в не дошедшем до нас письме стихотворение Страхову. Датируется сентябрем 1884 г. по ответному письму Страхова от 24 сентября этого года.

131**XVIII. "Говорили в древнем Риме..." (Стр. 209)**

Впервые — РВ, 1884, № 1, стр. 386. В ВО2 вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 60 об., с датой "3 апреля 1883" (описка Фета, поместившего дату позднее, как и к следующему стихотворению).

3 Богоравная сивилла. — В древнем Риме сивиллами назывались пророчицы, наделенные Аполлоном способностью предугадывать судьбу.

132**XIX. "Только в мире и есть, что тенистый..." (Стр. 210)**

Впервые — РВ, 1883, № 11, стр. 95. Автограф в Тетр. II, стр. 61 об., с датой: "3 апреля 1883".

133**XX. "Солнце садится, и ветер утихнул летучий..." (Стр. 211)**

Впервые — ВО2, стр. 29. Автограф в Тетр. II, стр. 38 об., с датой: "29 апреля 1883".

134

XXI. Вольный сокол (Стр. 212)

Впервые — ВО2, стр. 30. Автограф в Тетр. II, стр. 39 об.

Видимо, в середине сентября 1884 г. Фет послал в не дошедшем до нас письме стихотворение Страхову. Датируется по ответному письму Страхова от 24 сентября, в котором он писал: "Вольный сокол" такое же золото, как и другие ваши стихотворения, но не более" (ПД).

135

XXII. "Сад весь в цвету..." (Стр. 213)

Впервые — ВО2, стр. 31. Автограф в Тетр. II, стр. 55 об.

Написано не позднее 25 октября 1884 г. (по дате ценз. разр. II вып. ВО).

136

XXIII. "Не вижу ни красы души твоей нетленной..." (Стр. 214)

Впервые — ВО2, стр. 32. Автограф в Тетр. II, стр. 37 об. Сверху стихотворения — девиз рыцарского ордена Подвязки: "Honni soit qui mal у pense" ("Позор тому, кто плохо об этом подумает"). Б. Я. Бухштаб считает эту строку эпиграфом к стихотворению (Изд. 1959, стр. 771).

Написано не позднее 25 октября 1884 г.

137

XXIV. "Страницы милые опять персты раскрыли..." (Стр. 215)

Впервые — ВО2, стр. 33. Автограф в Тетр. II, стр. 64 об.

В Хрон. указ. датируется 29 мая 1884 г.

138

XXV. "Еще одно забывчивое слово..." (Стр. 216)

Впервые — 802, стр. 34. Автограф в Тетр. II, стр. 29 об.

Написано не позднее 25 октября 1884 г. (по дате ценз. разр. II вып. ВО).

139

XXVI. Теперь (Стр. 217)

Впервые — ВО2, стр. 35. Автографы: в Тетр. II, стр. 88 об. и в ЦГАЛИ вместе со стихотворением: "Аваддон" (ф. 515.1.8) в письме к неустановленному лицу, без даты.

Написано не позднее 25 октября 1884 г.

140

XXVII. "Кровию сердца пишу я к тебе эти строки..." (Стр. 218)

Впервые — ВО2, стр. 36. Автограф в Тетр. II, стр. 9 об. Написано не позднее 25 октября 1884 г.

141

XXVIII. "Ныне первый мы слышали гром..." (Стр. 219)

Впервые — "Русь", 1883, № 6, стр. 21. В ВО2 вошло с изменениями.

Автографы: в Тетр. II, стр. 137 и в ГБЛ (ф. 315.1.16) с текстом, совпадающим с журнальной публикацией.

Написано не позднее 15 марта 1883 г. (даты вывода № 6 "Руси").

142

XXIX. Перепел (Стр. 220)

Впервые — ВО2, стр. 38. Автограф в Тетр. II, стр. 21 об.

Написано не позднее 25 октября 1884 г. (по дате ценз. разр. II вып. ВО).

143

XXX. "Молятся звезды, мерцают и рдеют..." (Стр. 221)

Впервые — ВО2, стр. 39. Автограф в Тетр. II, стр. 137 об.

По-видимому, стихотворение в не дошедшем до нас письме было послано А. Л. Бржеской, которая писала поэту 1 мая 1883 г.: "Последние ваши звезды милее мне... "Слезы в алмазном трепещут их взоре..." — ах, как это хорошо!.." (ПД).

Датируется предположительно апрелем 1883 г. (по письму Бржеской).

144

XXXI. Аваддон (Стр. 222)

Впервые — РВ, 1883, № 10, стр. 734. Автографы: в Тетр. II, стр. 138 и ЦГАЛИ (ф. 515.1.8.) вместе со стихотворением "Теперь" в письме к неустановленному лицу, без даты. Стихотворению предшествует фраза: "Только сию минуту написал..."

Написано не позднее 1 ноября 1883 г. (дата выхода № 10 РВ).

Сюжет стихотворения взят из Апокалипсиса ("Откровение Иоанна Богослова") — IV, 2-8 и IX, 1-11.

145

XXXII. 15 мая 1883 года (Стр. 223)

Впервые — "Новое время", 15 мая 1883, стр. 1. С изменением 6-й строки перепечатано — РВ, 1883, № 5, стр. 294. Автографы в Тетр. II, стр. 138 об., без заглавия и черновик в ГВЛ, ф. 315.1.17. Сохранился (ГВЛ) черновик телеграммы Страхову с просьбой поправить при

публикации, по-видимому, в РВ, 1-ю и 6-ю строки: "Исправьте "вешнее сияя" и вокруг соборов и". Стихотворение посвящено дню коронации Александра III, состоявшейся в Москве 15 мая 1883 г. Этим определяется и дата написания.

146**Студент (Стр. 224-237)**

Впервые — "Нива", 1884. № 17, стр. 390. В ВО2 вошло с изменениями.

В Хрон. указ. датируется 1883 г.

Печатается с исправлениями: по тексту "Нивы": 176-я строка — "этот шорох" вместо: "шорох" и опечатки: 105 строка — "кончено" вместо: "конечно".

Посвящено С. П. Хитрово. Поэма носит автобиографический характер и навеяна воспоминаниями юношеских лет поэта. Будучи студентом, Фет жил в семье своего друга и однокурсника, поэта и критика А. А. Григорьева (см. В. Н. Княжнин. А. А. Григорьев. Материалы для биографии. Пг., 1917, и А. А. Фет. Ранние годы). Однако прямые соответствия отдельных мест поэмы с действительными лицами и фактами не всегда можно установить.

38 *Ламартин* Альфонс (1790-1869) — французский поэт, историк и политический деятель.

42 *Гамлет-Мочалов сотрясал нас бурно* — исполнение роли Гамлета (1834) знаменитым русским актером Павлом Степановичем Мочаловым (1800-1848) явилось событием русской общественной жизни. См. статью Белинского "Гамлет", драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета".

90 *Cache-cache* — игра в прятки (франц.).

196 *И бабушка не разведет бобами.* — Срав. русскую пословицу: "Эту беду — на бобах разведу" (Даль В. Пословицы русского народа, т. I. М., 1904, стр. 127).

248 *С репетиром золотой Нортон* — золотые карманные часы фирмы Нортон.

255 *Вникаем в римского певца* — по-видимому, речь идет об одах Горация.

ВЫПУСК ТРЕТИЙ**147****I. Муза (Стр. 243)**

Впервые — ВО3, стр. 1.

Эпиграф взят из стихотворения Пушкина "Чернь" ("Поэт и толпа").

4 *Тизифона* (миф.) — богиня мести.

148**II. "Жду я, — тревогой объят..." (Стр. 245)**

Впервые — РВ, 1887, № 9, стр. 61. В ВО3 вошло с изменением.

Авторизованный текст стихотворения — в письме к К. Р. от 27 декабря 1886 г. (ПД). Несколько ранее, в не дошедшем до нас письме, вместе со стихотворением "На смерть Мити Боткина", оно было послано Страхову, который ответил 21 декабря 1886 г. "...Вы стихами всегда окончательно меня поражаете. Какая прелесть! Разумеется, "Жду я, тревогой объят" — чудесный Фет, один из самых лучших!" (ПД).

III. "Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок..." (Стр. 246)

Впервые — ВЕ, 1885, № 2, стр. 570. В ВОЗ вошло с изменениями. Автограф в Тетр. II, стр. 94. В обзоре "Судьба литературного наследства А. А. Фета" (ЛН, т. 22-24, 1935, стр. 580-581) Б. Я. Бухштаб описывает четыре посмертные редакции стихотворения, опубликованные после смерти поэта в "Московских ведомостях", "Русском вестнике" и Изд. 1894 г., доказывая их недостоверность.

Написано не позднее 1 февраля 1885 г. (даты выхода №2 ВЕ).

IV. Севастопольское братское кладбище (Стр. 247)

Впервые — ВОЗ, стр. 4. Авторизованный текст — в письме к К. Р. от 18 июня 1887 (ПД).

Стихотворение навеяно посещением в 1879 г. братского кладбища участников Севастопольской обороны 1854-1855 гг. Посылая стихотворение К. Р., Фет писал: "Прилагаю при сем недавнюю мою попытку уловить впечатление, произведенное на меня Севастопольским братским кладбищем. Буду очень счастлив, если это стихотворение хотя отчасти воспроизведет мое впечатление" (ПД).

V. Ее величеству королеве эллинов (Стр. 248)

Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 107. Посвящено Ольге Константиновне (1851-1926), сестре К. Р. и жене греческого короля Георга I.

VI. Ей же при получении ее портрета (Стр. 249)

Впервые — ВОЗ, стр. 6. Авторизованный текст в письме к К. Р. от 7 апреля 1887 г. (ПД).

14 января 1887 г. Фет послал королеве эллинов три книги "Вечерних огней" и перевод "Фауста". "При этом, — писал Фет К. Р. 28 февраля, — я на стихотворениях написал стихами обращение к ее величеству, а на Фаусте — другое, в котором дерзнул испрашивать фотографию ее величества..." Не получая больше месяца портрет, Фет спрашивал К. Р., не навлек ли он на себя "немилость" его сестры. В начале апреля Фет получил наконец ожидаемый ответ. Посылая К. Р. написанное по этому случаю стихотворение, Фет писал 7 апреля: "На днях я был осчастливлен дошедшим до меня портретом ее величества королевы эллинов с собственноручною надписью: "с искренней признательностью Ольга"..." (ПД).

3-4 Седые понесли пророки / В день злато, смиру и ливан... — При рождении Иисуса Христа в Вифлеем по пути, указанному им звездой, пришли волхвы (мудрецы), чтобы поклониться новорожденному и "принесли ему дары: золото, ладан и смиру" ("Евангелие от Матфея", 2, 11).

VII. Е.и. в. великому князю Константину Константиновичу (Стр. 250)

Впервые — ВОЗ, стр. 7.

Личное знакомство Фета с великим князем Константином Константиновичем (1858-1915) состоялось 17 декабря 1887 г. в Мраморном дворце. "Это была наша первая встреча. А до этого мы уже целый год переписывались, не выдав друг друга", — писал К. Р. (ПД).

154

VIII. "Как беден наш язык! — хочу и не могу..." (Стр. 251)

Впервые — ВОЗ, стр. 8.

11 Юпитера орел... (миф.) — обычный спутник верховного бога римлян — громовержца Юпитера.

155

IX. "В степной глуши над влагой молчаливой..." (Стр. 252)

Впервые — РВ, 1887, № 9, стр. 62. Автограф в Тетр. II, стр. 86 об.

В Хрон. указ. датируется около 20 февраля 1885 г.

156

X. "Ты помнишь, что было тогда..." (Стр. 253)

Впервые — ВЕ, 1886, № 1, стр. 169, без 5-й строфы. Автограф в Тетр. II, стр. 33 об. с датой: "6 сентября" и с шестью строфами, вошедшими в ВО.

157

XI. "Благовонная ночь, благодатная ночь..." (Стр. 254)

Впервые — ВОЗ, стр. 11. Авторизованный текст в письмах к С. А. Толстой от 20 мая 1887 г. (ГМТ) и к К. Р. от 26 мая (ПД), в котором поэт писал: "...прилагаю стихотворение, написанное мною до болезни..." Стихотворение было послано в не дошедшем до нас письме Страхову, который, процитировав 2-ю строфу, писал 3 июня: "Что за прелесть!" (ПД).

158

XII. "Если радует утро тебя..." (Стр. 255)

Впервые — РВ, 1887, № 11, стр. 248. В ВОЗ вошло с изменениями.

Авторизованный текст в письмах Фета к С. А. Толстой от 6 марта 1887 г. (ГМТ) и К. Р. от 25 января 1887 г. (ПД). 29 января этого года Страхов писал Фету: "Получил и вашу розу и не раз ее нюхал. Прелесть! "И в стихе умиленном найдешь // Эту вечно-душистую розу". Жаль, что есть тут маленький червяк — *гр озу* , вместо *гроз у*): оно нехорошо особенно, что приходится на рифму. В *стихе умиленном* — бесподобно; но нужно, чтобы впереди был этот стих, хоть бы и без розы, но *умиленный* . Как будто недостает вступительного куплета" (ПД).

XIII. Осенняя роза (Стр. 256)

Впервые — РВ, 1887, № 11, стр. 157. Авторизованный текст, без заглавия, в письме к С. А. Толстой от 18 сентября 1886 г. (ГМТ). "Вчерашний мороз побил наши георгины", — писал поэт и добавлял, что "сегодня" написал это стихотворение. Толстой находил, что "в последнем стихе "дыханьем ночи обожгло" применен "совсем тютчевский прием". "Как смело, и в трех словах вся картина" (А. Б. Гольденвейзер: Вблизи Толстого. М., т. II, 1959, стр. 319).

XIV. Ребенку (Стр. 257)

Впервые — ВОЗ, стр. 14. Авторизованный текст — в письме к С. А. Толстой от 25 апреля 1886 г. (ГМТ). Список в Тетр. II, стр. 53.

XV. В лунном сиянии (Стр. 258)

Впервые — ВОЗ, стр. 15. Список — в Тетр. II, стр. 106 об., под заглавием "Лунное сияние".

По-видимому, стихотворение было послано в не дошедшем до нас письме Страхову, который ответил Фету 13 января 1886 г. "Удивительно, как можно такими простыми словами так ясно выразить всю прелесть самого простого настроения. Все знакомо, и все чудесно! Но два стиха — "Можно ль не ныть и не жить // Нам в обаянии!" (кстати — непременно в сиянии, а не в сиянии). Мне все кажется, что вы хотели сказать — нам можно не ныть, а жить в обаянии. "Можно не ныть, можно жить // Нам в обаянии". Это, как вы чувствуете — проза; или так: "Можно ли ныть и не жить..." Вы сами, впрочем, все лучше разберете" (ПД). Фет исправил стихотворение по замечаниям Страхова.

XVI. "Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник..." (Стр. 259)

Впервые — ВОЗ, стр. 16.

XVII. На рассвете (Стр. 260)

Впервые — ВОЗ, стр. 17. Список в Тетр. II, стр. 42 об.

XVIII. Графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву (Стр. 261)

Впервые — ВОЗ, стр. 18.

Стихотворение посвящено генералу, графу Алексею Васильевичу Олсуфьеву (1831-1915), прекрасно владевшему латинским языком и помогавшему Фету в его переводах

римских классиков. Его перу принадлежит статья: "Ювенал в переводе г. Фета". ("Журн. Министерства нар. просвещения", 1886, №№ 2, 3, 5, 8), написанная на выход переводов Фета в 1885 г. В своем имении — подмосковном селе Ершове, Олсуфьев поставил первый в России памятник Фету.

2-3 *Перед тобою мой Пегас, // Хоть сбросил он Беллерофонта...* — Беллерофонт — герой греческой мифологии, совершавший подвиги по приказанию ликийского царя Иобата. Сражаясь на крылатом коне Пегасе, Беллерофонт убил трехглавую Химеру, амазонок, разбил ликийских воинов, но когда захотел подняться на Пегасе к Олимпу, конь сбросил его. Сделавшись хромым и слепым, Беллерофонт скитался, пока не погиб.

8 *Улану ныне не служить...* — В 1853 г. Фет был прикомандирован к лейб-гвардии уланскому полку, где и прослужил до 1858 г., когда вышел в отставку.

9 *Шенкель* — часть ноги всадника от колена до щиколотки, обращенная к лошади и помогающая управлять ею.

165

XIX. Графине Александре Андреевне Олсуфьевой. При получении от нее гиацинтов (Стр. 262)

Впервые — ВОЗ, стр. 19.

А. А. Олсуфьева — жена А. В. Олсуфьева.

166

XX. "Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть?.." (Стр. 263)

Впервые — ВОЗ, стр. 20. Авторизованный текст — в письме Фета к С. А. Толстой от 12 июня 1887 г. (ГМТ) (см. прим. к стих. "Светил нам день, будя огонь в крови...") и в письме к К. Р. от 6 июля 1887 г. (ПД), в котором поэт писал: "Прилагаю при сем два новых стихотворения, уже прошедших через горнило моих критиков" (ПД). Критиками Фет называл В. С. Соловьева и Н. Н. Страхова. Вторым, посланным к К. Р. стихотворением было "Моего тот безумства желал, кто смежал..." Страхову Фет послал стихотворение в не дошедшем до нас письме еще в апреле. 20 апреля в ответном письме тот спрашивал: "...почему вдруг: "И не нужно огней"? Нежность и минута этой нежности ясны; но перехода нет" (ПД).

167

XXI. К портрету графини С. А. Т-ой (Стр. 264)

Впервые — ВОЗ, стр. 21. Автограф в ГМТ (среди писем к С. А. Толстой), с заглавием: "Графине Софье Андреевне Толстой" и датой "1885 года 28 апреля". Список в Тетр. II, стр. 48 об., под заглавием: "К портрету граф. С. А. Толстой".

Портрет Софьи Андреевны — см. наст. том (фотография Тиле и Опитц, Москва) хранится в ГМТ. На обороте рукой Софьи Андреевны указано, что именно на этот портрет написано стихотворение Фета.

168

XXII. Ей же (Стр. 265)

Впервые — ВОЗ, стр. 22. Автограф в письме к С. А. Толстой от 31 мая 1886 г. (ГМТ), в котором Фет сообщал, что стихи написал "вчера".

11-12 ...ангел божий // Пришел и воду возмутит. — "Ангел господень по временам сходил в купель и возмущал воду, и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал, какою бы ни был одержим болезнью" ("Евангелие от Иоанна", 5,4).

169

XXIII. Горная высь (Стр. 266)

Впервые — РВ, 1887, № 10, стр. 572. Авторизованный текст в письме к С. А. Толстой от 4 октября 1886 г. (ГМТ). Стихотворение было послано в не дошедшем до нас письме также и Страхову, который в ответном письме от 27 сентября 1886 г. описывал, как он и пришедший к нему А. А. Голенищев-Кутузов "смаковали всласть последний стих..." (ПД).

170

XXIV. А. А. Б-ой (Стр. 267)

Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 108. Список в Тетр. II, стр. 41 об.
Посвящено Александре Львовне Бржеской.

171

XXV. "Дул север. Плакала трава..." (Стр. 268)

Впервые — ВОЗ, стр. 25. Автографы: в ГВЛ (ф. 315.1.6) на обороте письма к Фету от 7 июня 1880 г., написанного неизвестным лицом от имени некоей А. И. Пузановой, и в Тетр. II, стр. 132.

Написано не ранее середины июня 1880 г.

172

XXVI. "Я потрясен, когда кругом..." (Стр. 269)

Впервые — ВЕ, 1886, № 1, стр. 168, без эпиграфа. Список с авторской правкой в Тетр. II, стр. 31 об.

"Дух всюду сущий и единый" — строка из стихотворения Державина "Бог" (1784).

173

XXVII. "Прости — и все забудь в безоблачный ты час..." (Стр. 270)

Впервые — РВ, 1887, № 9, стр. 62. Авторизованный текст — в письме к К. Р. от 25 января 1887 г.

174

XXVIII. "Как богат я в безумных стихах!.." (Стр. 271)

Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 110.

Стихотворение было послано в не дошедшем до нас письме Страхову, сообщившему Фету 18 февраля 1887 г. о том, что читал его вместе с пришедшим к нему А. А. Голенищевым-Кутузовым, который "ужасно лакомился вашими стихами" (ПД).

175

XXIX. "Долго снились мне вопли рыданий твоих..." (Стр. 272)

Впервые — ВОЗ, стр. 29. Список в Тетр. II, стр. 40 об. Авторизованный текст в письме к С. А. Толстой от 9 апреля 1886 г. (ГМТ), в котором Фет писал: "Прилагаю написанное сегодня стихотворение". Стихотворение было послано в не дошедшем до нас письме Страхову, который писал 6 мая 1886 г.: "...Как умолил тебя несчастный твой палач, — это еще доступно; но для кого это можно назвать радостною минутою? Если для палача, то он, значит, не был еще палачом, не сознавал себя палачом, а разве лишь сатиром" (ПД).

Стихотворение было оставлено Фетом без изменений.

176

XXX. Памяти Н. Я. Данилевского (Стр. 273)

Впервые — РВ, 1883, № 1, стр. 109.

Посвящено Николаю Яковлевичу Данилевскому (1822-1885) публицисту-славянофилу, натуралисту, автору обширных трудов: "Дарвинизм" (ч. I, 1885) и "Россия и Европа" (1871).

177

XXXI. Ек. Серг. Х-ой, приславшей мне цветы (Стр. 274)

Впервые — ВОЗ, стр. 31. Автограф в Тетр. II, стр. 5 об., под заглавием: "Екатер. Сергеевне Хомутовой", ранняя редакция с правкой, совпадающей с текстом ВО.

178

XXXII. "Из дебрей туманы несмело..." (Стр. 275)

Впервые — ВОЗ, стр. 32.

179

XXXIII. Кукушка (Стр. 276)

Впервые — ВОЗ, стр. 33.

Полонский, высоко оценив III выпуск "Вечерних огней", писал, однако, 18 января 1888 г., что в нем встречаются неряшества и неудачные эпитеты. "Хоть убей меня, не постигаю, как может быть "ку-ку!" золотым?" (ПД). 23 января Фет отвечал Полонскому: "И римляне, и русские все дорогое, светлое охотно называют золотым, и я бы мог, обнимая тебя, не раздражая Греча или Востокова, воскликнуть: "золотой мой", вовсе не желая этим сказать, что ты через огонь вызолочен или с помощью гальванопластики" (ПД). "Милый мой дорогой, золотой Афанасий Афанасьевич!" — начинает свое письмо 26 января Полонский. Настаивая на своем, он пишет: "Что эпитет золотой мой можно применять к людям, которых любишь, это я доказал тебе началом моего письма. Можно даже сказать золотая собака — т.

е. удивительно, как ищет дичь и по ночам на воров лает, — но едва ли можно сказать: "золотая песнь" или "золотое ку-ку-реку"!" (ПД).

180

XXXIV. "Есть ночи зимней блеск и сила..." (Стр. 277)

Впервые — ВЕ, 1885, № 2, стр. 571. Перепечатано — РВ, 1887, № 11, стр.

158. Автограф в Тетр. II, стр. 94 об.

Написано не позднее второй половины января 1885 г. (дата выхода № 2 ВЕ — 1 февраля).

181

XXXV. Светоч (Стр. 278)

Впервые — ВЕ, 1886, № 1, стр. 167. Автограф в Тетр. II, стр. 54 об., с первоначальным заглавием "Факел", здесь же исправленным на "Светоч". 18 января 1888 г. Полонский сообщил Фету, что из всего III выпуска ВО особенно "поразило" его "своей силой и яркостью" стихотворение "Светоч" (ПД).

182

XXXVI. "Нет, я не изменил. До старости глубокой..." (Стр. 279)

Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 107. Авторизованный текст — в письме к К. Р. от 8 февраля 1887 г., в котором поэт писал: "...прилагаю написанное на днях стихотворение". Стихотворение было также послано в несохранившемся письме Страхову (см. его ответ от 18 февраля 1887 г. — ПД).

183

XXXVII. "Светил нам день, будя огонь в крови..." (Стр. 280)

Впервые — ВОЗ, стр. 37. Авторизованный текст — в письмах к К. Р. от 20 июля 1887 г. (ПД) и к С. А. Толстой от 12 июня 1887 г. (ГМТ), в котором поэт писал: "Так как вы балуете мою больную музу своим вниманием, — прилагаю при сем новые ее прегрешения" (ГМТ). Страхов назвал это стихотворение "бесценным алмазом самой чистой воды" (см. его письмо от 19 июня 1887 г. — ПД).

184

XXXVIII. "Вот и летние дни убавляются..." (Стр. 281)

Впервые — ВОЗ, стр. 38.

185

XXXIX. "Я тебе ничего не скажу..." (Стр. 282)

Впервые — ВЕ, 1886, № 1 стр. 108 под заглавием: "Романс". Автограф с правкой в

186

XL. "Все, как бывало, веселый, счастливый..." (Стр. 283)

Впервые — РВ, 1888, № 1. стр. 106-107.

187

XLI. "Через тесную улицу здесь, в высоте..." (Стр. 284)

Впервые — ВОЗ, стр. 41.

188

XLII. "Когда читала ты мучительные строки..." (Стр. 285)

Впервые — ВОЗ, стр. 42.

189

XLIII. "Моего тот безумства желал, кто смежал..." (Стр. 286)

Впервые — ВОЗ, стр. 43. Авторизованный текст в письме к К. Р. от 6 июля 1887 г. (см. прим. к стихотворению "Что за звук в полумраке вечернем..."). Б. Садовской приводит вариант последней строфы по не дошедшей до нас тетради (см. "Другие редакции и варианты").

Страхов, которому Фет послал стихотворение в не дошедшем до нас письме, высоко ценя его в целом, резко критиковал отдельные строки. 19 июня 1887 г. он писал поэту: "...злая старость чего бы навек ни взяла" или "Истомлюсь этой жизни избытком и лоском", такие стихи — это трещины, бурые пятна, бородавки, бельма на сияющих красотою рифмах" (ПД). 5-я и 10-я строки были переделаны Фетом для издания ВО.

Полонский считал это стихотворение одним из наиболее небрежно написанных в III выпуске ВО и писал Фету 18 января 1888 г.: "И хоть завой, браня меня, не знаю, что значат *завой* и как можно *смежить* (т. е. смыкать) *блестки и росы* <...> Попробуй-ка я написать что-нибудь подобное — Буренин обрадуется и с лаем на меня завиет на всю Россию" (ПД).

2 Завой — завитки.

190

XLIV. "В вечер такой золотистый и ясный..." (Стр. 287)

Впервые — ВОЗ, стр. 44. Автограф в Тетр. II, стр. 3 об., под заглавием "На распутье" — ранний вариант стихотворения.

191

XLV. "Ты вся в огнях. Твоих зарниц..." (Стр. 288)

Впервые — РВ, 1887, № 10, стр. 573. Авторизованный текст в письме Фета к С. А. Толстой от 4 октября 1886 г. (ГМТ), под заглавием "Опасение". Стихотворение (вместе с "Горной высью") было послано в не дошедшем до нас письме Страхову — в ранней, неизвестной нам, редакции и исправлено, по-видимому, по его замечаниям. 27 сентября 1886 г. он писал Фету: "...во втором стихотворении неясно: "В игре зарниц // И я красой твоей украшен". Не лучше ли сказать в таком роде: "Твоих зарниц // Сияньем я согрет, украшен". Вы сделаете это лучше. А что значит: "Со стороны иной // Заблещет взор неблагоклонный"? Если он пугается всякого взора, то он мало горит; нельзя ли яснее сказать, в чем дело?" (ПД). Толстым была послана уже следующая редакция стихотворения. Помещая в письме к С. А. Толстой это стихотворение рядом с "Горной высью", Фет жалел, что стихотворения одного размера случайно стали рядом и "оба от этого страдают. В печати этого избегну" (ГМТ). В журнальной публикации стихотворения были помещены рядом.

192**XLVI. "Вечный хмель мне не отрада..." (Стр. 289)**

Впервые — ВОЗ, стр. 46.

193**XLVII. "Сегодня день твой просветленья..." (Стр. 290)**

Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 109.

194**XLVIII. "Все, все мое, что есть и прежде было..." (Стр. 291)**

Впервые — ВОЗ, стр. 48.

195**XLIX. "Задрожали листы, облетая..." (Стр. 292)**

Впервые — ВОЗ, стр. 49. Авторизованный текст в письме к С. А. Толстой от 21 июля (ГМТ), в котором Фет писал: "Прилагаю при сем сказавшийся на днях мотив".

196**L. "Сплю я. Тучки дружные..." (Стр. 293)**

Впервые — ВОЗ, стр. 50. Черновой автограф в ГБЛ (ф. 315.1.20).

197**LI. "С солнцем склоняясь на темную землю..." (Стр. 294)**

Впервые — ВОЗ, стр. 51.

ЛII. Рыбак. (Стр. 295-296)

Перевод стихотворения Гете "Der Fischer". Впервые — ВЕ, 1886, № 1, стр. 170. С изменениями вошло в 503 Списки (2) — в Тетр. II, стр. 50 об., 56 об. Первый с правкой Фета и с пометой: "6-е сентября 1885 г." Второй — целиком совпадает с текстом ВО.

В письме к Фету от 18 января 1888 г. Полонский упрекал его за некоторый прозаизм двух строк: "Ты сам спустился бы, как есть" и "Но с той поры пропал". В ответном письме (23 января 1888 г.) Фет писал: "В своих переводах я постоянно смотрю на себя, как на ковер, по которому в новый язык въезжает триумфальная колесница оригинала, которого я улучшать — ни-ни. В "Рыбаке" стих кончается — как есть, потому что у Гете он кончается: wie du bist, буквальную передачу которого я считал величайшею удачей". Наиболее известный перевод этого стихотворения Гете принадлежит В. А. Жуковскому.

ЛIII. Зимняя поездка на Гарц (Стр. 297-300)

Перевод стихотворения Гете: "Harzreise im Winter". Впервые — ВЕ, 1886, № 1, стр. 171-173. С изменениями в 503. Список с поправками в Тетр. II, стр. 126 об. — 126.

В Хрон. указ. датируется 1885 г.

LIV. "Весеннее небо глядится..." (Стр. 301)

Впервые — ОЗ, 1845, № 1, стр. 95, с пометой: "Франкфурт-на-Майне". Без изменений включено в Изд. 1850 г.

Датируется августом 1844 г. — временем пребывания Фета во Франкфурте-на-Майне.

LV. "Я полон дум, когда, закрывши вежды..." (Стр. 302)

Впервые — Москв., 1842, № 8, стр. 235. Без изменений включено в Изд. 1850 г., стр. 15. В ВОЗ вошло в новой редакции.

Написано не позднее 22 августа 1842 г. (даты ценз. разрешения № 8 Москв.).

LVI. Геро и Леандр (Стр. 303-304)

Впервые — Изд. 1850 г., стр. 59-60. В ВОЗ вошло с изменениями.

Написано на мифологический сюжет: жрица богини Афродиты Геро была разлучена со своим возлюбленным Леандром. Каждую ночь Леандр переплывал к ней через Геллеспонт (Дарданельский пролив), но однажды в бурю погас факел на ее башне и Леандр утонул. Геро, чтобы не разлучаться с любимым, бросилась с башни в море. В конце XVIII в. была известна в немецком переводе поэма "Геро и Леандр" греческого поэта Мусея. В 1801 г. одноименная баллада была создана Шиллером и печаталась в России в переводах Н. Гербеля, О. Головина и др.

В Хрон. указ. датируется "до 14 декабря 1847 г."

203

LVII. "Тебе в молчании я стираю руку..." (Стр. 305)

Впервые — Изд. 1850 г., стр. 85.

В Хрон. указ. датируется "до 14 декабря 1847 г."

204

LVIII. "Младенческой ласки доступен мне лепет..." (Стр. 306)

Впервые — Изд. 1850 г., стр. 32. В ВОЗ вошло с исправлением.

В Хрон. указ. датируется "до 14 декабря 1847 г."

Печатается с исправлением (по смыслу): в скобки заключаются 6-8-я строки вместо 6-й строки.

205

LIX. Соловей и роза (Стр. 307-312)

Впервые — МГЛ, 1847, № 255, от 24 ноября, стр. 1020-1021. В Изд. 1850 г., стр. 69-77 включено с изменениями (добавлены строки 57-73, отсутствовавшие в газетной публикации). В ВОЗ вошло в сильно сокращенном виде (см. предисловие Фета к III выпуску ВО).

Стихотворение было высоко оценено Полонским в письме от 18 января 1888 г. (см. стр. 600-601 наст. тома).

Написано не позднее 23 ноября 1847 г. (даты ценз. разреш. № 255 МГЛ).

206

LX. На смерть Александра Васильевича Дружинина 19 января 1864 года (Стр. 313)

Впервые — Моск. вед., 1864, № 18, от 23 января, стр. 2, с датой: "С. Петербург. 19-го января". В ВОЗ вошло с изменением. Автограф в Тетр. II, стр. 25, под заглавием: "На смерть Дружинина". Черновой карандашный автограф — в ПД (Арх. Гаевского 18081. CXV б 6).

Стихотворение было прочитано поэтом на поминках по писателю и критику Александру Васильевичу Дружинину (1824-1864) 21 января 1864 г.: "...я прочел Тургеневу свое стихотворение, написанное под первым впечатлением, прося его по обычаю сказать, стоит ли оно того, чтобы его прочесть публично? "Вы видите, я плачу, — сказал Тургенев, — это лучшая похвала стихотворению; но все-таки следует исправить стих: "ты чистым донесен в могилу", так как доносят *до*, а не *в*" (Мои восп., ч. II, стр. 6). В "Московских ведомостях" поэт опубликовал стихотворение без изменений, и Тургенев писал ему 25 января: "А вы, злодей, оставили: *до* несен *в* могилу" (Тургенев, т. V, стр. 216).

207

LXI. Памяти Василия Петровича Боткина 16 октября 1869 года (Стр. 314)

Впервые — РВ, 1869, № 11, стр. 317, под заглавием: "На смерть Василия Петровича Боткина". В ВОЗ вошло в новой редакции. Список в Тетр. II, стр. 67-67 об. является ранней редакцией стихотворения с двумя слоями позднейшей правки, один из которых совпадает с

текстом РВ, другой — с текстом ВО. Написано на смерть писателя и критика Василия Петровича Боткина (1811-1869) брата М. П. Шеншиной (урожденной Боткиной). Друг Белинского в 40-х годах, Боткин в 60-е годы примкнул к лагерю "чистого искусства" и консервативным общественным кругам. Стихотворение Фета, направленное против разнотинной демократии, против тех, кто изменил "служению музам", затронуло и Тургенева, идейные разногласия которого с поэтом особенно ярко обозначились в это время. 21 марта 1870 г. Тургенев писал Фету о том, что "...поэту Фету — печатать такие стихи, какие вы совершили по поводу смерти В. П. Боткина, — непростительно" (Тургенев, т. VIII, стр. 205).

ВЫПУСК ЧЕТВЕРТЫЙ

208

I. Оброчник (Стр. 316)

Впервые — РО, 1890, № 2, стр. 622, с пометой: "17 сентября 1889 г. Воробьевка". В ВО4, вошло с изменениями. Авторизованный текст в письме к К. Р. от 2 октября 1889 г. (ПД), в котором Фет писал: "Цертелев, как коршун, впивается во все мои стихотворные прегрешения последнего времени <...> Между прочим он выбрал и следующее стихотворение, написанное в конце сентября (ПД) (Д. Н. Цертелев — редактор журн. "Русское обозрение"). Авторизованный текст находится также и в письме к Полонскому от 9 октября 1889 г. (ПД).

Оброчник — здесь: человек, давший обет.

I Подъяв своей десной — десной, т. е. десницей, правой рукой.

209

II. Его императорскому высочеству в. к. Константину Константиновичу (Стр. 317)

Впервые — ВО4, стр. 6-7. Авторизованный текст в письме к К. Р. от 27 марта 1887 г. (ПД).

Написано в ответ на письмо К. Р. от 17 марта 1887. г. (ПД). Посылая стихотворение, Фет писал: "10 дней разливом небольшой речки нашей мы были отрезаны от всего света, и милостивое письмо ваше, прибывшее в лодке, во всех отношениях может быть сравнено с голубицей, принесшей заключенным в ковчеге миртовую ветку. Оно возбудило во мне такой рой мыслей и ощущений, что я затрудняюсь, с чего начать. Конечно, начну с самого сильного чувства радости и благодарности, невольно сказавшихся в прилагаемом при сем стихотворении" (ПД).

6 Стихи пропеты тобой — стихотворение К. Р. "А. Н. Майкову. По поводу его стихотворения "Над необъятною пустыней океана", посланное Фету в письме от 17 марта.

210

III. Поэтам (Стр. 318)

Впервые — ВО4, стр. 8-9. Авторизованный текст — в письме к К. Р. от 12 июня 1890 г. (ПД), в котором поэт писал, что стихотворение, "относясь к моим избранникам, может настолько же обращаться к Полонскому, как и к вашему высочеству".

211

IV. "Одним толчком согнать ладью живую..." (Стр. 319)

Впервые — РВ, 1888, № 1, стр. 106. В ВО4, вошло с изменением.

Авторизованный текст — в письме к К. Р. от 9 декабря 1887 г. (ПД), в котором Фет писал: "Прилагаю при сем последнее стихотворение, не успевшее войти в процензурованный уже сборник". По-видимому, стихотворение было послано и Страхову, который ответил Фету 16 ноября 1887 г. восторженным письмом, указывая на "свежесть и жизненность темы" (ПД).

212

V. "Устало все кругом, устал и цвет небес..." (Стр. 320)

Впервые — РО, 1890, № 2, стр. 623. Авторизованный текст — в письме к К. Р. от 28 августа 1889 г. (ПД), в котором Фет писал: "В настоящее время наступили неприятные холода, у нас совершенно преждевременные; но дня два тому назад была изумительная осенняя ночь, вызвавшая у меня следующие строки..." (ПД). Авторизованный текст стихотворения имеется также и в письме к Полонскому от 26 августа (ПД), в котором поэт сообщал, что написал его "третьего дня". 31 августа Полонский ответил Фету: "...Отменю борьбы — это не ясно: ночь, как и все на свете, как и я, грешный, никакой борьбы *отменить* не может, — я бы сказал проще: "своею тишиной и смертною истомой" «под строкой Полонский делает сноску: "даже, по-моему, лучше: *отсутствием борьбы* "». Тут нужна тишина, — нужна для того, чтобы ты слышал, как *лепечет фонтан* " (ПД).

В ответном письме от 4 сентября 1889 г. Фет подробно объясняет смысл двух последних строк: "...В предыдущем стихе указывается не на сладость или приятность осенней ночи, а на ее всемогущество. Чем же высказывается это всемогущество? Всемогущество может высказываться только активно, а не пассивно <...> Чем же у меня ночь доказывает свое всемогущество? Она и сама заражена и меня квасит смертною истомой. Это не шуточное дело. Чем нее еще она проявляет свое действие? Тишина ее может быть прелестным ее качеством, но не воздействием на меня. Живой, я с утра до вечера сижу в борьбе пожирания одного другим, и вдруг, открывая балкон, я поражен, что ночь не принимает, не допускает к себе этой борьбы, и чувствую, что если и я попаду в нее, то она и во мне убьет это чувство борьбы. Ты совершенно справедливо заметил, что отменять или подтверждать может только существо сознательное, а не ночь или что-либо тому подобное, но оттенок нужной мне мысли сохранит другое слово: *отказом от борьбы* . Слабый столик может заставить меня целый час простоять с подносом с фруктами или с бумагами к докладу, отказываясь удерживать эти предметы на своих хилых ножках. Между тем, никакая философия не воспретит мне сказать: этот стол, стул отказался мне служить. И потому, с твоего разрешения, ставлю: "Отказом от борьбы" (ПД). 1 октября Полонский писал: "По-моему, и ты попал прямо в точку, заменивши слово *отменою* — *отказом от борьбы* " (ПД).

Печатается с исправлением даты 1890 г., указанной в ВО, на 1889 г. В журнале датируется "24 августа 1889", что подтверждается письмами Фета к Полонскому и К. Р.

213

VI. Их императорским высочествам в. к. Константину Константиновичу и в. к. Елизавете Маврикиевне (Стр. 321)

Впервые — РО, 1890, № 11, стр. 237. Авторизованный текст в письме к К. Р. от 30 января 1889 г. (ПД).

Написано в ответ на поздравительное письмо К. Р. и сонет "А. А. Фету. На 28 января

1889" ("Стихотворения К. Р.", т. I. СПб., 1913, стр. 69), посланные Фету к его пятидесятилетию юбилею. К. Р. сообщал, что выпил шампанское за здоровье Фета вместе с пришедшими к нему С. А. Толстой (видимо, женой А. К. Толстого), Я. Полонским, А. А. Голенищевым-Кутузовым, и замечал, что "глубоко благодарен" своей музе, не изменившей ему в этот день (ПД). 27 января Фет получил поздравительную телеграмму от королевы эллинов, а 28 телеграммы от вел. княгинь Александры Иосифовны и Елизаветы Маврикиевны (жены в. к. Константина Константиновича). 30 января Фет послал К. Р. благодарственное письмо и настоящее стихотворение.

Прочитав стихотворение, Полонский писал Фету 27 ноября 1890 г., что это "очень тонкая, поэтическая похвала", но "два последних стиха в такой явной вражде с русской грамматикой, что я не мог этого не заметить. "Навеет горних сновидений и аромата ..." Навеять — что? требует винительного, а не родит<ельного>; падежа. По-моему, было бы правильнее: "Навеет рой святых видений // И аромат эдемских роз" (ПД). Однако Фет не согласился с замечанием Полонского и писал ему 29 ноября 1890 г.: "...я ни с какими грамматиками в мире не соглашусь. Навевать можно сны, подобно тому, как можно веять гречиху и рожь, но окончательно навеять рожь, гречиху и сны нельзя, а можно только: ржи, гречихи и снов. Так как в этой форме частица *на* требует родительного падежа: набрал денег" (ПД, "Иллюстр. приложение к газ. "Новое время", 1914, 4 января, стр. 9).

214

VII. Она (Стр. 322)

Впервые — Сборник "Нивы", 1890, стр. 1. В ВО4 вошло с изменением 6-й строки. Авторизованный текст — в письме к К. Р. от 20 марта 1889 г. (ПД). Стихотворение посвящено вел. княгине Елизавете Маврикиевне и написано под впечатлением посещения Фетом и его женой Мраморного дворца (резиденции К. Р.) и оказанного им "милостивого приема". В письме к К. Р. от 8 августа 1890 г. Фет рассказывал, как он "принудил" Страхова прочитать и выправить стихотворения, предназначавшиеся для четвертого выпуска. "Более всего радует меня поправка стихотворения, озаглавленного "Она". Прочитав 2-ю строфу и указав, как исправлена была 6-я строка (см. "Другие редакции и варианты"), поэт восклицал: "Не правда ли, что эта версия, избегая всякого шатания, гораздо ближе указывает на золотистый фон, окружающий младенческую чистоту белокурой головки?" (ПД).

3 *Перуджин* — Перуджино Пьетро — итальянский художник эпохи Возрождения, учитель Рафаэля.

215

VIII. "Людские так грубы слова..." (Стр. 323)

Впервые — Сборник "Нивы", 1890, стр. 2. В ВО4 вошло с изменениями. Авторизованный текст в письме к К. Р. от 2 октября 1889 г. (ПД). Стихотворение посвящено вел. княгине Елизавете Маврикиевне и навеяно переданным в письме К. Р. приглашением посетить их. Посылая стихотворение, поэт писал: "Не умею языком почтовой прозы, как Пушкин обзывает письма, выразить мою благоговейную признательность ее императорскому высочеству Елизавете Маврикиевне..." (ПД). Имеется авторизованный текст стихотворения и в письме к Полонскому от 9 октября 1889 г. (ПД), в котором Фет писал: "...прилагаю и стихотворение, которым я совершенно недоволен, находя его мало воздушным, как выражался Тютчев".

IX. На качелях (Стр. 324)

Впервые — МИГ, 1890, № 1 от 8 апреля, стр. 3, без заглавия (которое было дано позже по совету Полонского — см. его письмо к Фету от 3 апреля 1890 г. — ПД). В ВО4, стр. 15 вошло с одним разночтением. Авторизованный текст в письмах к К. Р. от 26 апреля 1890 г. и Полонскому от 31 марта 1890 г. (ПД), в котором Фет писал: "Прилагаю написанное третьего дня стихотворение".

30 декабря 1890 г. Фет писал Полонскому: "Сорок лет тому назад я качался на качелях с девушкой, стоя на доске, и платье ее трещало от ветра, а через сорок лет она попала в стихотворение, и шуты гороховые упрекают меня, зачем я с Марьей Петровной качаюсь" (ПД). Фет имел в виду фельетон В. Буренина ("Новое время", 1890, 7 декабря), в котором тот высмеивал "разыгравшихся старичков". Печатается с исправлением, опечатки по рукописи и газетной публикации: 7-я строка: "тем" вместо: "чем".

X. "Не нужно, не нужно мне проблесков счастья..." (Стр. 325)

Впервые — РО, 1890, № 11, стр. 238.

Страхов, которому была известна не дошедшая до нас ранняя редакция стихотворения, высоко ценя его, упрекал в то же время поэта за "небрежность" в 5-6-й строках. "Единой своей нераздельной любовью // Дозволь мне блаженством дышать". *Два творительных*, и ясно, что *блаженством* слово нужное, но не там стоит, где нужно" (письмо от 16 сентября 1887 г. — ПД). Фет переработал эти строки.

XI. "Полуразрушенный, полужилец могилы..." (Стр. 326)

Впервые — РО, 1890, № 6, стр. 488.

В январе 1888 г. Страхову было послано стихотворение в ранней, не дошедшей до нас редакции. 24 января он отвечал Фету: "... мне бы хотелось изменить все слышишь; перед "слышишь" нужно поставить слово, которое ясно отделялось бы" (ПД). Готовя стихотворение для журнальной публикации, Фет изменил 7-ю строку.

7 *Ах, слышишь, разумеешь!* — народная песня "Слышишь ли, разумеешь ли", мастерское исполнение которой Фету довелось однажды услышать — см. его рассказ "Кактус" (РВ, 1881, № 11).

XII. На пятидесятилетие музы (Стр. 327)

Впервые "Гуслияр", 1889, № 3, стр. 33. В 804 вошло с исправлением.

В письме к Полонскому от 23 мая 1888 г. Фет сообщал: "...Основание к пятидесятилетнему поминанию моей музы с полным правом наступит в декабре этого года или в январе 1889 г., когда желтая тетрадь моих стихов, одобренных Гоголем, стала ходить по рукам университетских товарищей, и несколько стихотворений из нее перешли в "Лирический Пантеон", напечатанный в сороковом году" (ПД). Юбилей поэта был торжественно отмечен 29 января 1889 г. (описание юбилея см. "Гуслияр", 1889, № 3). 23 января Фет писал К. Р.: "Только два дня тому назад окончательно обозначился формальный

ход моего юбилея. С двух до пяти часов дня 28 января я в нашем тесном помещении на Плющихе буду принимать всех желающих поздравить меня; а 29-го, уступая настоятельному желанию друзей моей Музы, приму от их общества в шесть часов вечера обед в одной из зал "Эрмитажа" (ПД). На вечере чаще всего упоминались "Вечерние огни" поэта, а во время обеда было зачитано полученное по телеграфу четверостишие редактора журнала "Русское обозрение", поэта, кн. Д. Н. Цертелева:

"Пусть лучшие давно промчались лета,
Над лирою твоей бессильны дни:
Светлей и ярче первого рассвета
Горят твои *Вечерние огни!* "

("Ледоход", стр. 191)

Написанное Фетом стихотворение на юбилее прочитано не было, так как, по мнению Страхова, оно вышло "чересчур мрачно и не довольно тепло". "Сравнить юбилей с отпеванием и отвечать на приветствия молчанием — на что это похоже! Это вовсе не скромность..." — писал он Фету 10 января 1889 г. (ПД). 16 января 1889 г. Фет объяснял Полонскому: "Во избежание однообразных выражений благодарности за приветствия я хотел напечатать на отдельных листках стихотворение по поводу юбилея, чтобы раздавать его на память желающим. При этом старая Муза моя взглянула на юбилей как на свое отпевание. Но Страхов разобрал это стихотворение, считая его даже невежливым по отношению к поздравляющим, несмотря на то что стихотворение понравилось Толстому. Вчера случайным образом написалось другое, которое прилагаю на твое воззрение <...> Если тут нет ничего хорошего, то нет и обидного" (ПД). Отдельной листовкой к юбилею и было издано это второе стихотворение, написанное 15 января (см. след. стих.) и которое было, как сообщил Фет К. Р. 23 января, "добросовестно исправлено мною согласно указаниям Н. Н. Страхова" (ПД).

220

ХIII. На пятидесятилетие музы. 29 января 1889 года (Стр. 328)

Впервые — на отдельном листке, отпечатанном в типографии А. И. Мамонтова и К° (имеются экземпляры в ГВЛ, ф. 315.13.33; в ПД, ф. 137.75; в ЦГАЛИ), под заглавием "На пятидесятилетие моей музы" и с датой "28 января 1889 г.", являющейся не датой написания, как указано в Изд. 1959 г. (стр. 790), а датой, когда печатался юбилейный листок. Авторизованный текст — в письме к Полонскому от 16 января 1889 г. (ПД).

24 января 1889 г. Полонский отвечал: "Твое стихотворение по поводу твоего юбилея очень хорошо. И так как, смею думать, за твоим юбилейным обедом будут только истинные поклонники твоего таланта, то ты смело можешь им преподнести и свои стихи или послать их тем, от кого будут телеграммы — вместо того, чтобы такое заявление благодарности печатать в газетах" (ПД). Фет последовал совету Полонского. Всем присутствующим на юбилее раздавались печатные экземпляры стихотворения (см. комментарий к предыдущему стих.). В настоящее время сохранилось несколько экземпляров с дарственными надписями, например, В. К. Вульфберту (ЦГАЛИ), К. Р. (ПД).

Страхову была послана в не дошедшем до нас письме, по-видимому, та же ранняя редакция стихотворения, что и Полонскому (см. "Другие редакции и варианты"). Это видно из письма Страхова Фету от 18 января 1889 г., в котором он не только отмечает отдельные неудавшиеся, по его мнению, строки, но и предлагает (переписанный на отдельном листе) свой вариант этого стихотворения, "...погрузясь в чтение вашего стихотворения, — писал Страхов, — я с моей смутной головой предался странному и непозволительному занятию: я

стал выправлять ваши стихи <...> Посмотрите теперь, что из этого вышло, и не сердитесь на мою дерзость, а просто бросьте прилагаемый листок в печь. В третьем вашем стихе *вдруг* мне показалось вставкой; *рой* — *понесли* — хоть и не вполне правильно, но очень терпимо. *Божим* противоречит *моим*, хотя это противоречие и совершенно фетовское. Ну — вы сами увидите, что там сделано и почему" (ПД). Интересно, что Фет полностью принял редакцию Страхова и окончательный текст 3, 4, 10 и 15 строк взят им из страховского варианта стихотворения.

221

XIV. "Чуя внушенный другими ответ..." (Стр. 330)

Впервые — МИГ, 1890 от 20 мая, № 43, стр. 170. В ВО1 вошло с изменениями. Авторизованный текст — в письмах к Полонскому от 31 января и К. Р. от 4 марта 1890 г. (ПД).

Написано как ответ на "Крейцерову сонату" Л. Н. Толстого. Посылая его Полонскому, Фет объяснял: "Прекрасно в одном из писем ко мне говорит Толстой: "Нельзя уговорить камень, чтобы он падал кверху, а не книзу, куда его тянет". Между тем плохо понявший Шопенгауэра Лев Николаевич в последнее время, и преимущественно в "Крейцеровой сонате", старается уговорить камень лететь вопреки закона тяготения <...> Хотя я никогда ни на какие темы не пишу, но мне кажется, что следующие, написанные мною вчера, стихи могли бы быть фактическим с моей стороны возражением на протест и вражду, объявленную Толстым взаимному <в>лечению полов в его "Крейцеровой сонате" (ПД). Полонский ответил 4 февраля: "Твои стихи — и поэтичны и правдивы. Первый куплет — чудо!.. Второй несколько неясен... Слово *этот* я отношу к слову "румянец" — *этот* румянец — то же, что *цветов обмирающих зов*, — но *шёпот* и *клич* — как отнести к тому же румянцу? а повторение слова *этот* невольно относишь к слову "румянец"... Так и хочется кончить восклицанием... "Все говорит мне: я твой, ты — мой!.." (ПД). 1 февраля 1890 г. Фет писал Полонскому: "На первых порах, прочитавши вчера последнее письмо твое, я было испугался, подумав, что ты спятил с ума <...> каким образом тебе померещилось тождество женского румянца с вечерним обмиранием, цветов, ручьем и соловьем? В грамматическом отношении ничего не может быть яснее фразы: гораздо понятнее всякого запрета для меня твой внезапный румянец, благоухание вечерних цветов, ночь, ручей и соловей. Что же за притча? — подумал я, — такое затмение нашло на него не даром, и в стихотворении наверное есть вывих, которого я сам не заметил. И вдруг словно меня кто за икру укусил. Вывих в том, что во втором куплете говорится о серебристом покрове ночи, являющемся окружающим румянец первого куплета, и вот тут-то вся беда и вся несообразность. Ночью даже при лунном свете никакого румянца не видать. Поэтому надо <...> оставя нетронутым первый куплет, показать во втором, что речь идет о вечере в конце мая, когда все сказанное совместимо. И поэтому благодаря твоей поэтической чуткости, второй куплет явится в следующем виде..." (ПД). Далее идет строфа в том виде, в каком она была опубликована в ВО1.

222

XV. Угасшим звездам (Стр. 331)

Впервые — ВО1, стр. 23. Б. Садовской приводит вариант, по не дошедшей до нас тетради.

XVI. На бракосочетание их императорских высочеств в. к. Павла Александровича и в. к. Александры Георгиевны (Стр. 332)

Впервые — ВО4, стр. 24-25. Авторизованный текст в письме Фета к К. Р. от 10 мая 1889 г. с заглавием: "На бракосочетание его имп. высочества вел. кн. Павла Александровича с ее королевским высочеством Александрой Георгиевной 4 июня 1889 года" и в письме к Полонскому от 2 июля 1889 г. (ПД), в котором Фет писал: "В ответ на внимание Августейших Особ мне сильно хотелось написать поздравление его высочества Павла Александровича с бракосочетанием <...> Высоконовообрачный в день бракосочетания благодарил самой любезной телеграммой. Как ни трудны для меня стихотворения на известный случай, — это все-таки остается единственной монетой, которою наш брат платит за внимание" (ПД). 7 июля Полонский одобрительно отозвался о стихах и 14 июля 1889 г. Фет писал ему: "Стихотворение на случай есть задача возрастить цветы на камне. По-моему, за исключением одного Пушкина, только древние умели браться за подобные стихотворения, и мне кажется, не возись я с Горацием и особенно с Марциалом, мне никогда бы не сладить с эпиграммой Павлу Александровичу" (ПД). Об этом же стихотворении см. переписку Фета с К. Р. (ПД) в сентябре — октябре 1890 г., когда поэт готовил к изданию IV выпуск ВО. В ответ на письмо К. Р. от 11 октября, в котором он замечал, что "рифмы "Павел" и "правил" меня несколько поразили; это собственное имя в стихах, да еще на конце строки действует неприятно", Фет написал 14 октября 1890 г. пространное объяснение: "...И у древних поэтов, не знавших рифм, поставление данного слова на цезуре было наисильнейшим средством ударить на него. Этот естественный прием сохранился и в наших рифмованных стихах, усиливаясь еще перестановкою слова под рифму. То и другое сообщает всепобедную власть стихам Тютчева: "Ах, и не в эту землю я сложил // Все, чем я жил, и чем я дорожил". Постановка собственного имени воспеваемого героя под рифму имеет за собою множество классических у нас precedентов, начиная с ломоносовского: "Неси на небо глас и ветр, // Бессмертен ты, великий Петр". Как ни неловки эти стихи для современного уха, тем не менее Ломоносов очень хорошо знал, чего он добивается. Что касается до неточности рифм "заставил" и "Павел", то такие неточности весьма часто встречаются и у Лермонтова, и у Пушкина; последний даже употребляет ее в альбомном стихотворении: "Душа моя, Павел, // Держись моих правил"..." (ПД).

Павел Александрович — брат Александра III.

Александра Георгиевна — дочь Ольги Константиновны (сестры в. к. Константина Константиновича) и греческого короля Георга I.

XVII. Его императорскому высочеству в. к. Константину Константиновичу (Стр. 333)

Впервые — ВО4, стр. 26. Авторизованный текст стихотворения был послан К. Р. в письме от 8 мая 1890 г. (ПД), со следующей припиской: "Сегодня утром я невольно выразил стихами мысль, не раз мною высказанную вашему высочеству". Написано в ответ на стихотворение К. Р.: "Опять томит очарованьем", написанное им 4 мая 1890 г. и посланное Фету из Гатчины (см. "Стихотворения К. Р.", СПб., т. I, 1913, стр. 161).

XVIII. К ней (Стр. 334)

Впервые — ВО4, стр. 27. Авторизованный текст в письме к К. Р. от 26 апреля 1890 г.

(ПД). Посвящено жене К. Р. — в. к. Елизавете Маврикиевне.

226

XIX. Во сне (Стр. 335)

Впервые — ВО4, стр. 28. Авторизованный текст, без заглавия — в письме К. Р. от 27 апреля 1890 г. (ПД).

227

XX. На смерть М. Б-а (Стр. 336)

Впервые — ВО4, стр. 29-30.

Вместе со стихотворением "Жду я, тревогой объят" было послано в не дошедшем до нас письме Страхову, сразу же после написания. 21 декабря 1886 г. Страхов отвечал "...Тебя любили" — этим я недоволен. *Кругом* и *сон* — какая это рифма? Да и затем — Фета тут нет, кроме, пожалуй, первых двух стихов и всей второй строфы. А остальное — как у *ординарных стихотворцев*, по выражению Державина. Во второй строфе вместо *уже* не поставить ли когда?" (ПД). Возможно под впечатлением этого отрицательного отзыва Страхова поэт не включил стихотворение в III выпуск ВО, однако через четыре года ввел его в IV выпуск без всяких изменений.

Посвящено Мите Боткину (1877-1886), сыну Дмитрия Петровича Боткина, племяннику жены Фета.

228

XXI. Памяти С. С. Б-ой (Стр. 337)

Впервые — ВО4, стр. 31.

Посвящено Боткиной Софье Сергеевне (1840-1889) — жене Дмитрия Петровича Боткина, матери Мити Боткина.

229

XXII. "Была пора, и лед потока..." (Стр. 338)

Впервые — ВО4, стр. 32. Авторизованный текст в письме К. Р. от 26 апреля 1890 г. (ПД). Стихотворение было послано в не дошедшем до нас письме к Страхову, который в ответном письме от 22 апреля 1890 г. указывал: "...стих: "И мне зарей раскроет влага" кажется неясен. *Зарей* очень звучно, но не точно — купаться можно во все часы дня" (ПД). Фет оставил 11-ю строку без изменения.

230

XXIII. "Хоть счастье судьбой даровано не мне..." (Стр. 339)

Впервые — ВО4, стр. 33. Авторизованный текст — в письме к К. Р. от 26 июня 1890 г. (ПД).

XXIV. Графине С. А. Т-ой (во время моего 50-тилетнего юбилея) (Стр. 340)

Впервые — "Нива", 1890, № 30, стр. 754, с подзаголовком: "После моего юбилея" и вместе со стихотворением "Где среди иного поколенья", под ошибочным общим заглавием "Гр. С. А. Толстой". Однако, как указал Б. Я. Бухштаб (см. Изд. 1959 г., стр. 783), данное стихотворение посвящено С. А. Толстой (жене Л. Н. Толстого), а второе С. А. Толстой — вдове поэта А. К. Толстого. В ВО4 вошло с изменениями. Автограф (без подзаголовка) в письме к С. А. Толстой от 19 февраля 1889 г. (ГМТ). Навеяно посещением и обедом Фета у Толстого 18 февраля 1889 г. (см. запись Толстого в дневнике от 18 февраля, т. 50, стр. 38). Посылая стихотворение, Фет писал: "Вот посильное приношение одного из двух стариков, которых вы вчера почтили, вводя под руку в гостиную. Мне не хотелось, чтобы стороння<я> рука прикасалась к моему новорожденному и переписываю его сам своим неразборчивым почерком" (ГМТ).

XXV. "Сегодня все звезды так пышно..." (Стр. 341)

Впервые — РВ, 1889, № 2, стр. 134. В ВО4 вошло в новой редакции. Б. Садовской опубликовал четыре редакции стихотворения: первые три — ранние, с датой 27 октября 1883 г. и 4-ю журнальную редакцию, с датой 26 ноября 1888 г. (Ледоход, стр. 9293). Дата 26 ноября подтверждается тем, что в этой же, "четвертой" редакции стихотворение было послано К. Р. в письме от 28 ноября 1888 г. (авторизованный текст в ПД), в котором Фет сообщал, что написал его "на днях". Этот же текст без изменений Фет опубликовал в феврале 1889 г. в журнале и только для издания ВО переделал стихотворение заново (5-я редакция). По-видимому, не совсем верно помечать все три первоначальные редакции одним числом: 27 октября (как это сделано у Садовского). Как видно из писем Страхова, стихотворение писалось на протяжении октября — ноября. 7 ноября 1888 г. Страхов писал поэту (вероятно, о второй редакции): "В стихах, истинно прелестных, меньше всего мне нравится первый куплет. *Проходила и преклонялись не стои т ли вместо прошла и были преклонены !* Проходила — многократный вид. И во втором куплете *не напрасно, не даром* стоят, мне кажется, вместо каких-то других слов. Впрочем, может быть, я не понимаю". 20-21 ноября Страхов писал о следующей, третьей, редакции: "Новые две строфы мне показались слабее старых, и я начинаю мириться с прежним их видом. *Зари-то* — непозволительно! Нет, трудно предлагать перемены в письмах, не в живом разговоре" (ПД). Как видно из приводимых вариантов, поэт снова и снова переделывал стихотворение.

XXVI. Е.Д.Д-ъ (Стр. 342)

Впервые — "Нива", 1890, № 44, стр. 1090, без заглавия.

Посвящено Елизавете Дмитриевне Дункер — дочери Дмитрия Петровича Боткина, племяннице М. П. Шеншиной.

Бухштаб высказал предположение, что стихотворение явилось дарственной надписью на III выпуске книги "Вечерних огней". 24 января 1888 г. Страхов писал Фету об этом стихотворении. "...Особенно неудачен третий куплет, да и все слабо. "Может ли трезвый то высказать силой ума". Не лучше ли так? И вместо *я расскажу* — я лишь скажу. Но это прелесть, это восток, хоть тут и действует муза!" (ПД); Фет, однако, оставил стихотворение без изменения.

234

XXVII. "Руку бы снова твою мне хотелось пожать..." (Стр. 343)

Впервые — РО, 1890, № 6, стр. 490. В ВО4 вошло с изменениями.
Посвящено А. Л. Бржеской (см. о ней примечание к стих. "А. Л. Бржеской").

235

XXVIII. "Гаснет заря, — в забытьи, в полусне..." (Стр. 344)

Впервые — "Гусли", 1889, № 3, стр. 33. В ВО4 вошло с изменениями. Авторизованный текст в письме к Полонскому от 7 января 1889 г. (ПД), в котором поэт сообщал: "Написал я случайно стихотворение, о котором желал бы знать твое мнение". Полонский ответил 11 января: "Присланное тобой стихотворение прекрасно по тону чувства и мысли, которые нашли себе поэтическую форму, — но в звуковом отношении оно меня не вполне удовлетворяет, — я чувствую краску и вес слов и нахожу, что в первом куплете слова: *тружу* и *твержу* слишком тяжелы для такой воздушной и тонкой формы <...> По тону всего стихотворения тут должно быть воззвание или восклицание, — а не то, что *твердят*, т. е. повторяют несколько раз. Вот мое единственное замечание" (ПД). Учтя замечание Полонского, Фет внес поправки в стихотворение и 16 января послал ему первый куплет в исправленном виде. Страхов, познакомившись со стихотворением в первом его варианте, писал поэту 10 января 1889 г.: "Гаснет заря" — имеет все ваши прелести и все ваши недостатки" (ПД).

236

XXIX. "В полуночной тиши бессонницы моей..." (Стр. 345)

Впервые — РО, 1890, № 11, стр. 239.

В начале января 1888 г. стихотворение в ранней, не дошедшей до нас редакции, было послано Страхову, который писал Фету 24 января: "Не хорошо *жертвуя для смертного*; дело идет о богах и потому слово *жертвовать* нельзя употреблять в переносном смысле. "И лишь надменные глухие красоты // Не зная милости и битвы..." Этого я не понимаю" (ПД).

В РО и ВО 9-я строка читалась: "Стоят усердные, прекрасные друзья..." 27 ноября 1890 г. Полонский восклицал в письме к Фету: "...опять досадная, проклятая грамматика..." и, указывая на 15-ю и 16-ю строки, писал: "Кто *оне*? — прекрасные друзья и развенчанные боги — откуда же вдруг *оне*?! По-моему это недосмотр, сделанный ради рифмы" (ПД). 29 ноября Фет отвечал: "Поверь мне на слово, я очень признателен тебе за внимание к моим стихотворениям, хотя в стихотворении "В полуночной тиши" явно речь идет об женщинах; но если бы я при помощи Страхова раньше заметил неожиданное "оне", то исправил бы третий куплет следующим образом: "Богини прежние опять мои друзья" — и сказал бы: "Оне, развенчанные боги" (ПД и "Иллюстрированное приложение к газете "Новое время", 1914, 4 января, стр. 9). По замечанию Полонского, поэт исправил 9-ю строку (нами печатается исправленный вариант), однако в текст уже вышедшего IV выпуска ВО поправку внести было поздно. В статье "О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета в Полонского" (РО, 1890, № 12, стр. 651) В. Соловьев писал: "А. А. Фет, узнав о настоящей статье, преимущественно посвященной "Вечерним огням", просил меня поместить здесь одну поправку к только что вышедшему IV выпуску..." Далее приводится 3-я строка так, как она должна читаться.

237

**XXX. Его императорскому высочеству в. к. Константину Константиновичу. При книге
"Мои воспоминания" (Стр. 347)**

Впервые опубликовано — ВО4, стр. 41.

238

XXXI. "Только что спрячется солнце..." (Стр. 348)

Впервые — "Нива", 1890, № 20, стр. 513. В ВО4 вошло с изменением.

239

XXXII. На юбилей А. Н. Майкова 30 апреля 1888 года (Стр. 349)

Впервые — ВО4, стр. 43-44 Б. Садовской опубликовал раннюю редакцию стихотворения, датированную 11 марта 1888 г. (Ледоход, стр. 90). Авторизованный текст — в письме к К. Р. от 2 апреля 1888 г. (ПД). Стихи написаны на пятидесятилетие поэтической деятельности А. Н. Майкова (см. о нем примечание к стих. "А. Н. Майкову"). Фет пробовал несколько вариантов юбилейного поздравления, но не был ими доволен (см. стих. "На юбилей А. Н. Майкова": "Как привлечь к себе внимание...", написанное 7 марта и опубликованное лишь посмертно в Изд. 1901 г.). 10 марта 1888 г. поэт жаловался Полонскому: "Все время напрасно мучаюсь, выдавливая из себя хотя бы восемь юбилейных стихов в честь Майкова, и вижу, что я в этом случае более всего похож на бесплодного мула" (ПД). 18 марта 1888 г. Страхов писал по поводу раннего варианта стихотворения: "...Первые два куплета хороши; но третий прозаичен, а четвертый непонятен. Если: "Не вечно земному и жить // Во прахе нас скоро забудут", то и конец всему, и обещать больше нечего. "Но его (кого?) в небесах уносить // Лебединые крылья все будут". Последний стих — фетовская прелесть! Но, что же это значит? В небесах? Где и куда?" (ПД). Исправленное стихотворение Фет послал К. Р. в письме от 2 апреля 1888 г.: "Прилагаю при сем с таким трудом доставшееся мне и просмотренное уже Страховым стихотворение на юбилей А. Н. Майкова..." (ПД). 3 апреля Страхов вновь возвращается к этому стихотворению: "Предлагаю вам еще две маленьких перемены. 1. Вместо *громкозвучных стихов* не лучше ли *драгоценных* стихов? Громкозвучный — очень избитое и чересчур громкое слово. 2. Вместо: *Нам умолкнуть, отстать, замолчать* не сказать ли яснее: "Наш восторг не дает нам молчать // Но восторженных скоро забудут" или так: "Пусть в восторге не можем молчать..." "Хоть в восторге нет силы молчать..." Ну, вы придумаете лучше моего, сколько бы я ни тужился" (ПД). Переделывая стихотворение. Фет учел поправки Страхова, (В ПД, в архиве Майкова — 17.141.CIX 6.8 — имеется список стихотворения с подписью рукой Фета и с текстом, совпадающим с публикацией в ВО. Слово "драгоценных" написано здесь на месте стертого "громкозвучных").

Полонский, который был председателем юбилейной комиссии и через руки которого проходили все юбилейные стихи, писал 7 мая Фету: "...Твои стихи Майкову очень хороши, но слово юбилей портит их — слишком прозаично это слово для того, чтоб играть какую бы то ни было роль среди таких поэтических глаголов" (ПД). Страхов, описывая юбилей, сообщал Фету 5 мая: "...Ваши стихи были очень недурно прочитаны профессором Незеленовым и вызвали более оживленные рукоплескания, чем другие стихотворения" (ПД).

240

XXXIII. "Роями поднялись крылатые мечты..." (Стр. 350)

Впервые — РО, 1890, № 10, стр. 518. В ВО4 вошло с изменением.

Авторизованный текст в письме к Полонскому от 18 февраля 1889 г. (ПД). Советуя Полонскому без сожаления выбросить один из неудачных куплетов его стихотворения, Фет писал: "Смешно нам с тобою, перевалившим за юбилей, гоняться как школьникам за успехом каждого нового стихотворения. Распустился или нет новый цветок в нашем цветнике, значение последнего не прибудет и не убудет <...> А затем представляю, в свою очередь, на суд твой два цветка — позднушка, распустившихся случайно уже во след за закрытием цветочной выставки" (ПД). Данное стихотворение в письме Фета шло вторым, первым было "От огней, от толпы беспощадной...". Полонский ответил 1 марта: "Стихи, тобою присланные, написаны а la Гете — стало быть хороши, — скажу только, что первое из них — тоньше второго, а второе — глубже первого, и оба будут поняты и почувствованы весьма немногими" (ПД).

241

XXXIV. На бракосочетание Е и К. Д-ъ (Стр. 351)

Впервые — ВО1, стр. 46-47. Посвящено бракосочетанию Константина Густавовича Дункер с Елизаветой Дмитриевной Боткиной (см. примечание к стих. "Б. Д. Д-ъ").

3 мая 1889 г. Фет писал гр. А. В. Олсуфьеву: "Через неделю по приезде нашем в деревню, мы поехали на восток от Белгорода к Боткиным на их сахарный завод, где происходило 30-го апреля бракосочетание нашей племянницы с инженером Дункером. Воздерживаюсь от описания торжества, в котором мне пришлось фигурировать сперва как камергеру, вводящему невесту в церковь, а затем и как поэту, произнесшему пару строк с бокалом в руке" (ГБЛ).

242

XXXV. Зной (Стр. 352)

Впервые — РВ, 1889, № 2, стр. 134, без заглавия. Авторизованный текст в письме К. Р. от 28 ноября 1888 г. (ПД).

243

XXXVI. М. В. К-ной (Стр. 353)

Впервые — ВО4, стр. 49.

Посвящено Марии Николаевне Коншиной — жене поэта В. В. Коншина.

244

XXXVII. "Как трудно повторять живую красоту..." (Стр. 354)

Впервые — РО, 1890, № 6, стр. 518. В ВО4 вошло с изменением.

245

XXXVIII. "От огней, от толпы беспощадной..." (Стр. 355)

Впервые — "Гусляр", 1889, № 13, стр. 193. В ВО4 вошло с изменением. Авторизованный текст в письме к Полонскому от 18 февраля 1889 г. (ПД — см. примеч. к стих. "Роями поднялись крылатые мечты..."), представляющий собой вариант, идентичный с журнальной публикацией (но не датированный 7-м февралем, как ошибочно указывает Б. Я. Бухштаб — Изд. 1959, стр. 748). Б. Садовской, опубликовавший ранний вариант стихотворения по не дошедшей до нас тетради, указывает, что под ним стоит дата, написанная рукой Фета: "7 февр. 89 г."

246

XXXIX. Ракета (Стр. 356)

Впервые — ВО4, стр. 52.

247

XL. Л. И. О-й. При посылке портрета (Стр. 357)

Впервые — "Нива", 1890, № 41, стр. 1018. В ВО4 вошло с изменением. Посвящено Любви Ильиничне Офросимовой, дочери И. Ф. Офросимова (см. примеч. к стих. "И. Ф. Офросимову").

248

XLI. Из Мерики (Стр. 358)

Перевод стихотворения Мерики "Jačevlied". Впервые — "Гусляр", 1889, № 13, стр. 193. В ВО4 вошло с изменениями.

249

XLII. Графине С. Л. Толстой (Алексей) (Стр. 359)

Впервые — "Нива", 1890, № 30, стр. 754, вместе со стихотворением "Пора! по влаге кругосветной..." (см. примеч. к нему), под общим заглавием: "Графине С. А. Толстой". В ВО4 вошло с изменениями. Авторизованный текст — в письмах к К. Р. от 11 января 1890 г., с заглавием: "Графине С. А. Алексей Толстой" и к Полонскому от 5 января 1890 г. (ПД), в котором Фет писал: "...я крайне заинтересован твоим мнением о двух стихотворениях, на днях нечаянно выкатившихся из моего опустевшего ларца" (второе стихотворение — "Quasi una fantasia"). В ответном письме от 11 января Полонский причисляет оба стихотворения к разделу "не ярких", но "очень тонких", в которых не сразу заметишь их "кружевную тонину" (ПД).

Посвящено вдове поэта А. К. Толстого — С. А. Толстой.

250

XLIII. Quasi una fantasia (Стр. 360)

Впервые — "Нива", 1890, № 13, стр. 342. Авторизованный текст — в письмах К. Р. от 11 января и к Полонскому от 5 января 1890 г. (ПД — см. примеч. к предыдущему стих.). Последнему стихотворение было послано в ранней редакции. 11 января 1890 г. Полонский ответил: "...Как-то неграмматично: "В плеске крылий // Подлетать // В мир стремлений". Не лучше ли — *с плеском крылий* и *улетать* — вместо *подлетать*, — ибо *подлетать* — к чему, а *улетать* — во что!" При подготовке издания ВО Фет учел замечания Полонского. Страхов назвал стихотворение "прозрачным, как кристалл" (см. его письмо к Фету от 30 марта 1890 г. — ПД). В апреле 1890 г. стихотворение было переведено на немецкий язык для "Moskauer Almanach" Георгом Бахманом (1852-1909) — известным немецким поэтом и переводчиком, жившим в России. (Его перу принадлежат переводы на нем. язык стихотв. Майкова, А. Толстого, Бальмонта, Брюсова и др. русских поэтов). 18 апреля 1890 г. Фет в письме к Г. И. Ланге просил поблагодарить Бахмана, который "с крайней чуткостью и добросовестностью истинного поэта сохранил и размер, и последовательность стихов и куплетов" (ПД).

251**XLIV. "Упреком, жалостью внушенным..." (Стр. 361)**

Впервые — РО, 1890, № 10, стр. 517.

25 октября 1890 г. Полонский восторженно писал Фету: "Стихи эти так хороши, что я от восторга готов ругаться..." (ПД, "Иллюстрированное приложение к газете "Новое время", 4 января 1914 г. — "Переписка поэтов Я. П. Полонского и А. А. Фета", стр. 8).

252**XLV. "Прости! Во мгле воспоминанья..." (Стр. 362)**

Впервые — РО, 1890, № 6, стр. 489. В ВО4 пошло с изменением.

Авторизованный текст — в письме к К. Р. от 12 февраля 1888 г. (ПД).

253**XLVI. "Давно ль на шутки вызывала..." (Стр. 363)**

Впервые — ВО4, стр. 61. Авторизованный текст в письмах к К. Р. от 26 апреля и Полонскому от 25 апреля 1890 г. (ПД). В ответном письме от 12 мая 1890 г. Полонский высоко оценил стихотворение за его "глубокий психологический смысл" и сетовал, что в его собственных стихах нет "фетовского лиризма" и умения писать небольшие стихотворения (ПД).

254**XLVII. Я. П. Полонскому (Стр. 364)**

Впервые — ВО4, стр. 62. В ГБЛ (ф. 315.1.22) — список рукой секретаря Фета Е. В. Федоровой. Авторизованный текст — в письме к Полонскому от 26 августа 1890 г. (ПД), в котором поэт сообщал, что "диктуя это письмо", он "начертил" и стихотворение (ПД).

255

XLVIII. В альбом Н.Я. П-ой (Стр. 365)

Впервые — ВО4, стр. 63.

Посвящено Наталье Яковлевне Полонской — дочери Я. П. Полонского.

256

XLIX. Графине Н.М. С-ъ (Стр. 366)

Впервые — ВО4, стр. 64. В сб. "Парфенон", № 1, СПб., 1922 А. Тиняков опубликовал стихотворение "по имеющемуся у нас собственноручному оригиналу" с разночтением по сравнению с текстом ВО в 10-й строке.

Посвящено Наталье Михайловне Соллогуб (1851-1915) — писательнице и переводчице, жене Ф. Л. Соллогуба.

257

L. И.Ф. О-у На юбилей конского его завода в селе Березовце (Стр. 367)

Впервые — ВО4, стр. 65-66.

Посвящено Илье Федоровичу Офросимову — генерал-лейтенанту.

258

LI. "Мама! глянь-ка из окошка..." (Стр. 368)

Впервые — "Нива", 1890, № 16, стр. 417.

259

LII. Е. С. Х-й. При получении от нее пышного букета цветной капусты (Стр. 369)

Впервые — ВО4, стр. 69. Посвящено Е. С. Хомутовой (см. примеч. к стихотворению "Ек. Серг. Х-ой").

260

LIII. "Запретили тебе выходить..." (Стр. 370)

Впервые — ВО4, стр. 70. Список рукой Е. В. Федоровой в ГБЛ (ф. 315.1.22).

ДОПОЛНЕНИЯ ВЫПУСК ПЯТЫЙ

261

I. "Из тонких линий идеала..." (Стр. 373)

Впервые — РО, 1891, № 7, стр. 123. В Изд. 1894 г. вошло с разночтениями. Авторизованный текст (вместе со стих. "Сентябрьская роза") — в письме Фета к Полонскому от 9 декабря 1890 г. (ПД), список рукой Е. В. Федоровой — в ГБЛ (ф. 315.1.22).

19 декабря 1890 г. Полонский писал поэту: "...Вот смотрю я на свои стихи: "Ты ничего не потеряла, // Но все ты вдруг, приобрела..." Почему вдруг, а не постепенно? Может быть,

так и следует, как ты написал. — Положим, я бы сказал: "И новое приобрела", но могу ли я поручиться, что это лучше?" 21 декабря Фет ответил: "В большинстве случаев неясность — обвинительный приговор поэта. Но, во-первых, бывают случаи, когда поэт сам не подымает окончательно завесы перед зрителем, предоставляя последнему глядеть сквозь дымку, как, например, пред изображением вчерашней наивной девушки, взглянувшей наконец в действительную жизнь с ее высшими дарами. Как же тут не сказать: вдруг приобрела? Я хотел сказать, что по внешности нельзя отличить вчерашнее наивное существо от сегодняшней жизненной женщины за исключением, быть может, невольного выражения во взоре. По-моему, разоблачать эту мысль до последней очевидности поэту не следует. Во-вторых, у всякого поэтического стиха есть то призрачное увеличение объема, которое существует в дрожащей струне (так как без этого дрожания нет самой музыки)..." (ПД).

262

II. Сентябрьская роза (Стр. 374)

Впервые — "Царь-колокол", 1891, № 4, стр. 57. Авторизованный текст без заглавия — в письме к Полонскому от 9 декабря 1890 г. (ПД). В ответном письме от 19 декабря Полонский писал, что в стихотворение, — чтобы понять его, — "...нужно мысленно вставить пропущенные слова — или роза с тем и расцвела, чтоб прильнуть к груди хозяйки молодой, — или она этого хочет — ждет, что ее сорвут и приколят к груди; а иной, чего доброго, спросит, как могла роза расцвести в октябре, да еще на *мертвенной* гряде! — слово *мертвенный* слишком сильно <...> для меня высота поэтического искусства — это такая простота и ясность, чтобы каждая полуграмотная девчонка понимала их, — таковы лучшие стихотворения Пушкина и Лермонтова... и, добавлю, лучшие стихотворения Фета". Далее Полонский пишет, что понять поэзию Фета смогут лишь немногие, так как "у ней свое идеальное солнце — своя манера, свои капризы..." (ПД). 30 декабря 1890 г. Фет ответил: "Хотя наши штамповые розы цветут до нашего отъезда в Москву — 1 октября, — тем не менее я исправил — сентября; и вместо "расставшись с мертвенной грядой", — поставил "с холодной разлучалась грядой". В журнале Фет поместил стихотворение уже в исправленном виде.

263

III. "Еще люблю, еще томлюсь..." (Стр. 375)

Впервые — РО, 1891, № 1, стр. 203.

264

IV. "Я не знаю, не скажу я..." (Стр. 376)

Впервые — РВ, 1891, № 3, стр. 254.

Стихотворение было послано в не дошедшем до нас письме Страхову, который отвечал 29 декабря 1890 г.: "Стих "За моей дрожащей песней" очень хорош, но предлог за тут стоит вместо другого, более точного слова. Ведь вы хотите просто сказать: *когда я пою* или *от моей дрожащей песни*. Так ли я вас понял?" (ПД). Ответ Фета неизвестен.

265

V. "На кресле отваясь, гляжу на потолок..." (Стр. 377)

Впервые — РО, 1891, № 1, стр. 204. Авторизованный текст в письме к Полонскому от 21 декабря 1890 г. (ПД). В не дошедшем до нас письме было послано (вместе с предыдущим стих.) также к Страхову, который отвечал 29 декабря 1890 г.: "Осенний цвет зари на небесах *как есть* — дело невозможное. Это ведь вместо *точь в точь* ? Да и нужно бы яснее сказать, что это, мерещится ли на потолке или вам виднеется в окно?" (ПД).

Неудачную, по мнению Страхова, 5-ю строку Фет переделал с помощью художника И. С. Остроухова и благодарил его за предложенную "безупречно правильную и гармоническую версию стиха". "...Я окончательно остановился на слове "след", — писал ему Фет. — Раз что пошло на критику, то можно сказать, что *свет* более *мерцания*, в котором он по смыслу стиха должен заключаться, как часть в целом, и потому выходит несколько излишне определенным в сравнении со слабым мерцанием, тогда как *след* есть просто остаток, необуравшийся хвост, неопределенное продолжение чего-то и *требовалось доказать*" (Арх. Гос. Третьяковской галереи. Дата письма неизвестна). Полонскому стихотворение было послано уже в исправленном виде.

266

VI. "Опавший лист дрожит от нашего движенья..." (Стр. 378)

Впервые — РО, 1891, № 4, стр. 502. Автограф в альбоме А. Жиркевича (ГМТ), стр. 30 (на одном листе с стихотворением "Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал"), с датой: "Москва 1891 года, января 20 дня" и его надписью: "Собственноручный автограф поэта Афанасия Афанасьевича Шеншина (Фета), написанный для меня в память нашего знакомства в Москве: оба стихотворения были мне прочтены незабвенным поэтом". Авторизованные тексты (также со стихотворением "Если бы в сердце...") в письмах к Полонскому от 19 января и К. Р. от 20 января 1891 г. (ПД).

20 января Полонский писал Фету, что: "...Опавший лист" требует вникания — так все в нем тонко и глубоко. Слово *блекнущих* слишком резко по звуку — так мне кажется... Есть очень смелые обороты речи... *ласковые извивы*, "восторг живет на устах". Но эта смелость твоей Музы мне нравится. — Мне даже завидно, что твоя Муза смелее моей" (ПД).

267

VII. "Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал..." (Стр. 379)

Впервые — РО, 1891, № 4, стр. 503. Автограф в альбоме А. В. Жиркевича (ГМТ — см. коммент. к стих. "Опавший лист дрожит от нашего движенья"). Авторизованный текст (вместе с предыдущим стихотворением) — в письмах к Полонскому от 19 января и К. Р. от 20 января 1891 г. (ПД).

20 января 1891 г. Полонский сообщал поэту, что наслаждается обоими стихотворениями, из которых данное, по его мнению, "лучшее", и советует поставить вместо *солгу* — *лгу*, вместо *но* — *ведь*, а вместо *глядеть* — *гляжу*. Н. Н. Страхова не удовлетворяла последняя строка: "...Тут Я всему мешает; выходит что "я не могу на тебя глядеть и не могу лгать", а вы совсем не то хотите сказать", — писал он 1 марта 1891 г. (ПД).

268

VIII. "Весь вешний день среди стремленья..." (Стр. 380)

Впервые — РВ, 1891, № 3, стр. 254. Авторизованный текст в письме к Полонскому от

25 января 1891 г. (ПД) вместе со стихотворениями "Безобидней всех и проще" и "Завтра — я не различаю". "В последнее время, — писал Фет, — Муза моя разразилась стихами, из коих посылаю три образчика..."

269**IX. "Безобидней всех и проще..." (Стр. 381)**

Впервые — Изд. 1894 г., ч. II, стр. 206. Авторизованный текст в письме к Полонскому от 25 января 1891 г. (ПД). Фет писал ему, что в этом стихотворении "...мотив словно навеян твоим стихотворением, сравнивающим поэта с птицей". 3 февраля 1891 г. Полонский ответил: "В стих<отворении> "Безобидней всех и проще" мне не нравится только последнее слово *усилья*. Кто знаком с русскими поэтами, тому непременно придет на ум стих<отворение> Тютчева "Дрожит от боли и усилья..." <...> Но не в этом беда, — а беда в том, что при *усильи*, по-моему, физически *восторг* невозможен. Представь себе певца, у которого пропал голос, — усиливается петь, и не может, — какой же тут может быть восторг — не восторг, а досада... досада, досада" (ПД). Эти строки не нравились и Страхову, которому стихотворение было послано в не дошедшем до нас письме со стихотворением "Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал". Он ответил Фету 1 марта 1891 г.: "...*Трепещут прильнуть* — оборот невозможный, хотя это ваша обыкновенная манера" (ПД). Там же Страхов писал: "...Эти *уста, ланиты, ручки, волосы, глазки*, а потом — *счастье, безумство, восторг* и так далее (хотя далее уже, кажется, нет следствий) показались мне в первую минуту столь же странными и чуждыми, как завитые в парикмахерской волосы и крупные запонки Полонского..." (ПД).

270**X. Графине Наталье Михайловне Соллогуб (Стр. 382)**

Впервые опубликовано — Изд. 1894 г., ч. II стр. 316. О графине Н. М. Соллогуб см. прим. к стр. 366.

271**XI. "Завтра — я не различаю..." (Стр. 383)**

Впервые — "Артист", 1891, № 13, стр. 101. Авторизованный текст в письме к Полонскому от 25 января 1891 г. (ПД) (См. примеч. к стихотворению "Весь вешний день среди стремленья"). 3 февраля 1891 г. Полонский ответил Фету: "В последних двух стихах было бы желательно более противопоставления, чем в твоих "стыдно" и "разумно", ибо и стыд может быть разумен <...> — было бы лучше: "Рассуждать сегодня — *глупо* // А безумствовать — разумно" (ПД).

272**XII. "Не упрекай, что я смущаюсь..." (Стр. 384)**

Впервые — РО, 1891, № 5, стр. 142.

273

ХІІІ. "Только месяц взошел..." (Стр. 385)

Впервые — Изд. 1894 г., ч. I, стр. 241. Авторизованный текст (вместе со следующим стихотворением) — в письме к К. Р. от 20 февраля 1891 г. (ПД).

274

ХІV. "Качался, звезды мигали лучами..." (Стр. 386)

Впервые — РВ, 1891, № 10, стр. 1. Авторизованный текст в письме к Полонскому от 17 февраля 1891 г. (ПД), в котором Фет писал, что посылает "на растерзание" написанное "сегодня" стихотворение. На следующий день Полонский ответил: "В первом куплете: "И мы любовались *с тобою* огнями". Кто бы ни был при этом тот, к кому ты говоришь: *с тобою* — друг или женщина, — все равно. Это понятно... Но во 2-м куплете: "Казалось, рулем управляя волшебным // Глубоко *ты* грудь мне *взрезаешь в побеге ...*" Кто это? — Если женщина, то ведь она с тобой, и любит морем! Как же это *побег*? — Какие надо усилия, чтоб догадаться, что ты страсть, внушаемую тебе женщиной, сравниваешь с кораблем, бегущим по морю. Да если и догадываешься: насколько верно такое архивосточное сравнение? "*И там в глубине ...*" Да тут целых три глубины: глубина неба, глубина моря и глубина твоей души — я полагаю, что ты тут говоришь о глубине души твоей... Но полагать или догадываться мало. Кто не догадается, тот ничего не поймет <...> Пожалуйста, не бросай этого стихотворения; но воспользуйся минутою поэтического настроенья и его усовершенствуй..." (ПД). Готовя стихотворение к публикации в журнале, Фет внес в него исправления, но замечания Полонского не были им учтены. Авторизованный (и уже исправленный текст, вместе с предыдущим стихотворением) имеется и в письме к К. Р. от 20 февраля 1891 г. (ПД), который отвечал 13 марта: "Я. разумеется, оценил ваши подводные звезды; но казалось бы, что любое прилагательное придало морю более поэзии и широкого смысла, чем собственное имя Средиземного. Не слишком ли смело представление о груди, взрезанной рулем?" "Знакомый по плаванию только с Балтийским, Черным и Средиземным морями, — отвечал Фет 17 марта, — я не знаю, есть ли в других морях, кроме Средиземного, то фосфорическое подводное освещение, на котором основано мое стихотворение. Я совершенно согласен признать необузданно смелым отождествление собственной груди с морем, взрезаемым килем корабля, но это сравнение так животрепещуще передает то, что мне хотелось сказать, что я готов за него подвергнуться самым беспощадным упрекам" (ПД).

275

ХV. "Нет, даже не тогда, когда стопой воздушной..." (Стр. 387)

Впервые — РО, 1892, № 1, стр. 40.

276

ХVІ. "Я слышу — и судьбе я покоряюсь грозной..." (Стр. 388)

Впервые — РО, 1892, № 1, стр. 41.

277

ХVІІ. "Кляните нас! Нам дорога свобода..." (Стр. 389)

278

XVIII. "Мы встретились вновь после долгой разлуки..." (Стр. 390)

Впервые — РО, 1892, № 1, стр. 43. Авторизованный текст раннего варианта стихотворения — в письме Полонскому от 1 апреля 1891 г. (ПД), в котором поэт писал: "На днях во время бессонницы я написал стихотворение, которое представляю при сем на твой суд". 11 апреля Полонский ответил: "Стихотворение твое — прелесть. Хоть мое воображение и отказывается видеть тебя плачущим от чего бы то ни было; но тут я не могу придраться ни к единому словечку. Ясно, что во время бессонницы не ты владел стихами, а стихи владели тобой..." (ПД).

Стихотворение было послано в не дошедшем до нас письме Страхову, который в ответном письме от 20 апреля 1891 г. указывал на "неясность, относительно последовательности времени. Сначала встретились, потом часто в глаза глядели, наконец, сидели под ивой плакучей. Тут нет большого порядка, и я подозреваю, что воспоминания смешиваются с минутой встречи..." (ПД).

279

XIX. "Люби меня! Как только твой покорный..." (Стр. 391)

Впервые — РВ, 1891, № 10, стр. 2.

280

XX. "За горами, песками, морями..." (Стр. 392)

Впервые — РВ, 1891, № 11, стр. 68. Авторизованные тексты стихотворения — в письмах Фета к Полонскому от 20 апреля и К. Р. от 4 мая 1891 г. (ПД), которому он писал: "Не знаю, будут ли у беспомощного старика новые вспышки вдохновения, но решаюсь представить на суд ваш следующее стихотворение..." 26 апреля Полонский ответил, что никаких замечаний у него нет: "...что хорошо — то хорошо!" (ПД).

Печатается с исправлением даты 4 мая, данной в Изд. 1894 г. на "середина апреля", так как в письме Полонскому от 20 апреля поэт сообщал, что стихотворение написано "на-днях".

281

XXI. Марианне Федоровне Ванлярской. При получении визитной карточки с летящими ласточками (Стр. 393)

Впервые — Изд. 1894 г., ч. II, 317.

Марианна Федоровна Ванлярская — сестра жены Д. Н. Цертелева, поэта и редактора журнала "Русское обозрение".

282

XXII. "Роящимся мечтам лететь дав волю..." (Стр. 394)

Впервые — "Нива", 1892. № 41, стр. 890.

283

XXIII. "Я говорю, что я люблю с тобою встречи..." (Стр. 395)

Впервые — Изд. 1894 г., ч. II, стр. 211. Авторизованный текст стихотворения в письме К. Р. от 29 мая 1891 г. и повторено в письме к нему от 21 июня. В Изд. 1894 г. опубликовано с измененной 5-й строкой.

284

XXIV. Фонтан (Стр. 396)

Впервые — РВ, 1891, № 12, стр. 26. В Изд. 1894 г., ч. I, стр. 98, вошло без заглавия, хотя в списках Фета и К. Р. (см. статью "Состав и принципы издания", стр. 643) стихотворение значилось под заглавием "Фонтан". Авторизованный текст (также с заглавием и вместе со стихотворением "Опять осенний блеск денницы...") в письме к Полонскому от 8 сентября 1891 г. (ПД), который отвечал 30 сентября: "В ст<ихотворении> "Фонтан" — "Правде мраку не помочь" — кто тут кому помогает? *Мрак правде или правда — мраку?* Не лучше ли — "Правде *мраком* не помочь?" 11 октября Фет благодарил Полонского: "Великое тебе спасибо насчет двусмыслия стиха: "Правде мраку не помочь", который я поправил так: "Мгле мерцаньем не помочь". Нужно, чтобы ночь представляла мглу, а не тьму, среди которой мерцанье фонтана не может быть заметно" (ПД).

285

XXV. На смерть Бражникова (Стр. 397)

Впервые — Ранние годы, стр. 298, с датой: 2 июня 1845 г. Авторизованный текст в письме к К. Р. от 21 июня 1891 г. (ПД), в котором Фет сообщал, что "дошедши в моих воспоминаниях до вступления в кirasиры Военного Ордена, я должен был рассказать о внезапной кончине красавца корнета и вспомнил наизусть написанное 46 лет тому назад стихотворение на его погребение. Если бы я не рылся в моих воспоминаниях, то никогда не вспомнил бы о нигде не появлявшемся стихотворении. На мои глаза стихотворение это тоже вроде блестящего и мало ценного камешка, которым я поиграл полвека тому назад..." 30 июня 1891 г. К. Р. писал Фету о присланных стихах: "Они прелестны и их непременно нужно поместить в пятом выпуске "Вечерних огней" (ПД). Б. Садовской указывал, что в не дошедшей до нас тетради стихотворение имело две даты: 2 июня 1845 г. и 14 июля 1891 г. По-видимому, Садовской ошибочно написал 14 июля вместо 14 июня, так как стихотворение было послано К. Р. 21 июня 1891 г. (Никольский также указывает дату второй редакции — 14 июня). Неточна, по-видимому, и дата ранней редакции: в воспоминаниях Фет указывает, что написал стихотворение "в день его погребения", однако, как указывает Б. Бухштаб, А. Бражников умер 27 июля 1845 г.

286

XXVI. "Давно в любви отрады мало..." (Стр. 398)

Впервые — РО, 1891, № 12, стр. 516.

XXVII. Королеве эллинов Ольге Константиновне 11 июля 1891 года (Стр. 399)

Впервые — Изд. 1894 г., ч. II, стр. 318. Стихотворение было послано в письме к К. Р. от 4 июля 1891 г., в котором Фет писал: "Третьего дня во время бессонницы у меня сложилось несколько куплетов к 11 июля, которые, при сем прилагая, прошу вас, при случае, передать ее величеству королеве" (ПД). Листок с текстом послания не сохранился в архиве, возможно потому, что был передан королеве. Стихотворение было написано "третьего" дня, т. е. 1 или 2 июля, и следовательно дата 4 июля, указанная в хронологическом указателе Никольского и повторенная в Изд. 1959 г., стр. 334 — неверна. 10 августа Фет в письме к К. Р. рассказал, что послал стихотворение писателю К. Н. Леонтьеву, который указал ему на целый ряд неудачных мест. Фет писал далее, что не хочет устранять стихотворение из сборника и потому написал новый, переделанный вариант, "который при жизни моей или после смерти должен войти в печатный сборник моих стихотворений". К сожалению, и этот прилагаемый листок со стихотворением был, по-видимому, переслан князем сестре и не сохранился. Текст его неизвестен.

Христофор — сын Ольги Константиновны и Георга I.

XXVIII. "О, как волнуюсь я мыслию больною..." (Стр. 400)

Впервые — "Нива", 1892, № 41, стр. 890. Б. Садовской опубликовал раннюю редакцию стихотворения (Ледоход, стр. 94).

XXIX. Петру Ильичу Чайковскому (Стр. 401)

Впервые — Над. 1894 г., ч. II, стр. 319. Авторизованный текст — в письме к К. Р. от 25 августа 1891 г. (ПД), в котором Фет описывал свое знакомство с композитором: "Дня три тому назад обедал у нас приехавший на два дня к нашему соседу Николаю Ильичу Чайковскому, родной его брат Петр Ильич. Он понравился мне, как вполне артистическая натура <...> Узнав, что он страстный любитель цветов, Марья Петровна поставила перед ним два букета из отцветающего сада, а я прочел и передал ему стихотворение, которым он остался, кажется, очень доволен".

Чайковский знал и любил поэзию Фета задолго до личного знакомства с ним, считая, что Фет единственный поэт, который заходит в область музыки. (Подробнее см. стр. 590-593).

XXX. В. к. Константину Константиновичу (Стр. 402)

Впервые — РО, 1892, № 1, стр. 39. Автограф в письме к К. Р. от 25 августа 1891 г., в котором поэт писал о том, что за 17 лет пока был "сельским тружеником" он не написал и трех стихотворений, а в Воробьевке "...Муза пробудилась от долголетнего сна и стала посещать меня так же часто, как на заре моей жизни. Эта простая правда как-то невольно сказала у меня стихами..." (ответное письмо К. Р. от 3 сентября 1891 г. — ПД).

XXXI. "Опять осенний блеск денницы..." (Стр. 403)

Впервые — Изд. 1894 г., ч. I, стр. 323.

Авторизованные тексты — в письмах Фета к Полонскому от 8 сентября (вместе со стихотворением "Фонтан" — ПД) и к С. А. Толстой от 14 сентября 1891 г. (ГМТ). Полонский отвечал 30 сентября: "Во втором стихотворении стих: *И уговор заводят* птицы, по-моему, тоже нужно как-нибудь исправить, ибо *заводят уговор* — не по-русски — нет такого выражения..." (ПД). Однако Фет не согласился с замечанием и писал 11 октября: "...убежденный и сам, что всякое изустное совещание, как *раз*, *у*, *при* -говор только и может *вестись* и не соединим ни с каким другим глаголом, я все-таки вчера за обедом спросил мнения Вл. Соловьева, который вполне разделяет мое мнение. При написании стиха, показавшегося тебе не русским, я помнил старинный романс: "Вели мы с ним нередко разговоры // Но о любви он мне не говорил" (ПД).

XXXII. Месяц и роза (Стр. 404)

Впервые — "Нива", 1892, № 47, стр. 1026. В Изд. 1894 г. вошло с изменением.

XXXIII. На погребение в. к. Александры Георгиевны 18 сентября 1891 (Стр. 405)

Впервые — Изд. 1894 г., ч. II, стр. 321. Автограф в письме к К. Р. от 27 сентября 1891 г. (ПД).

22 сентября 1891 г. К. Р., описывая смерть "юной, прекрасной, счастливой" дочери Ольги Константиновны — Александры Георгиевны (1870-1891) и скорбь матери, просил: "Не вырвется ли у вас слово утешения в стихах?"

XXXIV. "Ель рукавом мне тропинку завесила..." (Стр. 406)

Впервые — РВ, 1892, № 1, стр. 297. Авторизованные тексты — в письмах Фета к К. Р. от 4 ноября и Полонскому от 5 ноября 1891 г. (ПД), который ответил 19 ноября: "Последнее твоё стихотворение — прелесть..." Как видно из письма Фета к К. Р., стихотворение написано во время болезни поэта и навеяно любезным письмом князя, впечатление от которого он "попытался передать стихами".

В тексте стихотворения, посланного Фетом в письмах, 1-я строка отличалась от текста, опубликованного в журнале. Причины изменения строки поэт объясняет в письме к Полонскому от 10 декабря 1891 г.: "На днях я послал Бергу <редактору "Русского вестника"> два стихотворения, из которых одно начинается стихом: "Ель рукавом мне тропу занавесила". Этот лесной рукав возник в моем воображении раньше, чем я увидел, что повторяю внесенную тобою в русскую поэзию прелестную рифму: *занавесил* и *весел*. Чтобы хоть сколько-нибудь исправить нарек на кражу, я в настоящую минуту переправил для печати вместо бывшей: "тропу занавесила" — "тропинку завесила". Если бы я как-нибудь мог справиться с моим образом, то переменял бы весь куплет. Страхов постоянно упрекает меня в неясности моих стихов, а я, как ты видишь, преднамеренно напускаю загадочного тумана в твоё заключительное двусишие. Ясность ясности рознь. Можно сомневаться,

слышен ли в комнате запах гелиотропа или воскового дерева; но в запахе, оставленном неопрятною кошкою, сомневаться невозможно. Не отдать же предпочтение этой ясности перед тою неясностью" (ПД).

Высоко оценил стихотворение и Страхов (см. письмо от 7 января 1892 г. — ПД).

295**XXXV. Почему (Стр. 407)**

Впервые — РВ, 1892, № 5, стр. 32, без заглавия. В Изд. 1894 г. вошло с изменением. Авторизованный текст с датой 3 декабря — в письме Фета к К. Р. от 4 декабря 1891 г. (ПД), в котором поэт писал, что стихотворение было "набросано" им "третьего дня".

296**XL* На серебряную свадьбу Екатерины Петровны Щукиной. 4 февраля 1874 года (Стр. 408-410)**

* См. статью: "Состав и принципы издания", стр. 644.

Впервые — Изд. 1894 г., ч. II, стр. 246. Автограф русского текста и перевода, сделанного поэтом — в Тетр. II, стр. 91-92 об. Список рукой Е. В. Федоровой — в ГБЛ (ф. 315.1.26), под заглавием: "В день серебряной свадьбы Ек. П. Щукиной".

Щукина Екатерина Петровна — сестра М. П. Шеншиной.

297**XLI. Графине Наталье Михайловне Соллогуб (Стр. 411)**

Впервые — Изд. 1894 г., ч. II, стр. 323.

Н. М. Соллогуб — см. прим. к стр. 366. Береника — (III в. до н. э.) жена египетского царя Птолемея III. Во время войны Египта с Сирией Береника обрехала роскошные волосы и принесла их в храм Афродиты, моля об успешном исходе войны. Вскоре волосы исчезли из храма, и астрономы объясняли это явление тем, что они перенеслись на звезды (Созвездие "Волосы Береники").

298**XLII. "Не отнеси к холодному бесстрастью..." (Стр. 412)**

Впервые — "Сборник Нивы", 1892, № 12, стр. 410. Авторизованные тексты — в письмах Фета к Полонскому от 16 февраля и к К. Р. от 24 февраля 1892 г. (ПД). Посылая это и следующее стихотворение, поэт писал Полонскому: "Все это время Муза моя сидела как подурёха и даже не выплевывала подсолнечных семечек; но вчера и сегодня оступилась двумя стихотворениями..." В письме к К. Р. Фет назвал стихотворения "совершенно неожиданно вышедшими" из-под его "карандаша".

299**XLIII. "Ее могу я слышать этой птички..." (Стр. 413)**

Впервые — "Нива", 1893 г., № 4, стр. 90. Авторизованные тексты стихотворения в

письмах Фета к Полонскому от 16 февраля и к К. Р. от 24 февраля 1892 г. (ПД) — см. комментарий к предыдущему стихотворению. Поэт долго и упорно переделывал 11-ю строку стихотворения. Б. Садовской приводит несколько ее вариантов. Стихотворение было послано в не дошедшем до нас письме Страхову. 11-я строка в посланной редакции звучала так же, как и в письме к К. Р. 21 марта 1892 г. Страхов писал Фету: "Стихи ваши — прелесть! Могу возразить только против одной строчки: "без рассветных туч" и пр. — тут первые два слова сливаются в *безрассветный* — кажется этого легко избежать?" (ПД). Для публикации в "Ниве" Фет снова исправил строку.

300**XLIV. "Все, что волшебнo так манило..." (Стр. 414)**

Впервые — "Сборник Нивы", 1892, кн. 12, стр. 410.

301**XLV. "Рассыпался смехом ребенка..." (Стр. 415)**

Впервые — "Нива", 1893, № 4, стр. 90. Авторизованный текст в письме к Полонскому от 14 марта 1892 г. (ПД), в котором поэт писал: "...мало ли меня бранил даже ты за неясность и спутанность моих стихов? — а я все продолжаю в этом растрепанном роде. Для образца прилагаю вчерашнее стихотворение". В ответ Полонский писал 16 марта: "...Сыну моему очень нравятся твои два первых куплета, третий же куплет его не удовлетворяет. Слово *исполняяся* слишком неблагозвучно, а слово *могу* слишком резко обрубае стих, — по его мнению. Насчет *исполняяся* я с ним согласен, но "могу" отстаиваю" (ПД). 24 марта Фет ответил: "Спасибо тебе за указание на "исполняяся веры". Стих этот я изменил в "окрыленный восторгом"... Передай вместе с моим душевным приветом милому Александру Яковлевичу, что замечание его насчет обрубленного стиха доставило мне удовольствие, так как мне действительно хотелось обрубить словом *могу* последний стих, так как в этом слове заключается все внутреннее содержание стихотворения" (ПД).

302**XLVI. "Когда, смущенный, умолкаю..." (Стр. 416)**

Впервые — "Сборник Нивы", 1893, № 1, стр. 18.

303**XLVIII. "Она ему — образ мгновенный..." (Стр. 417)**

Впервые — "Сборник Нивы", 1893, № 1, стр. 18.

В письме к Полонскому от 7 апреля 1892 г. Фет писал: "Моя старуха Муза спит, спит, да вдруг во сне и забредит, а Екат<ерина> Вл<адимировна> запишет ее кошмар..." и прилагал стихотворение, "написанное третьего дня". Листок со стихотворением в архиве Полонского не сохранился, но можно предполагать, что речь шла о данном стихотворении, написанном 3 апреля (отзыв Страхова — в письме от 5 мая 1892 г. — ПД).

304

XLIX. "Ночь лазурная смотрит на скошенный луг..." (Стр. 418)

Впервые — "Сборник Нивы", 1893, № 1, стр. 18-19. Список рукой М. П. Шеншиной в ГБЛ (ф. 315.1.26) с датой "12 июня 92". Авторизованный текст — в письмах Полонскому от 14 июня и К. Р. от 18 июня 1892 г. (ПД). В письме к Полонскому Фет сообщал, что это было единственное стихотворение, созданное им "за все лето".

Печатается с исправлением опечатки по авторизованному тексту и журнальной публикации: строка 10 "знакомым" вместо: "знакомый".

305

L. "Барашков буря шлет своих..." (Стр. 419)

Впервые — Изд. 1894, ч. II, стр. 48. Авторизованный текст — в письме К. Р. от 4 сентября 1892 г. (ПД), в котором Фет писал: "Не одни глаза отказывают в своей службе: и Муза, замечая, вероятно, морщины на своем челе, становится все более застенчива и молчалива. Три куплета, которые бы ей скорее следовало прошептать на берегу моря, чем в степи, дерзаю представить на ваш суд".

То, что стихотворение было предназначено поэтом для V выпуска ВО, подтверждается письмом К. Р. Страхову. Подготовив издание 1894 г. к выпуску, в. князь писал 23 апреля 1894 г.: "Не думаете ли вы, что на XX-й странице предисловия следовало бы сказать, что мы позволили себе некоторые стихотворения перенести из отдела в отдел, как, например, "Добро и зло" из второго вып. "Вечерних огней" в "Элегии и думы" или "Барашков буря шлет своих" из пятого выпуска "Вечерних огней" в "Море" (ПД).

306

LI. "Тяжело в ночной тиши..." (Стр. 420)

Впервые опубликовано — Изд. 1894 г., ч. II, стр. 221.

307

LII. "Дай-ка няне ручки-крошки..." (Стр. 421)

Впервые — Изд. 1901 г., т. II, стр. 206.

Является переработкой двух последних строф стихотворения 1842 г. "На дворе не слышно вьюги", которое было включено в издания 1850, 1856 и 1863 годов. Публикуя впервые стихотворение в настоящем виде, Никольский писал, что печатает его как в полном его виде ("Бедный мальчик"), так и в переработке, "сделанной автором за несколько дней до смерти и предназначенной в 5-й выпуск "Вечерних огней", которого Фет так и не успел выпустить" (Никольский пользовался не дошедшими до нас рукописями поэта). В настоящем издании нами печатается этот сокращенный вариант по тексту издания Никольского. В Изд. 1894 г. стихотворение напечатано в контаминированном виде: первые пять строф ранней редакции и последняя строфа из переделанного восьмистишья "Дай-ка няне", с заглавием "Бедный мальчик". В списке Фета 1892 г. имеется заглавие "Бедный мальчик" с пометой "ненапечатанное", в отделе "Гадания" — но текст его неизвестен. Кроме того, там же, как ненапечатанное, фигурирует стихотворение "Дай-ка няне", которое К. Р. не нашел в последней тетради Фета и запрашивал о нем М. П. Шеншину (см. наст. том, стр. 645). По-видимому, "Дай-ка няне" позднее было выслано вдовой поэта К. Р. и Страхову и помещено в списке К. Р. под номером II.

308

LIII. В. к. Елисавете Маврикиевне и в. к. Константину Константиновичу. На милостивые строки от 21 октября (Стр. 422)

Впервые — Моск. вед., 1892 от 29 ноября, № 331, стр. 3, под заглавием: "Его имп. высочеству, вел. князю Константину Константиновичу". Стихотворение является ответом на письмо князя с сочувствием по поводу болезни Фета. Это последнее стихотворение, написанное поэтом во время тяжелых приступов удушья.

309

LIV. В альбом Марье Петровне Боткиной. Светлое Воскресенье (Стр. 423)

Впервые — Изд. 1894 г., ч. II, стр. 239. Автографы в альбоме М. П. Шеншиной (ПД), без заглавия и в Тетр. I, стр. 67, с заглавием: "В альбом. В первый день Пасхи". Список рукой М. П. Шеншиной в ГБЛ (ф. 315.1.26), с датой: 8 апреля 1857 г. — и с заглавием: "Светлое Воскресенье".

310

LV. Марье Петровне Шеншиной (Стр. 424)

Впервые — Изд. 1894 в., ч. II, стр. 314. Автограф на книге с переплетенными тремя выпусками "Вечерних огней" хранится в библиотеке русской поэзии И. Н. Розанова (Музей Пушкина).

311

Алмаз (Стр. 425)

Впервые — Сборник "Нивы", 1890 г., стр. 1. В Изд. 1894 г. вошло в другой, более ранней редакции. Авторизованный текст этой редакции — в письме Фета к К. Р. от 6 марта 1888 г.

312

"Теснее и ближе сюда!.." (Стр. 426)

Впервые — Изд. 1894 г., ч. II, стр. 202.
Сост. М.А. Соколова и Н.Н. Грамолина